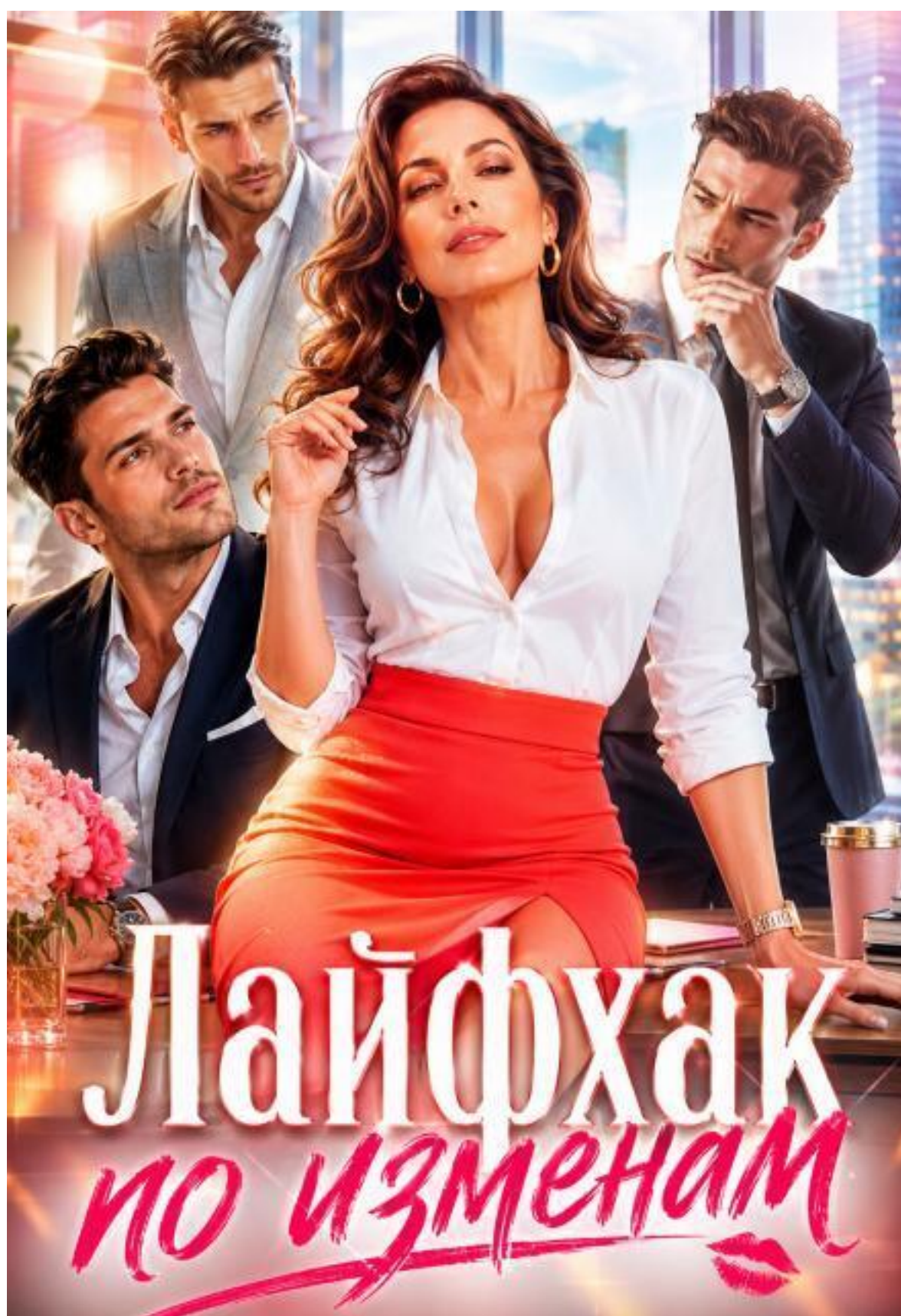

Ксения Соболева

Лайфхак по изменам

«Литнет»

2026

Соболева К.

Лайфхак по изменам / К. Соболева — «Литнет», 2026

Осторожно: эта история может вызвать литературный оргазм. Когда я узнала, что муж променял меня на молодую модель, я не стала плакать, устраивать скандал или делить имущество. Я составила план. В моём отделе продаж всегда хватало красивых мужчин. Умных. Наглых. Амбициозных. Тех, кто слишком долго смотрел на мои ноги во время совещаний и слишком быстро отводил глаза, когда я это замечала. Теперь пришло время проверить, на что они готовы ради меня. Только есть одна проблема: скрыть одного любовника несложно. Гораздо труднее скрыть сразу нескольких, если они работают в одном холдинге, начинают ревновать и однажды оказываются за одним столом. Дорогие читатели, я завела собственный ТГ канал, который называется «Миры Ксении Соболевой». Буду рада, если подпишетесь. Так мы сможем оставаться на связи и быть ближе друг к другу. Канал можно найти через общий поиск. В нем анонсы, размышления, арты и прочее. Буду рада видеть Вас там! В этой истории будут: — взрослая героиня, которая больше не хочет быть удобной; — молодые красавцы и очень опасные служебные романы; — тайные встречи в офисе, ресторанах и гостиницах; — много чувственной эротики 18+; — муж, который слишком поздно поймёт, кого потерял; — ревность, риск разоблачения и катастрофически плохие решения; — главный мужчина, который откажется быть ещё одним пунктом в её расписании.

© Соболева К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Фотография без объяснений	5
Глава 2. Правило первое: не плакать в рабочее время	9
Глава 3. Утро хорошей жены	25
Глава 4. Командировка в соседний город	40
Глава 5. Правило второе: не повторять мужчин слишком часто	59
Глава 6. Юрист не задаёт лишних вопросов	70
Глава 7. Неправильный букет	85
Глава 8. Семинар по личной эффективности	99
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Глава 1. Фотография без объяснений

Виктория Андреевна Ланская не любила приезжать раньше времени. В её жизни вообще было мало вещей, которые происходили раньше, чем было положено: она привыкла входить в переговорные ровно за три минуты до начала, отвечать на письма тогда, когда ответ уже созрел, но ещё не успел потерять ценность, и никогда не приезжать в ресторан первой, если встреча назначена не ею. В тот вечер исключение получилось почти случайным. Таксист свернул не туда, потом всё же быстро нашёл нужный переулок, и вместо привычных десяти минут опоздания Виктория оказалась у стеклянных дверей «Бельвиля» на четверть часа раньше согласованного времени. Она могла бы пройти по соседней улице, проверить почту или зайти в аптеку за каплями для глаз, которые собиралась купить уже неделю, но день был слишком длинным, а ноги слишком устали от каблуков. Виктория вошла внутрь, отдала пальто администратору и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

В «Бельвиле» она бывала редко, хотя ресторан считался одним из тех мест, где крупные сделки сначала обсуждали вполголоса за бокалом вина, а уже потом превращали в документы. Сергей любил его больше неё. Ему нравились приглушённый свет, тяжёлые скатерти, винные шкафы вдоль стен и официанты, которые умели появляться возле столика бесшумно, как будто за каждым ужином скрывался заговор. Виктория всегда считала это немного смешным. Настоящие договорённости обычно заключались не там, где красиво подавали устриц, а в кабинетах с плохим кофе и перегретым воздухом, когда люди уже уставали делать вид, будто у них есть другой выбор.

На лестничной площадке она остановилась не потому, что услышала знакомый голос. Голоса почти не было слышно: только тихий смех девушки и негромкая музыка, растворяющаяся в звоне бокалов. Виктория остановилась, потому что увидела руку мужа. Сергей сидел вполоборота, и его лицо скрывала высокая декоративная перегородка с живыми растениями, но она узнала его сразу по движению: он держал бокал за ножку и медленно вращал вино, когда слушал собеседника с особым вниманием. Так он делал на первых свиданиях с ней, почти двадцать лет назад. Тогда Виктории казалось, что этот жест выдаёт в нём врождённую уверенность. Позднее она поняла: Сергей просто любил производить впечатление человека, который никогда никуда не торопится.

Напротив него сидела девушка лет двадцати пяти, может быть, немного старше. Она была слишком заметной, чтобы Виктория могла не рассмотреть её даже с лестницы: длинные светлые волосы, блестящие серьги, тонкие пальцы с безупречным маникюром, открытые плечи, осанка человека, который привык, что на него смотрят. Такие девушки обычно выглядели одинаково только до тех пор, пока не начинали улыбаться. У этой улыбка была мягкой и немного усталой. Она не старалась понравиться Сергею, не строила из себя соблазнительницу и не ловила его реакцию каждую секунду. Она чувствовала себя рядом с ним спокойно. Именно это Виктория заметила прежде всего.

Сергей тоже был спокоен. Не деловит, не вежлив, не чуть более оживлён, чем обычно после второго бокала вина. Он сидел слишком близко, хотя столик позволял отодвинуться. Его пиджак висел на спинке соседнего стула, верхняя пуговица рубашки была расстёгнута. Когда девушка сказала что-то тихое и наклонилась к нему, Сергей улыбнулся так, как не улыбался дома уже несколько лет: без привычной иронии, без усталой снисходительности, без короткого движения уголком губ, которым он обычно обозначал хорошее настроение. Потом положил ладонь поверх её руки. Не на секунду, не как человек, который хочет подчеркнуть сказанное, а медленно и естественно, словно повторял давно знакомое движение.

Виктория не почувствовала ничего из того, что, по её представлениям, должна была чувствовать женщина в подобной сцене. Не было ни звона в ушах, ни подкашивающихся коленей,

ни слёз, мгновенно застилающих глаза. Она просто стояла на лестнице и смотрела на руку Сергея, лежащую поверх тонких пальцев незнакомой девушки. Внутри возникло странное ощущение, будто кто-то выключил гул кондиционера, которого она прежде не замечала. Стало тихо. Не приятно и не страшно. Просто тихо.

Администратор подошёл сзади и спросил, требуется ли ей помощь. Виктория обернулась так спокойно, что сама удивилась.

— У меня здесь встреча, — сказала она и назвала фамилию партнёра.

Администратор проверил бронь, извинился и сообщил, что столик находится в другом зале, у окна. Виктория кивнула, поправила ремешок сумки и прошла мимо перегородки, не поворачивая головы. Сергей её не заметил. Или заметил, но не подал виду. Эта мысль пришла позднее, уже за столом, когда Виктория слушала речь Олега Борисовича о новом контракте и делала пометки на полях меню. Она даже не пыталась разобраться, что именно говорит собеседник в первые несколько минут. Слова проходили сквозь неё, как вода через стекло: объёмы поставок, региональные показатели, сезонные риски, условия продления. Потом привычка вернулась. Виктория задала три точных вопроса, нашла слабое место в расчётах и заставила Олега Борисовича отложить заранее подготовленную презентацию. К концу ужина он уже нервно смеялся, обещал пересчитать прогноз и дважды назвал её Викторией Сергеевной вместо Виктории Андреевны.

Она не поправляла.

Домой Виктория вернулась в половине одиннадцатого. Сергей написал около девяти, что задержится на переговорах и, возможно, поедет сразу в клуб к партнёрам. Сообщение было коротким, привычным и настолько аккуратно составленным, что в нём не было ни одной детали, способной потребовать уточнения. Виктория прочитала его в машине, поставила телефон на беззвучный режим и посмотрела в окно. За стеклом тянулись одинаковые фасады домов, светились вывески аптек, проезжали автобусы, люди ждали зелёного сигнала на переходах. Мир не изменился. Только стал чуть более простым.

В квартире было прохладно. Домработница ушла ещё днём, оставив на кухне ужин под стеклянной крышкой, но Виктория не стала разогревать еду. Она сняла туфли, прошла босиком в спальню и включила свет возле зеркала. Обычно вечером она смотрела на себя мельком: проверить, не размазалась ли тушь, собрать волосы, снять серьги. Теперь задержалась дольше.

Ей было сорок четыре года. Возраст, который она никогда не скрывала, но и не произносила без необходимости. Лицо сохранило чёткость, хотя у глаз появились тонкие линии, заметные при ярком свете. Волосы она красила в тёплый каштановый оттенок и носила чуть ниже плеч, потому что короткая стрижка, которую советовал стилист, делала её слишком строгой. Фигура оставалась стройной не благодаря удаче, а благодаря дисциплине: тренировки дважды в неделю, бассейн по субботам, отказ от бессмысленных перекусов на совещаниях. Виктория привыкла относиться к собственному телу как к ещё одному проекту, который нельзя запускать. Оно должно было хорошо сидеть в одежде, выдерживать длинные перелёты и не напоминать о себе болью в спине после двенадцатичасового рабочего дня.

В последние годы ей почти не приходило в голову, что тело может существовать ещё зачем-то.

Она сняла серьги и положила их на комод. Потом расстегнула жакет, но не стала переодеваться. В зеркале отражалась женщина в тёмно-синем костюме, который Сергей когда-то назвал слишком деловым. «Ты приходишь домой в броне», — сказал он тогда, улыбаясь. Виктория ответила, что броня помогает оплачивать ипотеку за первую квартиру и его новые идеи, которые ещё не успели стать бизнесом. Они оба рассмеялись. Это было давно, ещё до большого дома, машины с водителем и отдельных календарей, в которых супругам приходилось заранее резервировать вечера друг для друга.

Она вспомнила девушку в ресторане. Светлые волосы, открытые плечи, тонкая ладонь под рукой Сергея. Молодая модель — Виктория была почти уверена, что девушка работает в этой сфере. В ней чувствовалась та особая привычка к собственному лицу и телу, которую невозможно приобрести только благодаря внешности. Она знала, как сидеть, куда положить руки, каким движением откинуть волосы. Но дело было не в её молодости. И не в красоте, хотя девушка действительно была красива. Викторию задело другое: рядом с ней Сергей выглядел не виноватым мужчиной, который украдкой отнимает у брака несколько часов, а человеком, устроившимся удобно.

Ночью Сергей не вернулся. Около часа прислал сообщение: «Останусь в клубе, поздно заканчиваем. Не жди». Виктория лежала в постели с закрытыми глазами и слушала, как тикают часы на стене. Она не ответила. Не потому, что хотела наказать его молчанием. Просто не видела необходимости.

Утром она проснулась раньше будильника. В спальне было серо от зимнего света. На второй половине кровати простыня оставалась нетронутой, и Виктория подумала, что это, пожалуй, самая точная иллюстрация их брака за последние годы: пустое место рядом с ней давно стало привычным, просто до вчерашнего вечера она считала, что у пустоты есть уважительная причина.

Она встала, приняла душ, уложила волосы и выбрала белую блузку с мягким воротником вместо привычной серой. Потом достала из шкафа юбку винного цвета, которую редко носила в офис: слишком яркая, слишком подчёркивающая фигуру, слишком заметная для человека, который привык, чтобы в переговорной сначала слышали его голос и только потом замечали всё остальное. Виктория посмотрела на себя в зеркало, застегнула браслет часов и впервые за долгое время не стала набрасывать сверху строгий жакет.

В офис она приехала без десяти девять. На первом этаже уже работала кофейня, в холле пахло свежей выпечкой и мокрыми пальто. Девушка на ресепшене поздоровалась чуть быстрее обычного, охранник поднялся со стула, а молодой курьер с коробкой документов едва не столкнулся с Викторией у турникета и принялся извиняться так горячо, словно совершил что-то серьёзное. Она прошла к лифту и нажала кнопку.

В зеркальной стене отражались несколько человек: менеджеры, помощница директора по развитию, два сотрудника технического отдела. Один из них, высокий темноволосый мужчина в хорошо сидящем свитере, посмотрел на Викторию, потом быстро отвёл взгляд. Она знала его лицо, но не могла вспомнить имя. Раньше подобные взгляды не задерживались в её сознании. Они существовали где-то на периферии, как фоновые шумы офиса: звонки, шаги, щелчки клавиатур. Теперь Виктория вдруг заметила, что мужчина снова посмотрел на неё в зеркале.

На восьмом этаже двери открылись, и она вышла первой.

К началу планёрки в большой переговорной собрались почти все руководители направлений. На экране уже висела таблица с показателями за неделю, возле кофемашины спорили о чём-то двое менеджеров, Максим Орлов из регионального офиса листал распечатку и разговаривал по телефону. Он приезжал в головное подразделение несколько раз в месяц и обычно держался уверенно, чуть нагло, с той лёгкостью, которую Виктория терпела только потому, что его команда действительно давала результат. Максим был младше неё лет на двенадцать, может быть, на тринадцать. Высокий, русоволосый, с живым лицом человека, который быстро принимал решения и редко жалел о них.

Увидев Викторию, он замолчал на середине фразы.

Пауза длилась меньше секунды. Потом Максим кивнул, закончил разговор и убрал телефон в карман.

— Доброе утро, Виктория Андреевна.

— Доброе, Максим. Надеюсь, региональные показатели сегодня выглядят убедительнее, чем ваше лицо.

Кто-то тихо засмеялся. Максим тоже улыбнулся, но взгляд его задержался на Виктории чуть дольше, чем позволяла обычная вежливость.

— Убедительнее, — сказал он. — Хотя конкуренция серьёзная.

Она сделала вид, что не заметила интонации.

Планёрка началась ровно в девять. Виктория встала у экрана, открыла таблицу и заговорила. Голос звучал спокойно. Она прошла по показателям, остановилась на провале в двух регионах, уточнила причины, задала вопросы, на которые никто не подготовил удобных ответов, и заставила начальника логистики признать, что задержка поставок возникла не из-за партнёров, а из-за ошибки внутри команды. Всё происходило привычно. Люди записывали, оправдывались, обещали исправить, спорили осторожно и отступали, когда понимали, что спорить бесполезно. Виктория не повышала голос. Ей никогда не требовалось повышать голос, чтобы держать переговорную в руках.

Но сегодня она впервые увидела комнату иначе.

Не как схему должностей, полномочий и зон ответственности. Не как набор фамилий в корпоративной структуре. Она замечала лица, движения, плечи под рубашками, руки, лежащие на столе, привычку одного менеджера закатывать рукава перед сложным разговором, линию подбородка другого, короткую улыбку Максима, когда она произнесла особенно жёсткую формулировку. Мужчины вокруг неё не появились внезапно. Они были здесь всегда. Просто прежде Виктория смотрела сквозь них, различая только профессиональные функции.

Открытие оказалось почти смешным.

Она закончила планёрку, раздала поручения и закрыла ноутбук. Люди начали вставать, собирать бумаги, переговариваться. Максим задержался у стола, будто хотел задать вопрос, но не решался выбрать формулировку. Виктория подняла на него глаза.

— Что-то ещё?

— Хотел сказать, что вам идёт этот цвет.

Она посмотрела на свою юбку, затем снова на Максима.

— Это влияет на продажи?

— Возможно, — сказал он. — Лично мои показатели сегодня уже выросли.

Слишком прямолинейно. Слишком легко. В другой день Виктория пресекла бы подобную фамильярность одной холодной репликой. Максим знал это и, кажется, уже ждал удара. Но Виктория только чуть улыбнулась.

— Тогда постарайтесь удержать динамику до конца квартала.

Она вышла из переговорной, оставив его стоять возле стола с выражением человека, который не уверен, получил ли предупреждение или приглашение продолжать игру.

В кабинете Виктория закрыла дверь, положила ноутбук на стол и подошла к окну. Внизу медленно двигались машины, на перекрёстке собирались люди, стеклянные стены соседнего здания отражали бледное небо. Телефон лежал в сумке, и она знала, что там может быть сообщение от Сергея: нейтральное, аккуратное, будто вчерашнего вечера не существовало. Виктория не стала проверять.

Она смотрела на город и думала о том, что измена мужа не разрушила её жизнь. Разрушать, по большому счёту, было уже нечего. Сергей просто случайно показал ей правду, которую она сама слишком долго не замечала: их брак закончился раньше, чем кто-то из них решился это признать.

Виктория вернулась к столу, открыла рабочую почту и начала отвечать на письма. Через несколько минут в углу экрана появилось новое сообщение от Максима Орлова.

«Динамику удержим. Обещаю».

Она прочитала, задержала пальцы над клавиатурой и закрыла окно чата, не отвечая.

Но удалить сообщение не стала.

Глава 2. Правило первое: не плакать в рабочее время

Виктория Андреевна никогда не плакала в рабочее время.

Правило появилось не сразу и не было записано ни в ежедневнике, ни в заметках телефона, ни на одном из листов, которые она иногда прикрепляла к внутренней стороне дверцы шкафа в кабинете, если неделя становилась особенно тяжёлой. Оно сложилось постепенно, почти незаметно, как складываются привычки держать спину ровно, отвечать на неприятные письма только после второй чашки кофе и никогда не начинать разговор с оправданий. За двадцать с лишним лет работы Виктория успела понять: женщина может быть умнее коллег, собраннее, терпеливее и сильнее, но стоит ей однажды заплакать в неподходящий момент, и мужчины запомнят именно слёзы. Не причины. Не обстоятельства. Не ту нагрузку, которую она выдерживала месяцами, пока окружающие позволяли себе усталость, раздражение и громкие эмоциональные вспышки. Они запомнят только то, что Виктория Ланская не справилась.

Поэтому она не плакала.

Не в тот день, когда их первый крупный клиент отказался от контракта за несколько часов до подписания, и Виктории пришлось провести ночь в офисе, обзванивая людей, которых она до этого знала только по фамилиям в таблице. Не в тот год, когда Сергей вложил почти все их сбережения в проект, оказавшийся финансовой ловушкой, и она несколько месяцев оплачивала аренду квартиры, продукты и его бесконечные деловые поездки из своей зарплаты. Не после смерти отца, когда утром ей позвонила мать, а через сорок минут Виктория уже сидела на совещании и обсуждала региональное расширение, потому что никто не мог заменить её именно в этот день. Не тогда, когда врач, изучив результаты очередного обследования, очень аккуратно сказал, что откладывать рождение ребёнка дальше, возможно, уже не стоит, а она кивнула, вышла из кабинета и уехала на встречу с партнёрами. Позже они с Сергеем несколько раз возвращались к этой теме, разговаривали спокойно, почти деловито, откладывали решение ещё на год, потом ещё на один. В какой-то момент откладывать стало нечего.

Виктория не плакала даже дома. По крайней мере, старалась не делать этого там, где её могли увидеть. Она не считала слёзы проявлением слабости, если речь шла о других женщинах. Себе подобных поблажек не позволяла. Слишком долго ей приходилось доказывать, что она находится на своём месте не благодаря удачному браку, не благодаря хорошей внешности и не потому, что в нужный момент кому-то улыбнулась. Любая эмоция, которую Виктория не успевала взять под контроль, казалась ей маленькой трещиной в тщательно собранной конструкции.

Утро после ресторана прошло без единой трещины.

Сергей вернулся около семи, когда Виктория уже стояла на кухне и пила кофе. Она услышала, как тихо открылась входная дверь, затем короткий шелест пальто в прихожей, шаги, осторожно смягчённые ковром. Сергей всегда двигался по дому почти бесшумно, если возвращался поздно. Раньше Виктории казалось, что это забота. Теперь она вдруг подумала, что он просто давно привык приходить так, чтобы не отвечать на лишние вопросы.

Он вошёл на кухню без галстука, с немного помятой рубашкой под пальто и усталостью, которая выглядела убедительно ровно настолько, насколько Сергей хотел. От него пахло холодным воздухом, дорогим парфюмом и чем-то ещё, едва различимым. Возможно, чужими духами. Возможно, рестораном. Виктория не стала проверять.

— Ты уже встала? — спросил он, как будто удивился.

— Через сорок минут выезжаю.

— Я думал, сегодня у тебя встреча ближе к обеду.

— Она перенеслась.

Сергей кивнул и подошёл к кофемашине. Некоторое время кухня была наполнена только привычными звуками: негромкое гудение, щелчок кнопки, тонкая струя кофе, льющаяся в чашку. Виктория смотрела в телефон, хотя на экране не было ничего, требующего внимания. Она ждала, что муж скажет ещё что-нибудь. Не признается, конечно. Не начнёт объясняться. Просто задаст вопрос, задержит на ней взгляд, почувствует какое-то изменение, которое она сама пока не умела назвать.

Но Сергей только сделал глоток и поморщился.

— Опять слишком крепкий.

— Ты сам выбрал настройки.

— Я знаю.

Он посмотрел на неё, и на секунду Виктории показалось, что сейчас произойдёт то самое: его лицо дрогнет, он поймёт, что она знает, и между ними возникнет хотя бы честная пауза. Но Сергей лишь скользнул взглядом по её белой блузке и винной юбке, которую она ещё не успела сменить на более привычный офисный костюм после вчерашнего решения.

— Ты сегодня яркая, — заметил он.

— Это плохо?

— Нет. Неожиданно.

— Иногда полезно менять привычки.

Сергей усмехнулся, будто услышал обычную светскую реплику, и снова отпил кофе. Потом сказал, что поспит пару часов и поедет в офис позже. Виктория ответила, что вечером, вероятно, задержится: в холдинге планировалось небольшое корпоративное мероприятие по случаю подписания нового контракта. Сергей вспомнил о нём не сразу. Она видела, как он перебирает в памяти её расписание, словно мысленно открывает календарь, где жена существует отдельной вкладкой.

— Ты говорила, — наконец произнёс он. — Вернёшься поздно?

— Скорее всего.

— Тогда я тоже, наверное, поужинаю не дома.

— Как скажешь.

Она допила кофе, поставила чашку в посудомоечную машину и ушла в спальню за сумкой. Сергей остался на кухне. Виктория почувствовала странное облегчение: ей не пришлось играть роль обманутой женщины, потому что муж даже не догадался предложить ей эту роль. Он слишком привык к тому, что она справляется со всем самостоятельно, включая одиночество.

В офисе день начался с двух неприятных звонков, трёх согласований и короткого спора с финансовым директором, который пытался представить обычную задержку платежей как стратегическое решение. Виктория была собрана почти демонстративно. Она отвечала быстро, формулировала жёстко, не оставляла людям возможности уклоняться от прямых вопросов. К обеду помощница поставила на стол салат, к которому Виктория даже не притронулась. В три часа ей принесли обновлённые цифры по регионам, в четыре позвонил Олег Борисович из «Бельвиля» и подтвердил, что готов пересмотреть условия контракта. Его голос звучал бодро, хотя Виктория ясно слышала раздражение человека, вынужденного уступить.

Она не думала о Сергее каждую минуту. Именно это удивляло больше всего. Временами воспоминание о ресторане появлялось внезапно: рука мужа поверх тонких пальцев Элины, расстёгнутая пуговица рубашки, его спокойная улыбка. Но сцена не разрасталась внутри, не вытесняла рабочие задачи, не превращала мир в мутное пятно. Виктория рассматривала её почти с холодным вниманием, как рассматривают ошибку в отчёте, которую нельзя исправить, но нужно учитывать в дальнейших расчётах.

Около пяти в её кабинете появился Максим Орлов.

Он постучал, дождался ответа и вошёл с папкой документов. Вчерашняя короткая переписка после планёрки осталась без продолжения: Максим написал обещание удержать динамику, Виктория не ответила, он больше не напоминал о себе. Это было разумно. Виктория всегда ценила людей, способных понять границу без дополнительных разъяснений.

Сегодня на нём был тёмно-синий костюм без галстука и светлая рубашка, расстёгнутая у горла ровно настолько, чтобы образ оставался деловым, но не скучным. Максим выглядел чуть менее собранным, чем обычно: волосы растрепались после нескольких часов в офисе, на рукаве виднелась едва заметная складка, словно он недавно закатывал его, а потом передумал. Виктория поймала себя на том, что замечает детали, которые раньше не имели для неё никакого значения.

— Можно? — спросил он, хотя уже вошёл.

— Вы принесли расчёты?

— И доказательства того, что вчерашняя планёрка не прошла даром.

Он положил папку перед ней, но не сел, пока Виктория не указала на кресло. Поведение было почти безупречным. Если не учитывать улыбку: слишком лёгкую, слишком уверенную для человека, которого вызвали к руководителю.

Виктория открыла папку, просмотрела несколько страниц и остановилась на таблице с прогнозами.

— Вы пересчитали показатели за один день?

— Я умею вдохновлять людей.

— Или запугивать.

— Иногда это одно и то же.

— Не в моём отделе.

— Поэтому ваши показатели лучше наших.

Она подняла глаза. Максим сидел напротив, положив ладони на подлокотники кресла. В его взгляде не было наглости, которую можно было бы пресечь одной репликой. Скорее внимательное ожидание. Он не торопился. Не пытался повторить вчерашний комплимент, не строил многозначительных пауз, не превращал рабочий разговор в игру слишком явно. Но игра уже существовала. Виктория чувствовала её в каждом коротком молчании, в том, как Максим смотрел на неё, когда думал, что она занята цифрами, в слишком спокойном положении его рук, словно он сознательно заставлял себя не делать лишних движений.

— В целом неплохо, — сказала она, закрывая папку. — Передайте обновлённую версию аналитикам. Через неделю посмотрим, насколько оптимизм соответствует реальности.

— Обязательно.

Он не встал.

Виктория слегка подняла брови.

— Что-то ещё?

— Вечером вы будете на мероприятии?

Вопрос звучал достаточно нейтрально, чтобы не требовать холодного ответа. Но Максим не отвёл глаз.

— Буду.

— Тогда до вечера.

Он поднялся, забрал папку и направился к двери. Виктория смотрела ему вслед чуть дольше, чем следовало. Уже взявшись за ручку, Максим обернулся.

— Виктория Андреевна.

— Да?

— Цвет по-прежнему работает.

Она могла бы ответить жёстко. Могла напомнить, что рабочий кабинет не лучшее место для подобных комментариев. Могла просто посмотреть на него так, чтобы Максим больше

никогда не позволил себе выйти за пределы профессионального разговора. Всё это было привычно и легко.

Вместо этого Виктория сказала:

— Не переоценивайте влияние отдельных факторов на общую статистику.

Максим улыбнулся чуть заметнее.

— Постараюсь.

Когда дверь закрылась, Виктория несколько секунд смотрела на неё, потом откинулась на спинку кресла. В груди появилось ощущение, которое она не сразу распознала: не тревога, не раздражение, не страх. Почти предвкушение. Лёгкое, едва заметное, но оттого особенно опасное.

До вечера оставалось два часа.

Корпоративные мероприятия Виктория не любила. Особенно те, которые руководство называло «неформальными встречами команды». В подобных формулировках всегда скрывалось требование продолжать работать, только без ноутбука и за бокалом вина. Люди улыбались шире обычного, обсуждали отпуск, спорт и рестораны, но продолжали осторожно проверять границы чужого влияния, строить временные союзы и выяснять, кто с кем разговаривает дольше положенного. Виктория посещала такие вечера, потому что отсутствие руководителя отдела продаж выглядело бы демонстративно, а демонстративность она предпочитала использовать только тогда, когда та приносила конкретную выгоду.

Мероприятие проходило на верхнем этаже офисного здания, в просторной зоне для презентаций и приёмов. Днём там проводили конференции, а вечером убрали часть перегородок, приглушали свет и расставляли высокие столики. За панорамными окнами медленно темнел город. Внизу тянулись линии автомобильных фар, соседние башни отражали последние бледно-розовые полосы заката, в стекле смешивались огни и силуэты людей. Официанты разносили вино и лёгкие закуски, возле небольшой сцены выступил генеральный директор, поблагодарил команды за работу и произнёс несколько фраз о новом этапе развития, которые Виктория слышала в разных вариациях не меньше десятка раз.

Она стояла рядом с финансовым директором и женщиной из HR, поддерживая разговор ровно настолько, насколько требовала вежливость. В руке был бокал белого вина, к которому Виктория почти не прикасалась. Она чувствовала себя спокойно. Даже слишком спокойно. Никакого внутреннего надлома, никакого желания уйти в уборную и смотреть на себя в зеркало, спрашивая, что делать дальше. Вокруг звучала музыка, люди смеялись, кто-то уже говорил громче обычного. Всё шло своим чередом.

Максима она заметила не сразу.

Он стоял у окна в нескольких метрах от неё и разговаривал с двумя руководителями региональных подразделений. Рядом смеялась девушка из маркетинга, молодая, яркая, в серебряном платье, слишком праздничном для офисного вечера. Максим отвечал ей, слегка наклонив голову, и выглядел вполне естественно: уверенный мужчина, привыкший нравиться женщинам и не прилагать для этого особых усилий.

Виктория отвела взгляд.

Ей не понравилось, что она вообще отметила присутствие девушки. Не понравилась короткая, почти мгновенная реакция внутри, слишком похожая на раздражение. У неё не было никаких прав испытывать что-то подобное. Максим Орлов был коллегой, пусть и подчинённым по вертикали холдинга, но не человеком, за которого Виктория несла прямую ответственность. Между ними не произошло ничего, кроме пары реплик, которые при желании можно было объяснить обычной светской игрой. Он мог разговаривать с кем угодно. Флиртовать с кем угодно. Уехать отсюда с кем угодно.

Эта мысль должна была вернуть равновесие. Вместо этого она неожиданно усилила напряжение.

— Виктория Андреевна, вы сегодня необыкновенно задумчивая, — сказала HR-директор Милана, внимательно посмотрев на неё поверх бокала. — Я начинаю беспокоиться за наш контракт.

— Контракт в порядке.

— Тогда за финансового директора. Он уже пять минут рассказывает вам о налоговой оптимизации, а вы ещё ни разу не поправили его расчёты.

Финансовый директор рассмеялся.

— Пользуйтесь моментом, — сказала Виктория. — Второго может не быть.

Разговор продолжился, но Виктория уже не слушала. Она ощущала присутствие Максима почти физически, хотя не смотрела в его сторону. Странное чувство. Будто в помещении изменилось давление. Она понимала, что достаточно повернуть голову, и их взгляды встретятся. Была уверена в этом заранее, хотя не знала почему.

Через несколько минут она всё-таки посмотрела.

Максим уже смотрел на неё.

Девушка в серебристом платье что-то говорила, улыбалась, касалась пальцами ножки бокала, но он слушал вполуха. Его взгляд задержался на Виктории всего на секунду. Потом Максим чуть приподнял бокал, почти незаметно, словно приветствовал её издалека, и снова повернулся к собеседникам.

Виктория сделала глоток вина.

Оно оказалось холоднее, чем она ожидала.

В течение следующего часа они несколько раз оказывались рядом и каждый раз расходились прежде, чем разговор мог стать слишком личным. Максим подошёл, когда Виктория обсуждала планы с коммерческим директором. Сказал несколько слов о регионах, пошутил, получил ответ и ушёл к другому столику. Потом они столкнулись у бара. Он предложил заказать ей воду, она отказалась. Позднее, когда музыка стала громче и часть сотрудников переместилась ближе к окнам, Виктория увидела его возле выхода на террасу. Максим держал пальто девушки из маркетинга, помогая ей одеться. Виктория отвернулась раньше, чем успела понять собственную реакцию.

Она не собиралась ничего делать.

Это решение казалось очевидным. Настолько очевидным, что не требовало формулировки. Один день не превращает взрослую разумную женщину в героиню дешёвого романа, которая бросается в объятия первого красивого мужчины только потому, что муж оказался неверен. Виктория слишком хорошо знала цену импульсивным решениям. Любая ошибка имеет последствия, особенно если совершается в офисе, где люди умеют замечать больше, чем показывают.

Максим был младше неё. Он работал в системе, где её должность и влияние могли иметь значение для его будущего, пусть формально она не принимала решений о его повышении. Он нравился ей — сегодня Виктория уже не могла отрицать это хотя бы перед собой. Нравилась его лёгкость, спокойная уверенность, умение выдерживать паузу, не превращаясь в мальчика, ждущего одобрения. Но нравиться — недостаточная причина для поступка, который нельзя будет отменить на следующее утро.

Она повторила это мысленно несколько раз, пока разговаривала с генеральным директором, слушала тосты и отвечала на вопросы. Аргументы были безупречны.

Около десяти вечера мероприятие начало постепенно распадаться на небольшие группы. Кто-то вызвал такси, кто-то собирался продолжить вечер в баре неподалёку. Генеральный директор уехал одним из первых, что сразу сделало атмосферу свободнее. Музыку включили громче. Несколько человек переместились к диванам, где начался спор о том, можно ли считать новый контракт заслугой отдела продаж или результатом правильной финансовой стратегии.

Виктория посмотрела на телефон.

От Сергея пришло сообщение: «Ужин затянулся. Не жди».

Те же слова, почти дословно. Как будто ночь могла повторяться бесконечно, меняя только дату.

Она прочитала сообщение один раз. Потом заблокировала экран и положила телефон в сумку. Руки оставались спокойными. Никаких слёз. Ни одной дрогнувшей мышцы на лице. Только знакомая тишина внутри, возникшая вчера на лестнице ресторана и с тех пор не исчезающая полностью.

— Плохие новости?

Голос Максима прозвучал рядом.

Виктория подняла глаза. Он стоял у высокого столика напротив неё, держа в руке бокал с минеральной водой. Пиджак исчез, осталась светлая рубашка с закатанными до локтей рукавами. Она впервые заметила его руки: сильные, загорелые, с простыми часами на запястье. Деталь, которая не должна была иметь значения. Но имела.

— Обычные, — ответила Виктория.

— Это хуже или лучше?

— Зависит от того, насколько низко вы оцениваете обычную жизнь.

Максим улыбнулся, но не слишком широко.

— У вас есть талант отвечать так, что хочется задать ещё один вопрос и одновременно уйти, пока не стало опасно.

— Обычно люди выбирают второе.

— Обычно я умнее.

— Сегодня нет?

— Сегодня я ещё не решил.

Между ними возникла пауза. Вокруг продолжали говорить и смеяться, неподалёку звякнули бокалы, кто-то позвал Максима по имени, но он не обернулся сразу. Виктория чувствовала, как внутри нарастает странное сопротивление: одна часть её требовала закончить разговор, вызвать машину и уехать домой. Другая, новая и оттого пугающая, хотела узнать, что произойдёт, если она не отступит.

— Вы собираетесь продолжать вечер? — спросил Максим.

— Пока не решила.

— Некоторые едут в бар.

— Я слышала.

— Я, вероятно, не поеду.

— Почему?

Он слегка наклонил голову.

— Потому что не люблю шумные места, когда интересный разговор можно продолжить без шума.

Виктория посмотрела на него прямо.

— Мы ведём интересный разговор?

— Я надеялся.

— Вы слишком уверены в себе.

— Только когда есть основания.

— А они есть?

Максим не ответил сразу. Его взгляд медленно скользнул по её лицу, задержался на губах, затем вернулся к глазам. Всё происходило достаточно незаметно для окружающих, но Виктория почувствовала это почти как прикосновение.

— Это зависит не от меня, — произнёс он тише.

Она должна была уйти именно сейчас. Не через минуту. Не после ещё одной реплики. Любой следующий шаг изменял смысл происходящего. Пока всё можно было объяснить обыч-

ным флиртом на корпоративном вечере, лёгкой игрой двух взрослых людей, которые завтра вернуться к рабочим ролям и сделают вид, будто не заметили лишнего напряжения. Если Виктория уйдёт, Максим поймёт границу. Возможно, будет жалеть, но не станет переходить её без разрешения.

Виктория поставила бокал на столик.

— Мне нужно забрать документы из переговорной, — сказала она.

Фраза прозвучала буднично. Даже слишком буднично.

Максим смотрел на неё несколько секунд. Он понял. Конечно, понял. В его лице что-то изменилось: исчезла лёгкая улыбка, взгляд стал внимательнее и серьёзнее. Но он не двинулся сразу, не попытался превратить её слова в прямое приглашение, не сделал ничего, что могло бы заставить Викторию почувствовать себя загнанной в угол.

— В какой? — спросил он.

— В дальней, у панорамного окна.

— Я видел там папку после презентации.

— Тогда, возможно, вы можете мне её найти.

Она развернулась и пошла к выходу из зала.

Коридор за дверью встретил их почти полной тишиной. Музыка осталась позади, приглушённая стеной. На этаже горел мягкий ночной свет, превращавший привычное офисное пространство в декорацию к чужой жизни. Днём здесь спешили люди, звонили телефоны, открывались двери, пахло кофе и бумагой. Теперь стеклянные перегородки отражали пустые столы, тёмные экраны мониторов и силуэты двух человек, идущих слишком медленно для тех, кому действительно нужно найти документы.

Виктория слышала шаги Максима за спиной. Он не пытался приблизиться. Не говорил. Его молчание действовало сильнее любой реплики. Каждый метр коридора давал ей возможность остановиться, повернуться и сказать, что передумала. Максим оставил ей эту возможность нарочно. Виктория была почти уверена.

Она не остановилась.

Переговорная находилась в дальней части этажа. Днём Виктория проводила там встречи с крупными клиентами: длинный стол, двенадцать кресел, экран на стене, кофемашина в небольшом шкафу, панорамное окно от пола до потолка. За стеклом открывался вид на город. Сейчас огни внизу казались особенно яркими, потому что в комнате было темно.

Виктория открыла дверь и вошла. Свет включать не стала.

Максим остановился на пороге.

— Виктория Андреевна, — произнёс он тихо.

Она обернулась.

В коридоре за его спиной горели лампы, и поэтому лицо Максима оставалось в полутени. Он всё ещё держал руку на дверной ручке. Выражение его лица было непривычным: без улыбки, без привычной лёгкости. В нём читалось напряжение человека, который долго представлял себе невозможную ситуацию и теперь не уверен, имеет ли право поверить в её реальность.

— Если вы действительно пришли за документами, — сказал он, — я помогу их найти.

— А если нет?

Максим помолчал.

— Тогда я хотел бы понимать, что вы не пожалеете об этом через пять минут.

Виктория почувствовала, как сердце ударило сильнее. Не от его слов. От того, что он произнёс их именно так: без давления, без самодовольства, без попытки воспользоваться моментом. Ему было важно получить её согласие не только формально. Он хотел убедиться, что она сама выбирает происходящее.

Это почему-то оказалось последней каплей.

Виктория подошла ближе. Между ними оставалось меньше шага. Она видела линию его рта, тёмные ресницы, лёгкую тень щетины на подбородке. Максим не двигался. Только смотрел на неё, и напряжение в его неподвижности было почти невыносимым.

— Я редко делаю то, о чём жалею через пять минут, — сказала она.

— Через неделю?

— Не загадывайте.

— Через год?

Виктория подняла руку и положила ладонь ему на грудь. Под тканью рубашки ощущалось тепло. Максим резко вдохнул, но не коснулся её. Она чувствовала, как быстро бьётся его сердце. Это короткое открытие действовало сильнее, чем любой комплимент. Максим Орлов, уверенный, лёгкий, привыкший шутить на грани допустимого, стоял перед ней совершенно неподвижно и ждал.

— Вы слишком много думаете о будущем, — сказала Виктория. — Для человека, который вчера обещал удержать динамику до конца квартала.

В его глазах мелькнула улыбка.

— Профессиональная деформация.

— Мне казалось, у отдела продаж другие профессиональные деформации.

— Есть и другие.

Виктория сама сделала последний шаг.

Первый поцелуй оказался коротким. Почти осторожным. Она коснулась его губ и сразу отстранилась, словно проверяла не Максима, а собственную реакцию. Мир не рухнул. В коридоре никто не появился. Телефон в сумке не зазвонил. Не возникло ни чувства вины, ни паники, ни внезапного воспоминания о Сергее. Только жар, медленно поднимающийся от груди к лицу, и странная ясность.

Максим смотрел на неё, не пытаясь скрыть, насколько сильно его задело это короткое прикосновение.

— Это была проверка? — спросил он едва слышно.

— Возможно.

— И как результат?

Виктория не ответила. Она взяла его за воротник рубашки и притянула к себе.

На этот раз Максим перестал сдерживаться.

Он закрыл дверь, не отрываясь от её губ, и Виктория слышала тихий щелчок замка. Звук оказался почти неприлично громким в пустом офисе. Его ладонь легла ей на талию, осторожно, будто он всё ещё давал возможность отступить, но когда Виктория сама прижалась ближе, пальцы сжались сильнее. Поцелуй стал глубже, требовательнее, и всё, что она так долго удерживала под контролем — усталость, злость, унижение, холодная тишина последних суток — внезапно исчезло. Не превратилось в слёзы. Не прорвалось болью. Просто уступило место другому ощущению: живому, горячему, почти забытым образом телесному.

Она ожидала, что будет неловко. Что где-то в глубине сознания возникнет внутренний голос, который напугает её о возрасте, должности, муже, возможных последствиях. Но ничего подобного не произошло. Виктория слишком долго прожила в режиме непрерывного контроля, чтобы не узнать момент, когда контроль превращается в бессмысленную клетку. Теперь она сама открыла дверь.

Максим целовал её так, словно боялся, что она исчезнет, если остановиться хотя бы на секунду. В этой поспешности не было грубости. Скорее подавленное желание, которое слишком долго оставалось за пределами разрешённого. Его ладонь скользнула вдоль спины, задержалась у талии, потом поднялась выше. Виктория почувствовала тепло его пальцев даже через ткань блузки. Дыхание сбилось.

Она отстранилась первой, но только на мгновение.

— Давно? — спросила тихо.

Максим не сразу понял вопрос.

— Что?

— Давно вы на меня так смотрите?

Он выдохнул почти со смешком, но взгляд оставался серьёзным.

— Вы действительно хотите знать?

— Иначе не спросила бы.

— С первой встречи.

— Это было три года назад.

— Я умею быть терпеливым.

— Не замечала.

— Я очень старался, чтобы вы не заметили.

Виктория провела пальцами по его воротнику, поправляя ткань, хотя поправлять было уже поздно. Верхняя пуговица расстегнулась ещё раньше, чем она успела осознать это.

— И хорошо справлялись?

— До вчерашнего утра.

— Что изменилось вчера утром?

— Вы посмотрели на меня иначе.

Ответ прозвучал слишком просто и оттого слишком точно. Виктория вспомнила планёрку, винную юбку, короткий комплимент и собственную реплику о динамике. Значит, Максим заметил. Не внешний вид. Не цвет. Именно взгляд.

— Возможно, вам показалось.

— Возможно.

Он не спорил. Только смотрел на неё так, что отрицать очевидное становилось бессмысленно.

Виктория снова поцеловала его, медленнее, чем прежде. Теперь она позволила себе почувствовать каждую деталь: вкус вина на его губах, короткий вдох, когда её ладони скользнули по плечам, напряжение мышц под тканью рубашки. Максим прижал её к двери, но почти сразу остановился, будто спрашивая без слов, не слишком ли быстро. Она не отступила. Напротив, сама приблизилась ещё сильнее, и эта маленькая уступка словно разрушила остатки его выдержки.

Они переместились глубже в комнату, не вполне понимая как. Стол остался справа, кресла — тёмными силуэтами вдоль стены. За окном сиял город, огромный, равнодушный, бесконечно занятый собственной жизнью. В стекле отражались их фигуры: её белая блузка, его светлая рубашка, движение рук, слишком близкие лица. Виктория увидела себя со стороны и на секунду замерла.

Женщина в отражении не походила на ту, которая ещё утром стояла на кухне напротив мужа и спокойно обсуждала расписание. Её волосы слегка растрепались, губы были приоткрыты, в глазах появилось выражение, которое Виктория не помнила на собственном лице. Не молодость. Не легкомыслие. Что-то гораздо важнее: право хотеть.

Максим остановился вместе с ней.

— Что случилось?

Виктория смотрела в окно.

— Ничего.

— Вы уверены?

— Да.

Он не стал продолжать, пока она сама не повернулась к нему. Это снова поразило её. Вся его прежняя уверенность, все лёгкие шутки и полутона исчезали мгновенно, стоило Виктории замолчать. Максим не пытался угадывать вместо неё. Не торопил. Ждал.

Она положила ладони ему на грудь и медленно провела вниз, ощущая тепло через ткань. Потом подняла взгляд.

— Я уверена.

Максим поцеловал её снова.

На этот раз они оказались у панорамного окна. Стекло было прохладным, когда Виктория коснулась его спиной. Контраст заставил её резко вдохнуть. Максим остановился, словно этот короткий звук подействовал на него сильнее любого движения. Его ладонь легла ей на бедро поверх юбки, медленно, осторожно, но от этого прикосновение ощущалось особенно остро. Виктория почувствовала, как по телу проходит дрожь, и впервые не попыталась скрыть её.

За стеклом двигались машины. Где-то внизу люди спешили домой, разговаривали по телефону, стояли на остановках, ждали зелёного сигнала. Отсюда они казались частью огромного узора, лишённого подробностей. Никто не мог увидеть их на такой высоте. По крайней мере, Виктория старалась верить в это.

— Здесь слишком светло, — прошептала она, хотя в комнате было темно.

— Можно отойти.

Она посмотрела на отражение в стекле.

— Нет.

Максим замер на секунду, затем склонился к её шее. Первый поцелуй оказался почти невесомым. Потом ещё один, ниже, у линии воротника. Виктория закрыла глаза. Ей пришлось сильнее упереться ладонью в стекло, чтобы сохранить равновесие. Она слишком давно не позволяла никому касаться себя так: не привычно, не по расписанию, не как к части давно изученного семейного ритуала. Сергей в последние годы относился к близости почти так же, как ко всему остальному в их браке: спокойно, уверенно, без лишних вопросов, словно обе стороны давно подписали соглашение и не видели причин пересматривать условия.

Максим ничего не принимал как должное.

Каждое его прикосновение оставалось вопросом. Иногда почти мучительным. Его пальцы скользнули по талии, задержались у пуговиц блузки. Он поднял глаза, и Виктория поняла, чего ждёт. Достаточно было едва заметного движения головы, но она не захотела ограничиваться им. Виктория сама растегнула одну пуговицу. Потом вторую.

Взгляд Максима стал темнее.

— Вы уверены, что хотите продолжать? — спросил он.

— Если вы повторите этот вопрос ещё раз, я начну сомневаться в вашей профессиональной компетентности.

Он тихо рассмеялся, почти касаясь губами её кожи.

— Я пытаюсь вести себя прилично.

— Поздно.

— Я заметил.

Его ладонь легла на её талию под краем блузки, и Виктория почувствовала прикосновение к коже. Ничего особенно смелого. Почти невинное движение. Но именно оно окончательно изменило всё. Тепло его пальцев, прохлада окна за спиной, тихая музыка, едва слышная из зала, риск того, что дверь переговорной кто-то попытается открыть, — всё смешалось в одно плотное, почти оглушающее ощущение.

Виктория всегда считала себя человеком, способным думать в любых обстоятельствах. Даже в моменты сильного стресса её сознание продолжало работать, анализировать, искать выходы. Теперь мысли распадалась прежде, чем успевали обрести форму. Она знала только, что хочет, чтобы Максим не останавливался. Хочет чувствовать его ближе. Хочет хотя бы один вечер не быть женщиной, которая должна заранее представить последствия каждого собственного решения.

Его поцелуи стали настойчивее. Виктория запустила пальцы в его волосы и притянула к себе. Максим выдохнул её имя — впервые без отчества, без привычной дистанции.

— Виктория.

Это прозвучало почти слишком интимно.

Она открыла глаза.

— Не останавливайтесь.

Фраза сорвалась раньше, чем Виктория успела оценить её. Но сказанное не хотелось забирать обратно.

Максим прижал её ближе. Ладонь скользнула по бедру, медленно, поверх ткани юбки, остановилась там, где любое следующее движение уже переставало быть случайностью. Виктория чувствовала, как усиливается напряжение, как тело отзывается на прикосновения с той честностью, которой она не позволяла себе в обычной жизни. Ей казалось, что каждое движение слишком заметно, каждый вдох слишком громок, каждый короткий звук способен выдать их людям в соседнем зале.

Именно в этот момент кто-то прошёл по коридору.

Шаги приблизились внезапно. Неспешные, уверенные. Возможно, охранник. Возможно, сотрудник, который решил забрать оставленную сумку. Возможно, кто-то направлялся именно к этой переговорной.

Максим мгновенно замер.

Виктория тоже перестала дышать.

Шаги приблизились, остановились где-то рядом. Из-за двери донёсся приглушённый голос, затем короткий смешок. Похоже, мимо проходили двое. Один сказал что-то о такси, второй ответил. Их слова невозможно было разобрать полностью, но Виктория услышала своё имя и едва не отстранилась от Максима слишком резко.

Он удержал её, не позволяя случайно задеть стекло или стол. Его ладонь осталась на её талии, другая легла рядом на окно. Теперь Максим стоял совсем близко, закрывая её собой от возможного взгляда через стеклянную часть двери. Виктория чувствовала его дыхание у виска. Они молчали, прислушиваясь.

Люди в коридоре задержались ещё на несколько секунд, которые показались почти бесконечными. Потом шаги удалились. Где-то хлопнула дверь. Музыка снова стала единственным звуком извне.

Виктория выдохнула.

Максим не двигался. Его лицо было рядом, почти касалось её лица. В темноте она видела только глаза и линию губ.

— Нужно остановиться, — сказал он очень тихо.

Разумная фраза. Единственно правильная. Виктория должна была согласиться. Поправить блузку, привести в порядок волосы, выйти из переговорной через несколько минут и вернуться в зал с выражением человека, который действительно искал документы. Произошедшего уже хватало, чтобы нарушить все правила. Продолжать было безумием.

Но в его голосе она услышала не облегчение.

Максим хотел остановиться не потому, что желание исчезло. Наоборот. Оно стало слишком сильным, слишком очевидным, слишком опасным. Он предлагал ей выход. Последнюю возможность вернуться к привычной жизни, сохранив хотя бы часть иллюзий.

Виктория провела пальцами по его щеке.

— Вы хотите остановиться?

Он закрыл глаза на секунду.

— Нет.

— Тогда почему предлагаете?

— Потому что завтра вы можете решить, что я воспользовался моментом.

— Я не настолько беспомощна.

— Я знаю.

— И всё равно думаете за меня.

Максим открыл глаза.

— Я пытаюсь не разрушить то, о чём мечтал слишком долго.

Ответ прозвучал неожиданно честно. Без красивой игры. Без привычной лёгкости. Виктория почувствовала, как что-то внутри сдвигается ещё раз. До этого момента она рассматривала происходящее почти как эксперимент: проверить собственную реакцию, увидеть, способна ли ещё хотеть и быть желанной, переступить черту, которую Сергей уже давно переступил без неё. Теперь эксперимент переставал быть безопасным. Максим оказался не случайным красивым мужчиной из офиса. Для него этот вечер значил больше.

Она должна была остановиться именно поэтому.

Но не остановилась.

— Тогда не разрушайте, — сказала Виктория. — Просто не задавайте вопросов, на которые я уже ответила.

Максим смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом наклонился и поцеловал так, словно все оставшиеся сомнения исчезли.

Напряжение стало почти болезненным. В его движениях появилась сдерживаемая сила, которую Виктория чувствовала раньше только как намёк. Теперь она сама позволила ей проявиться. Его ладони скользнули по спине, притянули ближе, и ткань блузки больше не казалась достаточной преградой. Виктория прижалась к нему, ощущая тепло, дыхание, тяжесть его тела. Всё происходило на грани: достаточно смело, чтобы разум уже не мог назвать это поцелуем, но ещё не настолько далеко, чтобы последствия стали необратимыми в буквальном смысле.

Она сама не знала, где собирается остановиться.

Возможно, именно это возбуждало сильнее всего.

Её ладони скользнули под его пиджак, которого уже не было, затем по плечам, по спине, почувствовали напряжение мышц. Максим снова поцеловал её шею, и Виктория едва удержалась от слишком громкого вдоха. Она повернула голову к окну, увидела собственное отражение и снова не узнала себя. Женщина в стекле больше не выглядела растерянной или обманутой. В её позе, в поднятом подбородке, в пальцах, сжимающих край рубашки Максима, было что-то почти вызывающее.

Словно она наконец перестала ждать разрешения.

Максим коснулся губами её плеча, где блузка слегка сдвинулась. Потом остановился и посмотрел на Викторию снизу вверх. В этом взгляде было столько открытого желания, что ей пришлось отвернуться к окну, чтобы выдержать его. Но отступать она не собиралась.

— Вы представляли это? — спросила она.

— Что именно?

— Меня здесь. С вами.

Максим улыбнулся едва заметно.

— Не здесь.

— Где?

— Везде, где вы появлялись и делали вид, что не замечаете меня.

Виктория тихо рассмеялась. Смех получился непривычным — не светским, не коротким, не предназначенным для поддержания разговора. Настоящим.

— Значит, я была невнимательна.

— Вы были недоступны.

— Это не одно и то же.

— Для меня разница была теоретической.

Она провела пальцами по его волосам.

- А теперь?
- Теперь я боюсь проснуться.
- Не драматизируйте.
- Я региональный руководитель. Нам положено преувеличивать перспективы.
- И занижать риски?
- Только в презентациях.

Их короткий обмен репликами почти вернул Виктории способность думать. Но лишь на секунду. Максим снова приблизился, и слова утратили смысл.

Она не знала, сколько времени прошло. Пять минут. Пятнадцать. Полчаса. В пустой переговорной время подчинялось другим правилам. Существовали только редкие звуки из коридора, прохлада стекла, город за окном и ладони Максима, которые каждый раз останавливались там, где Виктория могла отступить, но не отступала. Напряжение росло, становилось почти невыносимым, и всё же они оба удерживались на границе, словно понимали: первый шаг должен остаться именно таким — достаточно опасным, чтобы изменить всё, но не настолько поспешным, чтобы превратиться в ошибку, о которой придётся сожалеть утром.

В какой-то момент Виктория почувствовала, что больше не может различить облегчение и желание. Они слились. Тяжесть, лежавшая внутри со вчерашнего вечера, исчезла окончательно. Сергей, Элина, ресторан, пустая половина кровати — всё отступило куда-то далеко. Не потому, что перестало иметь значение. Просто впервые за много лет Виктория ощущала себя не человеком, которого выбрали или отвергли, не женой, которую можно оставить ждать дома, не руководителем, обязанным контролировать каждую деталь. Она чувствовала себя женщиной, способной самой принимать решения о собственном теле и собственных желаниях.

Это открытие оказалось почти оглушающим.

Когда Максим снова поцеловал её, Виктория ответила так откровенно, что он на секунду потерял остатки выдержки. Его ладони сильнее сжались на её талии, дыхание стало неровным. Она почувствовала, насколько трудно ему останавливаться, и именно это вернуло ей контроль. Не холодный, привычный, служебный. Другой. Более опасный. Виктория поняла, что может продолжить. Может позволить этому вечеру стать чем угодно. И именно поэтому впервые решила остановиться сама.

Она положила ладони ему на грудь.

Максим замер мгновенно.

— Всё? — спросил он тихо.

В его голосе не было ни обиды, ни давления. Только хрипловатое дыхание и вопрос.

— На сегодня, — ответила Виктория.

Максим закрыл глаза, выдохнул и опустил лоб к её виску. Несколько секунд они стояли молча у окна, слишком близко, всё ещё не готовые разойтись. Виктория чувствовала биение его сердца под ладонью. Оно постепенно замедлялось, хотя неохотно.

— На сегодня, — повторил он.

— Вы недовольны?

— Я пытаюсь выглядеть человеком, способным принимать зрелые решения.

— Получается не очень.

— Не поможете?

Виктория улыбнулась.

— Вряд ли.

Максим отступил на шаг, и отсутствие его тепла оказалось почти неприятным. Он посмотрел на неё так внимательно, что Виктория невольно коснулась волос.

— Что?

— Ничего.

— Максим.

- Я пытаюсь запомнить.
- Это звучит тревожно.
- Для кого?
- Пока не решила.

Он улыбнулся, но на этот раз без прежней лёгкости. Между ними уже существовало что-то, что невозможно было отменить шуткой.

Виктория подошла к стеклянному отражению и начала застёгивать блузку. Пальцы слушались не сразу. Одна пуговица никак не попадала в петлю, и Максим сделал движение, будто хотел помочь, но остановился. Правильно. Виктория справилась сама. Поправила юбку, пригладила волосы, проверила губы в отражении. Помада почти исчезла.

- У вас есть салфетки? — спросила она.

Максим молча достал из кармана платок. Не бумажный, а обычный тканевый, тёмный, аккуратно сложенный.

Виктория посмотрела на него с удивлением.

- Вы носите платки?
- Иногда я старомоден.
- Неожиданно.
- Сегодня вечер неожиданностей.

Она вытерла остатки помады и вернула платок.

- Оставьте.
- Зачем?
- В качестве доказательства, что вам не приснилось.

Максим взял платок, и его пальцы на мгновение коснулись её руки.

- Я и без доказательств запомню.

Виктория отвернулась к столу, хотя никаких документов там, конечно, не было. Нужно было придумать, с чем выйти в коридор. Она открыла папку, оставленную после презентации, достала несколько листов и быстро просмотрела заголовки. Подойдёт. Если кто-то спросит, Виктория действительно забирала материалы по контракту.

Максим наблюдал за ней с лёгкой улыбкой.

- Вы даже сейчас думаете о легенде?
- Я думаю о репутации.
- Своей?
- И вашей.
- Моя давно пострадала.
- Не переоценивайте собственную значимость.
- После того, что произошло у окна, это будет трудно.

Виктория посмотрела на него строго, но строгость уже не работала как прежде. Максим видел слишком многое. Знал, каким становится её голос, когда она просит не останавливаться. Чувствовал, как дрожат её пальцы. После этого вернуться к прежней дистанции было невозможно.

- Мы выйдем не вместе, — сказала Виктория.
 - Разумеется.
 - Вы подождёте несколько минут.
 - Разумеется.
 - И завтра в офисе ничего не изменится.
- Максим помолчал.
- Если вы этого хотите.

Ответ оказался не таким простым, как она ожидала. Виктория собиралась услышать привычное согласие, лёгкую шутку, обещание соблюдать правила. Вместо этого Максим смотрел прямо, без улыбки.

— Я хочу, чтобы работа оставалась работой, — сказала она.

— Согласен.

— И чтобы вы не строили лишних ожиданий.

— Каких именно?

Виктория задержалась с ответом. Она не знала, что может обещать. Не знала, повторится ли сегодняшний вечер. Не знала, хочет ли повторения завтра, через неделю или никогда. Не знала даже, каким окажется утро, когда она проснётся дома, увидит Сергея за завтраком и вспомнит, что стояла у панорамного окна в объятиях другого мужчины.

— Никаких, — сказала она наконец.

Максим кивнул.

— Хорошо.

Но его голос звучал слишком спокойно. Виктория поняла: он согласился не потому, что поверил. Просто не собирался спорить сейчас.

Она взяла папку, подошла к двери и положила руку на ручку. Потом обернулась.

Максим остался у окна. Свет города отражался в стекле за его спиной, рубашка была слегка помята, волосы растрёпаны. Он выглядел моложе обычного и одновременно серьёзнее. Виктория почувствовала короткое желание вернуться. Ещё один поцелуй. Ещё одна минута. Ещё один шаг, после которого остановиться станет сложнее.

Она не вернулась.

— Через пять минут, — сказала Виктория.

— Я умею ждать.

— Три года, насколько я помню.

— Три года и пять минут.

Виктория вышла в коридор.

Музыка стала громче с каждым шагом. В зале почти ничего не изменилось. Несколько человек уже ушли, возле окон кто-то спорил о маршруте до бара, официанты убрали пустые бокалы. Милана из HR разговаривала с финансовым директором и бросила на Викторию быстрый взгляд, но ничего не спросила.

Виктория подошла к столу, взяла сумку и проверила телефон.

Новое сообщение от Сергея пришло десять минут назад.

«Завтра позавтракаем вместе? Давно нормально не разговаривали».

Она смотрела на экран несколько секунд.

Внутри не возникло ни злости, ни желания ответить колкостью. Только странная усталость. Сергей предлагал завтрак в тот самый вечер, когда, вероятно, находился рядом с другой женщиной или собирался к ней. Возможно, испытывал лёгкое чувство вины. Возможно, хотел убедиться, что дома всё по-прежнему. Возможно, вообще не думал о противоречии.

Виктория набрала: «Хорошо».

Отправила сообщение и убрала телефон.

Через несколько минут из коридора вышел Максим. Он выглядел почти безупречно: рубашка поправлена, волосы приведены в порядок, в руке стакан воды. Только Виктория знала, насколько условно это спокойствие. Он не подошёл к ней, не задержал взгляд дольше положенного. Поздоровался с кем-то у выхода, ответил на шутку и направился к гардеробу.

Перед тем как уйти, Максим всё же посмотрел в её сторону.

Всего на секунду.

Виктория не улыбнулась. Не кивнула. Не сделала ничего, что могло бы привлечь внимание окружающих. Но когда двери лифта закрылись за его спиной, почувствовала, что пальцы всё ещё помнят тепло его кожи.

Домой она приехала около полуночи.

Сергей не вернулся. В спальне горел только ночник, на тумбочке лежала книга, которую Виктория читала уже несколько недель, продвигаясь по несколько страниц перед сном. Она сняла серьги, поставила сумку на кресло и долго смотрела на себя в зеркало.

Помада стёрлась почти полностью. Волосы удалось поправить, но один локон у виска всё равно лежал иначе, чем утром. На шее, чуть ниже линии воротника, виднелось едва заметное розовое пятно. Завтра оно исчезнет. Или его легко будет скрыть блузкой.

Виктория коснулась пальцами этого места.

Ей следовало испытывать вину.

Мысль пришла спокойно, почти формально. Как пункт в списке обязательных реакций. Она была замужем почти двадцать лет. Сегодня вечером сама пригласила другого мужчину в пустую переговорную, поцеловала первой, позволила ему прикасаться к себе и несколько раз сознательно отказалась остановиться, когда ещё могла. Даже если они не дошли до последней черты, смысл произошедшего был очевиден. Виктория изменила Сергею не в фантазии, не случайно, не под влиянием алкоголя. Осознанно.

Но вины не было.

Была лёгкая дрожь в теле, постепенно сменяющаяся усталостью. Было воспоминание о прохладном стекле за спиной и голосе Максима, произносящем её имя без отчества. Было ощущение, будто внутри распахнули окно в комнате, где воздух не менялся много лет.

Виктория сняла блузку, аккуратно повесила её на спинку кресла и снова посмотрела в зеркало. На женщину, которой было сорок четыре года. На тело, которое она слишком долго воспринимала только как часть образа успешного руководителя. На плечи, талию, тонкие линии возле глаз, след поцелуя на коже.

Она не стала придумывать красивых оправданий.

Не говорила себе, что Сергей начал первым. Не убеждала себя, будто сегодняшний вечер ничего не значил. Не пыталась превратить Максима в случайную ошибку, которой можно не придавать значения. Виктория слишком уважала собственные решения, чтобы прятаться от их смысла.

Она просто переступила черту.

И впервые за много лет ощутила не падение, а облегчение.

Позже, уже лёжа в постели, Виктория услышала звук сообщения. Телефон находился на тумбочке. Она знала, кто написал, ещё до того, как увидела экран.

Максим: «Доброй ночи».

Только два слова. Никаких намёков. Никаких вопросов. Никаких попыток продолжить разговор, который невозможно было продолжать сообщениями.

Виктория смотрела на короткую строку дольше, чем следовало. Потом набрала ответ.

«Доброй ночи, Максим».

Она отправила сообщение, положила телефон экраном вниз и закрыла глаза.

Правило первое оставалось в силе.

В рабочее время Виктория Андреевна Ланская не плакала.

Теперь она подозревала, что плакать не придётся и после работы.

Глава 3. Утро хорошей жены

Сергей вернулся домой незадолго до рассвета.

Виктория не услышала, как открылась входная дверь, не заметила тихих шагов в прихожей и не почувствовала, когда матрас едва заметно прогнулся под тяжестью его тела. Сон оказался неожиданно глубоким. В последние годы она привыкла просыпаться от любого постороннего звука: от вибрации телефона на тумбочке, от шума проезжающей машины за закрытым окном, от короткого скрипа двери, если Сергей возвращался после позднего ужина. Обычно сознание включалось мгновенно, как будто внутри неё круглосуточно дежурил невидимый помощник, обязанный проверять, не случилось ли чего-то, требующего немедленного решения. Сегодня этот помощник впервые позволил себе уйти.

Когда будильник зазвонил в половине седьмого, Виктория открыла глаза и несколько секунд смотрела в сероватый потолок, не вспоминая, какой сегодня день. В спальне было прохладно. За окном медленно светлело зимнее утро, окрашивая стены в ровный бледный оттенок. Сергей лежал на своей половине кровати, повернувшись к ней спиной. Одеяло сползло с плеча, обнажив тонкую белую футболку, в которой он иногда спал после поздних возвращений, если не хотел принимать душ ночью. Его дыхание было глубоким и спокойным. На тумбочке лежали телефон, часы и ключи от машины. Всё выглядело привычно. Настолько привычно, что Виктория почти могла убедить себя: ресторан, светловолосая девушка, рука Сергея поверх чужих пальцев и вчерашний вечер в переговорной существовали только в странном сне, возникшем от усталости.

Потом она почувствовала лёгкое напряжение в мышцах, едва заметную чувствительность кожи на шее и короткую вспышку воспоминания: прохладное стекло за спиной, горячее дыхание Максима у виска, его тихое, почти неверящее «Виктория».

Она закрыла глаза всего на секунду.

Тело помнило гораздо честнее сознания.

Виктория осторожно откинула одеяло и села на кровати. Сергей не пошевелился. Она посмотрела на него, ожидая привычного укола раздражения или новой волны боли, но внутри по-прежнему оставалось странное спокойствие. Муж лежал рядом, так близко, что достаточно было протянуть руку и коснуться его плеча. Когда-то она делала это почти каждое утро. В первые годы брака Сергей просыпался неохотно, долго лежал с закрытыми глазами и притворялся спящим, пока Виктория не начинала смеяться и не целовала его в щёку. Позже они оба научились вставать быстро и бесшумно, не нарушая распорядок другого. Их утро стало идеально отлаженным механизмом: один занимал ванную, второй включал кофемашину, один проверял сообщения, второй открывал новости. Иногда они разговаривали о планах на день. Иногда молчали. В молчании не было конфликта. Только экономия времени.

Теперь Виктория вдруг увидела эту привычную сцену со стороны и поняла, насколько давно в ней исчезло всё, кроме удобства.

Она встала, взяла халат и направилась в ванную. Дверь закрыла тихо, хотя не знала, зачем продолжает беречь сон Сергея. Возможно, привычка. Возможно, остатки той формы вежливости, которая остаётся между двумя людьми даже тогда, когда близость уже давно превратилась в воспоминание.

Под душем Виктория задержалась дольше обычного. Горячая вода стекала по плечам, смывая следы недосыпа, лёгкий запах вина и всё то, что невозможно было смыть в буквальном смысле. Она не жалела о вчерашнем. Это открытие по-прежнему удивляло. Виктория ожидала, что утро принесёт ясность другого рода: тяжёлую, неприятную, взрослую. Ночью любое решение может казаться оправданным, особенно если вокруг темно, город сияет за панорамным окном, а мужчина, которого ты прежде держала на расстоянии, смотрит так, словно три года

ждал одной возможности приблизиться. Но утром исчезают музыка, полумрак и ощущение запретной исключительности. Остаётся только факт.

Факт заключался в том, что Виктория Андреевна Ланская, замужняя женщина сорока четырёх лет, руководитель крупного отдела продаж, вчера вечером сама привела коллегу в пустую переговорную и поцеловала его первой.

Факт заключался также в том, что этот поступок не казался ей ошибкой.

Она вытерлась полотенцем, запотевшее зеркало постепенно прояснилось. На шее, чуть ниже ключицы, оставалось едва заметное розоватое пятно. Виктория коснулась его подушечками пальцев и вспомнила, как Максим остановился, почувствовав её короткую дрожь, как спросил без слов, можно ли продолжать, и как она сама приблизилась к нему, не оставляя места для сомнений. След был почти незаметным. Под блузкой его никто не увидит. Сергей — тем более. В последние годы он редко смотрел на неё достаточно внимательно, чтобы замечать подобные детали.

Эта мысль не вызвала обиды. Только горьковатую усмешку.

Виктория выбрала строгую тёмно-зелёную блузку с высоким мягким воротником и серые брюки. Винную юбку, ставшую вчера почти символом маленького личного переворота, оставила в шкафу. Не потому, что сожалела о выборе. Просто не собиралась превращать каждое утро в демонстрацию. Она слишком долго умела выглядеть так, как требовали обстоятельства, чтобы теперь наряжаться исключительно ради реакции окружающих мужчин. Вчера ей понадобился яркий цвет, чтобы увидеть себя иначе. Сегодня хотелось проверить, сохранится ли ощущение внутренней перемены без внешних подсказок.

Сохранилось.

Когда Виктория вернулась в спальню, Сергей уже проснулся. Он сидел на краю кровати, листая сообщения в телефоне, и выглядел уставшим, но не настолько, чтобы это вызывало сочувствие. Волосы были растрёпаны, на лице проступила лёгкая щетина. На стуле лежали аккуратно сложенные брюки и рубашка, в которых он вернулся ночью. Пиджак, вероятно, остался в прихожей.

— Доброе утро, — сказал Сергей, подняв глаза.

— Доброе.

— Ты уже собралась?

— Почти.

Он посмотрел на часы.

— Рано.

— У меня встреча в девять.

— Вчера же был ваш праздник. Я думал, ты позволишь себе приехать позже.

— Праздник закончился вчера.

Сергей усмехнулся. Он всегда немного забавлялся её дисциплиной, как будто она была милой странностью, а не одной из причин, по которым их общая жизнь когда-то стала устойчивой. Виктория не стала напоминать, сколько раз именно её привычка приходить вовремя, держать слово и не перекладывать ответственность на других спасала их от последствий его более творческого отношения к обязательствам.

— Я быстро приму душ, — сказал он. — Позавтракаем вместе?

Предложение прозвучало почти небрежно, но Виктория вспомнила ночное сообщение. «Завтра позавтракаем вместе? Давно нормально не разговаривали». Сергей редко формулировал желания дважды, если не придавал им значения. Видимо, сегодняшний завтрак действительно был частью какого-то плана.

— Хорошо, — ответила она.

Он встал, подошёл ближе и привычно коснулся губами её щеки. Короткий супружеский поцелуй, не требующий ответа. Виктория почувствовала запах его кожи, знакомый парфюм

и остаточное присутствие чужого аромата, слишком сладкого и лёгкого для неё. Возможно, Элина пользовалась цветочными духами. Возможно, запах остался от ресторана или клуба. Возможно, Виктория просто искала подтверждения тому, что и без того знала.

Сергей ничего не заметил. Или не захотел замечать. Его взгляд скользнул по высокому воротнику блузки, но не задержался. Через несколько секунд дверь ванной закрылась, зашумела вода.

Виктория стояла перед зеркалом и смотрела на собственное отражение.

Хорошая жена не должна была искать на муже чужой аромат утром после его «переговоров». Хорошая жена не должна была вспоминать ладони другого мужчины, пока слышит, как супруг принимает душ в соседней комнате. Хорошая жена, вероятно, обязана была потребовать объяснений ещё в ресторане, подойти к столу, посмотреть светловолосой девушке в лицо и спросить Сергея, собирается ли он продолжать спектакль. Или вернуться домой и дожидаться его в гостиной с включённым светом, чтобы каждый предмет в квартире участвовал в неизбежном разговоре.

Виктория не сделала ничего из этого.

Она слишком устала играть роль хорошей жены по правилам, которые Сергей давно отметил для себя.

На кухне было светлее, чем в спальне. За панорамными окнами виднелись крыши соседних домов и серое небо, обещавшее снег. Кофемашина зашумела, выпуская пар. Виктория достала из холодильника йогурт, нарезанные фрукты и сыр, поставила на стол хлеб, хотя сама его почти не ела. Домработница обычно оставляла всё необходимое заранее, и утренние приготовления занимали не больше нескольких минут.

Она налила кофе себе и Сергею, открыла планшет и начала просматривать письма. Ночью пришли уточнения от партнёров, аналитики прислали пересчитанный прогноз, начальник одного из региональных офисов снова попытался объяснить плохие показатели объективными обстоятельствами, которые на поверку оказывались обычной неорганизованностью. Виктория ответила на два письма, отметила третье и уже собиралась открыть календарь, когда на кухню вошёл Сергей.

После душа он выглядел свежее и собраннее. Тёмные волосы уложены, рубашка застёгнута, на запястье часы. На несколько лет моложе, чем пять минут назад. Виктория вдруг подумала, что Элина, вероятно, видит его именно таким: уверенным мужчиной, который умеет появляться в нужный момент с правильным выражением лица. Не тем, кто утром морщится от слишком крепкого кофе, оставляет носки возле кровати и часами ищет документы, лежащие у него на виду. У каждой женщины был свой Сергей. Возможно, ни одна не знала его полностью.

— Ты уже работаешь, — сказал он, садясь напротив.

— Просматриваю почту.

— Положи планшет хотя бы на десять минут.

Виктория подняла глаза.

Просьба прозвучала почти семейно. Ещё несколько дней назад она бы послушалась без размышлений, потому что действительно считала неправильным отвечать на письма во время редкого совместного завтрака. Сегодня ей понадобилось усилие, чтобы не рассмеяться. Сергей хотел разговора. Возможно, собирался создать вокруг предстоящей поездки убедительную декорацию. Возможно, испытывал лёгкое беспокойство после вчерашнего ужина с Элиной. Возможно, просто почувствовал, что Виктория изменилась, хотя не понимал, почему.

Она закрыла планшет и отложила его в сторону.

— О чём ты хотел поговорить?

— Обязательно нужен повод?

— У нас обоих плотный график. Обычно ты не просишь отложить работу ради обсуждения погоды.

— Вот поэтому и прошу. Мы в последнее время общаемся так, будто проводим еженедельное совещание.

— Неправда. На совещаниях я получаю больше конкретики.

Сергей улыбнулся, но в его взгляде мелькнула короткая настороженность.

— Ты сегодня колючая.

— Просто не выпалась.

— Вечер затянулся?

— Немного.

— Хорошо посидели?

— Вполне.

Он налил себе ещё кофе, хотя чашка была почти полной. Виктория наблюдала за ним спокойно. Сергей никогда не любил прямые вопросы, если не контролировал направление разговора. Он предпочитал подходить к теме постепенно, создавая впечатление случайности. В бизнесе это иногда работало. Дома выглядело прозрачнее, чем он думал.

— Я в конце недели улетаю в Сочи, — сказал он наконец. — На несколько дней.

Виктория взяла ложку и медленно перемешала йогурт.

— По работе?

— Да. Встреча с партнёрами по новому проекту. Мы давно обсуждали, просто даты никак не могли согласовать.

— На сколько дней?

— Вылетаю в четверг утром. Вернусь, скорее всего, в воскресенье вечером. Возможно, задержусь до понедельника, если переговоры растянутся.

— Понятно.

Сергей посмотрел на неё внимательнее.

— Ты не против?

Вопрос был почти смешным. За годы брака они оба привыкли к командировкам. Виктория могла провести неделю в Екатеринбурге, Казани или Новосибирске, Сергей уезжал в Петербург, Сочи, Дубай или Стамбул, если того требовали дела. Ни один не спрашивал разрешения. Они просто сообщали даты, чтобы другой мог учитывать их в планах.

— Почему я должна быть против?

— Не знаю. Ты какая-то странная со вчерашнего дня.

— В каком смысле?

— Тише обычного.

— Я всегда тихая.

— Нет. Ты обычно... — Сергей задумался, подбирая слово. — Более включённая.

— Возможно, устала.

— Точно всё в порядке?

Вот оно.

Виктория посмотрела на мужа и впервые за утро позволила себе рассмотреть его по-настоящему. Сергей держал чашку двумя руками, хотя кофе был горячим. Лицо выражало спокойное беспокойство человека, который заметил небольшое отклонение от привычной нормы, но пока не решил, требует ли оно внимания. Он не выглядел виноватым. Не избегал её взгляда. Не торопился закончить разговор. Возможно, умел лгать настолько хорошо, что сам перестал различать ложь и обычную жизнь. Возможно, считал собственную связь с Элиной не предательством, а чем-то существующим отдельно от брака, в параллельной реальности, не затрагивающей Викторию.

— Всё в порядке, — ответила она.

Сергей кивнул, но не сразу.

— Я подумал, может быть, мы куда-нибудь съездим вместе после моей поездки. Хотя бы на выходные. Давно никуда не выбирались.

— Можно посмотреть даты.

— Посмотрим.

Он произнёс это с облегчением, будто Виктория согласилась не на абстрактные выходные, а на сохранение прежнего порядка. Ей стало любопытно, действительно ли Сергей испытывает вину. Возможно, сегодняшняя попытка проявить заботу была его способом восстановить внутреннее равновесие: несколько дней с молодой любовницей, затем уик-энд с женой, хороший ресторан, дорогой номер, привычная близость, после которой можно снова считать себя вполне порядочным человеком. Не идеальным, конечно. Но кто в их возрасте идеален?

Виктория представила, как Сергей покупает билеты для Элины. Как объясняет ей, что вынужден вернуться в воскресенье вечером из-за важной встречи. Как пишет жене короткое сообщение между ужином и ночью в отеле. Как сохраняет спокойствие, потому что уверен: его жизнь надёжно разделена на комнаты, двери между которыми открывает только он сам.

Она не чувствовала ярости.

Только желание открыть одну из этих дверей с другой стороны.

— Ты уже выбрал гостиницу? — спросила Виктория.

— Партнёры бронируют. Кажется, в центре, недалеко от набережной.

— Удобно.

— Ты была в Сочи недавно?

— В прошлом году. На конференции.

— Точно. Я забыл.

Конечно, забыл. Он забывал её командировки, названия проектов и даты презентаций, если они не касались его напрямую. Виктория не обижалась. У неё тоже не всегда хватало сил помнить все детали его бизнеса. Только раньше она считала это нормальной платой за насыщенную жизнь двух взрослых людей. Теперь каждая мелочь складывалась в другую картину.

— А у тебя какие планы на выходные? — спросил Сергей.

— Пока никаких.

— Отдохни. Ты слишком много работаешь.

— Хороший совет.

— Я серьёзно. Тебе нужно иногда переключаться.

Виктория едва заметно улыбнулась.

— Возможно, ты прав.

Сергей, похоже, решил, что разговор прошёл удачно. Он расслабился, взял кусок хлеба, намазал сыром и начал рассказывать о предстоящей встрече. Новый проект был связан с гостиничной недвижимостью, инвестициями и группой партнёров, которых Виктория знала только по фамилиям. Сергей говорил уверенно, перечисляя детали, цифры и возможные риски. Возможно, часть информации была правдой. Скорее всего, почти вся. Хорошая ложь не требует изобретать отдельную реальность, достаточно встроить несколько недостающих деталей в существующую.

Виктория слушала и задавала вопросы там, где их могла бы задать обычная жена. Не слишком много, чтобы не показаться подозрительной. Не слишком мало, чтобы не усилить его беспокойство. Она умела вести сложные переговоры. Умела подталкивать собеседника к нужным выводам, не давая ему почувствовать давления. Умела улыбаться ровно настолько, чтобы разговор оставался тёплым, и сохранять дистанцию ровно настолько, чтобы не терять контроль.

Сегодня эти профессиональные навыки впервыегодились ей за собственным кухонным столом.

— Может быть, вернусь раньше, — сказал Сергей. — Если всё решим быстро.

— Напиши, когда будешь знать точно.

— Конечно.

Он протянул руку через стол и коротко коснулся её пальцев.

Жест оказался почти точной копией того, что Виктория видела в ресторане. Только там ладонь Сергея лежала поверх руки Элины дольше, мягче и естественнее. Здесь прикосновение выглядело как знак внимания, поставленный в нужном месте разговора. Отрепетированный. Убедительный. Пустой.

Виктория не убрала руку.

Хорошая жена не должна вздрагивать от прикосновения мужа. Хорошая жена должна поддерживать иллюзию близости до тех пор, пока сама не решит, что делать дальше.

— Спасибо, что предупредил, — сказала она.

Сергей отпустил её пальцы и посмотрел на часы.

— Мне пора собираться. Сегодня встреча в одиннадцать.

— Важная?

— Относительно.

— Удачи.

— И тебе.

Он допил кофе, встал и отнёс чашку к раковине, хотя обычно оставлял её на столе. Возможно, пытался быть внимательнее. Возможно, просто чувствовал себя виноватым и компенсировал это мелочами. Через несколько минут Сергей вернулся в спальню за пиджаком, потом заглянул на кухню, чтобы попрощаться.

— Не задерживайся сегодня допоздна.

— Постараюсь.

— Увидимся вечером.

— Увидимся.

Он подошёл, поцеловал Викторию в щёку и ушёл.

Входная дверь закрылась. В квартире стало тихо.

Виктория сидела за столом, не двигаясь, и смотрела на его недоеденный бутерброд. Чашка стояла возле раковины, на столешнице осталась маленькая капля кофе. За окном начался снег: редкие хлопья медленно падали между домами, почти не задерживаясь на мокром асфальте.

Телефон Виктории лежал рядом с планшетом.

Она не брала его в руки несколько минут. Не потому, что боялась увидеть сообщение. Просто хотела понять, чего именно ждёт. Сергей сообщил о поездке. Скорее всего, Элина поедет с ним. Возможно, уже получила билеты. Виктория могла бы проверить. Нанять человека, посмотреть переписку, задать прямой вопрос, дождаться, пока муж начнёт путаться в деталях. Но ни одно из этих действий не казалось необходимым. Она знала достаточно.

Экран телефона загорелся.

Сообщение пришло не от Сергея.

Максим: «Доброе утро».

Два слова. Те же самые, которыми обычно начиналась переписка коллег, супругов, друзей, людей, случайно встретившихся на конференции. Ничего предосудительного. Никакого намёка на то, что вчера вечером они стояли в тёмной переговорной у панорамного окна, забывая о времени, осторожности и здравом смысле.

Виктория смотрела на сообщение, не открывая чат.

Она могла не отвечать. Это было бы разумно. Вчерашний вечер останется отдельным эпизодом, вспышкой, возникшей из-за шока, усталости и странной внутренней тишины после ресторана. Максим поймёт. Возможно, не сразу, но поймёт. Он взрослый мужчина, а не маль-

чик, которому требуется объяснять очевидные вещи. Завтра они встретятся на совещании, обменяются деловыми репликами и постепенно вернуться к привычной дистанции.

Телефон снова погас.

Виктория поднялась, отнесла тарелку к раковине, вымыла руки и вернулась к столу. Сообщение никуда не исчезло. Маленький белый прямоугольник на экране выглядел почти вызывающе.

Она разблокировала телефон.

«Доброе утро, Максим».

Ответ отправился мгновенно.

Через несколько секунд рядом с его именем появились три точки.

Максим: «Я боялся, что вы не ответите».

Виктория прочитала сообщение дважды. Вчера в переговорной Максим казался уверенным, хотя и напряжённым. Сегодня его короткая честность неожиданно задела сильнее, чем более откровенные слова. Он действительно боялся, что утром она отступит, закроется, делает вид, будто ничего не произошло. Возможно, именно поэтому ограничился нейтральным приветствием, оставляя решение ей.

Она набрала ответ.

«Я редко исчезаю без объяснений».

Три точки появились снова.

«Тогда я могу надеяться на объяснение?»

Виктория чуть улыбнулась. Максим осторожно проверял границы, но всё же оставался собой: слишком прямым, чтобы удовлетвориться неопределённостью.

«Какое именно?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Что вчера было не только последствием плохого вечера и пары бокалов вина».

Виктория откинулась на спинку стула.

Она могла ответить легко. Пошутить, напомнить о рабочем дне, перевести разговор в безопасную плоскость. Могла оставить сообщение без ответа и тем самым заставить Максима ждать. В любой другой ситуации она выбрала бы дистанцию, потому что дистанция всегда давала преимущество. Но сегодня ей не хотелось играть в холодность ради самой холодности.

«Я выпила меньше одного бокала».

Максим долго не отвечал. Виктория почти видела его улыбку.

«Это очень хорошая новость».

«Для кого?»

«Для меня. Надеюсь, и для вас тоже».

Она посмотрела на часы. Если выехать через десять минут, можно успеть в офис без пробок. Переписку следовало закончить. Не потому, что Виктория боялась увлечься, а потому, что любое новое слово приближало их к вопросу, на который она пока не хотела отвечать: что будет дальше?

«У меня встреча в девять».

«Понял. Не отвлекаю».

Пауза.

«Но я рад, что вы ответили».

Виктория закрыла чат, положила телефон в сумку и вышла из кухни.

В машине она старалась думать о работе. Водитель включил радио едва слышно, город медленно просыпался под мокрым снегом, машины двигались плотнее обычного. На светофорах люди переходили улицу, прячась под капюшонами и зонтами. Виктория открыла планшет, просмотрела календарь и несколько раз перечитала список встреч, но мысли возвращались к короткой переписке.

Максим боялся, что она не ответит.

Эта фраза почему-то нравилась ей больше, чем следовало.

Не потому, что Виктории хотелось власти над ним. По крайней мере, не только поэтому. Ей нравилось ощущение собственной значимости в чужом утре. Сергей жил рядом почти двадцать лет и давно перестал замечать её присутствие иначе, чем как часть устроенного мира. Виктория существовала в его жизни надёжно, спокойно и предсказуемо: жена, которая справится, поймёт, не станет устраивать сцену, не потребует слишком много внимания, потому что у неё самой достаточно дел. Для Максима её короткий ответ оказался событием.

Разница была почти пугающей.

В офисе всё выглядело обычным. Сотрудники проходили через турникеты, приветствовали друг друга, обсуждали снег, пробки и предстоящие встречи. Девушка на ресепшене сообщила, что курьер уже привёз документы от партнёров. Помощница принесла кофе и уточнила расписание. Виктория вошла в кабинет, сняла пальто и положила телефон экраном вниз на край стола.

Она не ждала новых сообщений.

По крайней мере, старалась не ждать.

Первую половину дня занимали переговоры. В девять приехали партнёры по новому контракту, которым требовалось объяснить разницу между желаемыми условиями и реальностью. В одиннадцать состоялся созвон с регионами, в ходе которого Виктория спокойно, почти без повышения голоса, заставила троих руководителей признать очевидные ошибки. В двенадцать тридцать помощница напомнила о встрече с юридическим отделом. В час Виктория наконец вернулась в кабинет и обнаружила на столе остывший кофе.

Телефон лежал там же.

Экран оставался тёмным.

Она почувствовала лёгкое разочарование и тут же рассердилась на себя. Максим написал утром. Виктория сама закончила разговор, сославшись на встречу. Он поступал правильно, не пытаясь завалить её сообщениями и не превращая вчерашний вечер в навязчивую переписку. Именно это ей и нравилось: Максим понимал границы.

Но какая-то часть Виктории хотела, чтобы он всё же нарушил хотя бы одну.

Она открыла почту, просмотрела новые письма и заставила себя сосредоточиться на отчёте. Цифры быстро вернули привычную ясность. Через пятнадцать минут помощница сообщила, что Максим Орлов просит согласовать обновлённый прогноз по регионам. Документы пришли во внутренней системе, без личных сообщений. Виктория открыла файл. Расчёты были аккуратными, комментарии точными. Максим исправил всё, о чём они говорили вчера, добавил несколько вариантов развития событий и отметил слабые места. Профессионально. Спокойно. Никаких намёков.

В конце документа стояла стандартная подпись: «М. Орлов».

Виктория утвердила файл и отправила короткое деловое сообщение через внутреннюю систему: «Прогноз согласован. Учтите комментарий по третьему региону».

Через минуту пришёл ответ: «Принял. Исправлю».

И всё.

Она откинулась на спинку кресла и неожиданно улыбнулась. Максим действительно умел ждать. Возможно, лучше, чем она предполагала.

В два часа Виктория спустилась в небольшое кафе на первом этаже, чтобы пообедать с Миланой из HR. Они редко встречались вне совещаний, но сегодня требовалось обсудить кадровые перестановки в одном из подразделений. Милана была женщиной лет тридцати семи, быстрой, внимательной и достаточно умной, чтобы не задавать прямых вопросов там, где можно было получить ответ наблюдением. Она заказала пасту, Виктория ограничилась супом и салатом.

— Ты сегодня выглядишь отдохнувшей, — заметила Милана после нескольких минут разговора.

— Это вряд ли. Я спала меньше обычного.

— Значит, дело не во сне.

Виктория подняла глаза от тарелки.

— Ты пытаешься обсудить кадровые перестановки или моё лицо?

— Иногда это связано. Если руководитель выглядит так, будто у него появилась причина не ненавидеть человечество, я обязана проверить, не планируется ли революция в структуре компании.

— Революция не планируется.

— Жаль.

Милана улыбнулась и вернулась к документам. Виктория сделала вид, что разговор её не задел. Но слова остались внутри. Неужели перемена настолько заметна? Она не накрашилась ярче, не выбрала необычную одежду, не стала улыбаться каждому встречному. И всё же что-то изменилось. Возможно, взгляд. Возможно, движения. Возможно, та самая внутренняя тишина, которая вчера казалась пустотой, а сегодня постепенно наполнялась другим содержанием.

После обеда Виктория вернулась в кабинет и увидела новое сообщение на телефоне.

Максим: «Я честно пытался не писать до конца рабочего дня».

Она прочитала и не ответила сразу.

Максим: «Но, кажется, переоценил собственную выдержку».

Виктория провела пальцем по краю телефона.

«У вас проблемы с дисциплиной?»

Ответ появился почти мгновенно.

«Только в одной конкретной области».

«Надеюсь, она не влияет на региональные показатели».

«Наоборот. Сегодня команда работает удивительно эффективно. Руководитель в хорошем настроении».

«Я заметила».

«Вы читали прогноз?»

«Это моя работа».

«Я имел в виду не прогноз».

Виктория замерла.

Достаточно было нескольких слов, чтобы память вернулась с почти физической ясностью. Панорамное окно, тёмная переговорная, ладонь Максима на её талии под краем блузки, приглушённые шаги в коридоре, его дыхание рядом. Она почувствовала лёгкий жар, совершенно неуместный посреди рабочего дня.

Виктория перевела взгляд на дверь кабинета. Закрыта. За стеклянной перегородкой помощница разговаривала по телефону. В коридоре проходили люди. Всё было безопасно и одновременно нет: экран телефона превращал вчерашний вечер в часть обычного дня, переносил его из тёмной переговорной сюда, за рабочий стол, между письмами, звонками и таблицами.

Она набрала медленно:

«Вы слишком самоуверенны».

«После вчерашнего мне трудно оценивать ситуацию объективно».

«Это не оправдание».

«Я не оправдываюсь».

Пауза.

«Я пытаюсь понять, можно ли сказать вам, что не способен думать ни о чём другом».

Виктория долго смотрела на сообщение.

Максим не писал ничего откровенного. Ни одного слова, которое невозможно было бы удалить без следа. И всё же фраза действовала сильнее прямого описания. В ней чувствовался вчерашний вечер, его сдерживаемое желание, долгие три года ожидания и сегодняшняя попытка сохранить хотя бы внешнюю разумность.

Виктория положила телефон на стол.

Нужно было не отвечать. Вернуться к работе. Дать Максиму понять, что подобные сообщения в середине дня нежелательны. Это было бы правильно. Безопасно. Профессионально.

Она выдержала почти две минуты.

«Вы способны. Просто не хотите».

«Возможно».

«Это разные вещи».

«Вы всегда так беспощадны к людям, которые говорят правду?»

«Только к тем, кто делает это в рабочее время».

Максим ответил не сразу.

«Тогда буду ждать вечера».

Виктория почувствовала, как внутри что-то сжимается.

Он не предлагал встречу. Не просил разрешения позвонить. Не уточнял, свободна ли она. Просто сказал, что будет ждать вечера, и оставил смысл открытым. Возможно, имел в виду следующий разговор. Возможно, следующий день. Возможно, возможность увидеть её снова вне офиса.

Виктория не знала, хочет ли продолжения именно сегодня. Но мысль о том, что продолжение возможно, уже меняла всё.

Она закрыла чат и вернулась к документам.

В течение следующих нескольких часов Максим больше не писал. Виктория провела совещание, ответила на звонки, согласовала бюджет и обсудила с аналитиками новый прогноз. Внешне день ничем не отличался от десятков предыдущих. Только теперь привычная офисная жизнь обрела дополнительный слой, невидимый для окружающих. За каждым спокойным ответом, каждой подписью и каждым деловым письмом существовала другая Виктория, которая знала, что где-то в том же городе Максим Орлов смотрит на экран телефона и, возможно, вспоминает её так же отчётливо, как она вспоминает его.

Около шести помощница заглянула в кабинет и спросила, заказывать ли машину.

— Через полчаса, — ответила Виктория.

— Хорошо. На домашний адрес?

Вопрос был обычным. Машину почти всегда заказывали домой.

Виктория задержалась с ответом на долю секунды.

— Да.

Помощница кивнула и вышла.

Эта короткая пауза встревожила Викторию сильнее, чем следовало. Она ведь не собиралась встречаться с Максимом сегодня. Не назначала свиданий. Не давала обещаний. И всё же вопрос о домашнем адресе внезапно показался неочевидным, словно за один вечер в городе появилось множество маршрутов, о которых раньше она не думала.

Она выключила ноутбук, собрала документы и посмотрела на телефон.

Сообщений не было.

Максим ждал вечера.

Виктория не знала, какую именно часть вечера он считает подходящей. Возможно, ждёт её инициативы. Вчера первый шаг сделала она. Сегодня очередь могла быть его, но Максим, похоже, не хотел давить. Это раздражало и нравилось одновременно.

Машина приехала через десять минут. Виктория спустилась в холл, надела пальто и вышла на улицу. Снег усилился, но всё ещё таял почти сразу, касаясь асфальта. Водитель открыл дверь. Виктория села, назвала адрес и положила сумку рядом.

Телефон завибрировал, когда машина отъехала от офиса.

Максим: «Рабочее время закончилось?»

Она посмотрела на часы.

18:42.

«Формально».

«Тогда можно сказать правду?»

Виктория почувствовала улыбку прежде, чем успела её остановить.

«Вы сегодня уже пытались».

«Не всю».

«Это звучит тревожно».

«Я весь день вспоминал вчерашний вечер».

Пауза.

«И всё утро боялся, что вы решите считать его ошибкой».

Машина медленно двигалась в плотном потоке. За окном загорались вывески, свет фар отражался в мокром асфальте, люди торопились к метро. Виктория держала телефон в руке и понимала, что сейчас от её ответа зависит больше, чем она готова признать.

Она могла поставить точку. Написать, что вчерашний вечер не должен повториться. Поблагодарить Максима за честность, попросить сохранить дистанцию и вернуться к исключительно рабочему общению. Это не отменит произошедшего, но остановит развитие событий до того, как они станут опасными.

Она могла ничего не обещать и оставить дверь приоткрытой. Именно так поступил бы осторожный человек, не готовый отказаться от нового ощущения, но боящийся последствий.

Или могла ответить честно.

Виктория смотрела на экран несколько секунд, затем набрала:

«Это не было ошибкой».

Три точки появились почти сразу, исчезли, потом появились снова.

Максим: «Я перечитал сообщение три раза».

«Не переоценивайте его значение».

«Поздно».

Виктория закрыла глаза на секунду. Ей нравилась его реакция. Нравилась сильнее, чем было разумно. Она привыкла к мужчинам, скрывающим эмоции за иронией, деловым тоном и осторожными формулировками. Сергей умел превращать даже нежность в часть общей системы: комплименты появлялись тогда, когда были уместны, подарки — к правильным датам, прикосновения — в предсказуемые моменты. Максим не скрывал, что её короткая фраза имеет для него значение. И этим обезоруживал.

«Но сегодня мы не увидимся», — написала Виктория.

Ответ пришёл после короткой паузы.

«Понял».

Никаких уговоров. Никакого разочарования, превращённого в давление.

Максим: «Когда-нибудь я научусь не задавать следующий вопрос».

«Сомневаюсь».

«Можно хотя бы один?»

«Один».

«Продолжение возможно?»

Виктория посмотрела в окно. Машина остановилась на светофоре. На тротуаре молодая пара стояла под одним зонтом, девушка смеялась, мужчина поправлял шарф на её шее. Обыч-

ная сцена. Простая близость, которую никто не скрывал. Виктория почувствовала странную зависть, но не к молодости и не к беззаботности. К ясности. Эти двое хотя бы знали, что делают и зачем.

Она пока не знала.

Но ответ всё равно написала.

«Возможно».

Максим: «Этого достаточно».

Виктория убрала телефон в сумку.

Дом встретил её мягким светом в прихожей и тишиной. Сергей ещё не вернулся. На кухне домработница оставила ужин, на столе лежала записка с перечнем купленных продуктов. В гостиной горела маленькая лампа возле дивана. Всё выглядело спокойно, ухоженно и немного безжизненно, как номер дорогого отеля, где никто не задерживается дольше необходимого.

Виктория сняла пальто, прошла в спальню и переделась в домашние брюки и мягкий джемпер. Потом разогрела ужин, включила новости и почти сразу выключила звук. Есть не хотелось, но она заставила себя закончить хотя бы половину порции. В голове слишком легко возникали воспоминания о переписке. «Продолжение возможно?» — спросил Максим. «Возможно», — ответила она.

Слово казалось маленьким и опасным.

После ужина Виктория открыла ноутбук и попыталась поработать, но быстро поняла, что читает один и тот же абзац документа третий раз. Она закрыла файл, встала и подошла к окну. Снег продолжал падать, теперь крупнее. Двор постепенно белел, машины двигались медленно, дворник расчищал дорожку возле подъезда.

Телефон лежал на столе.

Максим больше не писал. Он действительно умел останавливаться там, где Виктория обозначила границу. Это заслуживало уважения. И одновременно заставляло думать о нём ещё чаще. Если бы он присылал сообщения каждую минуту, пытался добиться встречи, жаловался или торопил, Виктории было бы проще закрыть дверь. Навязчивость всегда разрушала интерес. Но Максим оставлял ей пространство, в котором желание успевало разрастись самостоятельно.

Около девяти вернулся Сергей.

Виктория слышала входную дверь, шаги и короткий разговор по телефону в прихожей. Муж говорил деловым тоном, уточнял время встречи и обещал прислать документы утром. Потом вошёл в гостиную, положил телефон на столик и устало опустился на диван.

— Длинный день, — сказал он.

— Как встреча?

— Нормально. Могло быть лучше, но продвинулись.

Виктория закрыла ноутбук.

— Ужин на кухне.

— Спасибо. Позже.

Сергей ослабил галстук и посмотрел на неё внимательнее.

— Ты уже дома.

— Как видишь.

— Я думал, задержишься.

— Сегодня не было необходимости.

Он кивнул. Некоторое время они молчали. Телевизор работал без звука, на экране сменялись лица ведущих, графики, кадры заснеженных улиц. Виктория сидела в кресле напротив мужа и чувствовала странное раздвоение. Снаружи всё оставалось привычным: вечер, дом, рабочая усталость, короткие реплики, совместное молчание. Но внутри существовал тайный слой жизни, о котором Сергей ничего не знал. Возможно, именно такое ощущение испытывал он, возвращаясь домой от Элины. Возможно, поэтому выглядел так спокойно: тайна посте-

пенно перестаёт быть источником напряжения, если достаточно долго носить её с собой. Она превращается в комнату, где можно закрыться, когда остальная жизнь кажется слишком предсказуемой.

— Ты действительно уезжаешь в четверг? — спросила Виктория.

— Да. Билеты уже взял.

— Во сколько вылет?

— Рано утром. Около восьми.

— Понятно.

Сергей взглянул на неё.

— Хочешь, я пришлю детали?

— Зачем?

— Не знаю. На всякий случай.

— Не нужно. У меня есть твой номер.

Фраза прозвучала нейтрально, но Сергей слегка нахмурился.

— Вика, точно всё нормально?

Он редко называл её Викой. Когда-то часто, потом всё реже, будто полное имя лучше соответствовало их взрослой жизни. Сейчас уменьшительная форма прозвучала почти как попытка открыть старую дверь давно забытым ключом.

— А что должно быть не нормально?

— Не знаю. Ты будто где-то не здесь.

Виктория посмотрела на мужа.

Он заметил. Не причину, конечно. Только изменение. Возможно, впервые за долгое время почувствовал, что её внимание больше не принадлежит ему автоматически. Сергей привык к фоновому присутствию жены так же, как привык к свету в гостиной, к идеально подобранному кофе и к тому, что в доме всегда есть чистые рубашки. Когда фон меняется, человек не сразу понимает, что именно его тревожит. Просто становится неудобно.

— Я здесь, — сказала Виктория.

— Тогда почему мне кажется, что ты злишься?

— Я не злюсь.

— Устала?

— Возможно.

— Давай всё-таки съездим куда-нибудь, когда я вернусь. Без работы. Без телефонов.

Она могла спросить: с кем именно ты собираешься провести ближайшие дни без телефона? Могла посмотреть прямо и сказать, что видела его в ресторане. Могла закончить спектакль одним предложением.

Но Виктория не хотела.

Не сегодня.

Ей нужно было понять, чего она хочет сама, прежде чем разрушать привычную конструкцию. Не потому, что боялась остаться одна. Эта перспектива неожиданно перестала пугать. Скорее наоборот. Но после двадцати лет брака нельзя принимать решения только из желания отомстить. Виктория слишком хорошо знала цену необратимым шагам.

— Посмотрим даты, — повторила она.

Сергей улыбнулся с облегчением.

— Хорошо.

Он встал, подошёл к ней и наклонился, чтобы поцеловать. Виктория не отстранилась. Его губы коснулись её губ коротко и привычно. Ничего болезненного. Ничего неприятного. Только удивительно мало. Она закрыла глаза и вдруг вспомнила совсем другой поцелуй: настойчивый, почти осторожный в своей настойчивости, тот момент, когда Максим ждал её движения и не позволял себе больше, пока не получал ответа.

Сергей отстранился.

— Ты холодная, — сказал он тихо.

— Я устала.

— Иди ложись. Я поем и приду позже.

— Хорошо.

Виктория закрыла ноутбук, взяла телефон и направилась в спальню.

В ванной она долго чистила зубы, потом умылась и нанесла крем на лицо. Обычный вечерний ритуал успокаивал. В зеркале отражалась та же женщина, которую она знала много лет: собранная, ухоженная, слегка уставшая. Только взгляд изменился. В нём появилась внимательность человека, который впервые увидел дверь там, где прежде была глухая стена.

Когда Виктория легла, Сергей всё ещё оставался на кухне. Издалека слышался шум воды и короткий звон посуды. Она взяла телефон, проверила почту и увидела новое сообщение.

Максим написал пятнадцать минут назад.

«Не буду мешать вашему вечеру. Просто хотел сказать, что всё ещё улыбаюсь как идиот».

Виктория прикусила губу, чтобы не улыбнуться в ответ слишком заметно, хотя рядом никого не было.

Она набрала:

«Это может отрицательно сказаться на вашем авторитете».

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Уже сказалось. Помощница спросила, всё ли со мной в порядке».

«И что вы ответили?»

«Сказал, что региональные показатели выросли».

Виктория тихо рассмеялась.

Смех прозвучал неожиданно громко в спальне. Она сразу замолчала, прислушиваясь. Сергей, вероятно, ничего не услышал. Или решил, что она смотрит что-то в телефоне.

Максим написал снова:

«Я рад, что вы смеётесь».

Виктория замерла.

Фраза была простой. Почти невинной. Но именно поэтому она задела особенно сильно. Максим не знал о ресторане. Не знал о Сергее и Элине. Не знал, почему Виктория вчера вдруг посмотрела на него иначе, почему сама привела в переговорную, почему сегодня отвечала осторожно, будто проверяла лёд каждым шагом. Он просто заметил, что она смеётся, и обрадовался.

Когда Сергей в последний раз говорил ей что-то подобное?

Виктория не вспомнила.

Она посмотрела на дверь спальни. За ней оставался муж, который через несколько дней уедет в Сочи с молодой моделью и, вероятно, будет писать ей сообщения между ужинами, прогулками и ночами в гостинице. Он считал, что контролирует обе части своей жизни. Возможно, до сегодняшнего утра это действительно было так.

Виктория перевела взгляд на экран.

«Доброй ночи, Максим».

Он ответил почти сразу.

«Доброй ночи, Виктория».

Без отчества.

Она не поправила.

Телефон лёг на тумбочку экраном вниз. Через несколько минут в спальню вошёл Сергей, выключил верхний свет и лёг рядом. Матрас прогнулся. Муж повернулся на бок, устроился удобнее и почти сразу закрыл глаза. Виктория чувствовала его присутствие, слышала ровное дыхание и смотрела в темноту.

Между ними оставалось меньше полуметра.

И гораздо больше, чем когда-либо прежде.

Виктория знала, что должна испытывать страх. Любая тайна усложняет жизнь. Любой новый шаг увеличивает риск. Один поцелуй в пустой переговорной можно назвать импульсом, ошибкой, реакцией на унижение. Но переписка на следующий день уже не была случайностью. Она отвечала Максиму осознанно. Оставляла дверь открытой. Позволяла ему надеяться на продолжение.

Позволяла надеяться себе.

Сергей спал рядом спокойно, уверенный, что жена по-прежнему остаётся частью его привычного мира. В четверг он уедет в Сочи и, вероятно, будет ещё спокойнее: Виктория работает, дом в порядке, никаких скандалов, никаких вопросов, никаких опасных сцен. Хорошая жена знает, когда не следует мешать деловой поездке мужа.

Виктория закрыла глаза.

Продолжение было возможно.

И впервые эта мысль не казалась угрозой.

Глава 4. Командировка в соседний город

Командировку в соседний город Виктория назначила сама.

Решение выглядело безупречно с профессиональной точки зрения. Региональный офис Максима Орлова действительно требовал проверки: показатели росли быстрее, чем ожидалось, команда несколько недель подряд перевыполняла план, а новые расчёты, которые Максим отправил после планёрки, заслуживали внимательного разговора на месте. Виктория могла поручить поездку кому-то из заместителей или ограничиться видеоконференцией, как поступала обычно, когда речь шла о подразделении, не демонстрирующем серьёзных проблем. Но теперь ей казалось разумным убедиться лично, что оптимизм Максима основан не только на удачно составленных таблицах.

Она повторила эту формулировку дважды. Сначала помощнице, когда просила забронировать билет на утренний поезд и номер в гостинице неподалёку от регионального офиса. Затем самой себе, когда вечером открыла календарь и ещё раз проверила расписание.

Проверка на месте.

Ничего необычного. Никаких решений, которые требовали бы отдельного объяснения. Виктория Андреевна Ланская много лет руководила отделом продаж и регулярно ездила в командировки. У неё был небольшой чемодан, почти всегда собранный наполовину, привычка хранить зарядные устройства в отдельном кармане и длинный список гостиниц, где можно было рассчитывать на нормальный завтрак и тихий номер. Сергей никогда не удивлялся её поездкам. Иногда спрашивал, во сколько вылет или поезд. Иногда забывал спросить.

Теперь он тоже не удивился.

О предстоящей командировке Виктория сообщила за ужином, когда Сергей листал новости в телефоне и почти не смотрел на неё. Он вернулся домой позже обычного, но сегодня не пах чужими духами. Только холодным воздухом, улицей и знакомым парфюмом. Возможно, встречался с партнёрами. Возможно, с Элиной. Возможно, успел совместить и то и другое. Виктория больше не пыталась угадать. Слишком быстро выяснилось, что неизвестность перестаёт причинять боль, если перестаёшь считать чужую жизнь центром своей собственной.

— Завтра уеду на день в регион, — сказала она, разрезая запечённую рыбу.

Сергей поднял взгляд.

— Куда именно?

— В соседний город. Нужно проверить офис и обсудить показатели с руководителем подразделения.

— Вернёшься вечером?

Виктория сделала паузу ровно на одну секунду. Достаточно короткую, чтобы Сергей не заметил, и достаточно длинную, чтобы она сама поняла значение ответа.

— Скорее всего, останусь до утра. Встречи могут затянуться.

— Понятно.

Он снова посмотрел в телефон.

Ни одного вопроса. Ни тени подозрения. Ни лёгкого недовольства, которое могло бы возникнуть у мужа, если бы его жена внезапно решила провести ночь в гостинице всего в нескольких часах езды от дома. Сергей привык доверять ей настолько, что доверие давно перестало быть признанием её честности. Оно стало формой невнимательности. Виктория существовала в его мире как человек, неспособный на поступок, не соответствующий заранее установленному образу. Она работала, возвращалась домой, соблюдала договорённости и не создавала проблем. Даже её молчание после ресторана Сергей принял не за опасность, а за обычную усталость.

Виктория могла бы обидеться.

Вместо этого почувствовала почти благодарность.

— Ты всё подготовила к поездке? — спросил Сергей несколько минут спустя, словно вспомнив о необходимости проявить участие.

— Да.

— Машину заказать?

— Я поеду поездом.

— Тогда хотя бы попроси водителя отвезти тебя на вокзал.

— Не нужно. Вызову такси.

Он пожал плечами.

— Как хочешь.

Разговор закончился. Сергей переключил внимание на сообщение, пришедшее в телефон, и уголок его губ едва заметно дрогнул. Виктория увидела это, но не стала смотреть дольше. Какая-то женщина — Элина или кто-то другой — могла находиться на расстоянии нескольких касаний экрана от их семейного ужина. И всё же впервые эта мысль не вызвала в ней ощущения унижения. Внутри существовало собственное ожидание, тихое и жаркое, не имеющее отношения к мужу.

Максим узнал о командировке официально.

Виктория не писала ему отдельно, хотя несколько раз почти открывала чат. Она внесла поездку в календарь, помощница связалась с региональным офисом, затем от Максима пришло деловое сообщение по электронной почте: «Виктория Андреевна, график встреч подготовим. Если есть отдельные вопросы, которым следует уделить внимание, сообщите, пожалуйста, заранее».

Всё выглядело безупречно.

Даже слишком.

Она ответила так же сухо: «Основные вопросы направлю сегодня до конца дня. Прошу также подготовить обзор по новым клиентам и динамике команды за последние три месяца».

Максим написал: «Будет сделано».

Через полчаса в личном чате появилось ещё одно сообщение.

«Я правильно понял, что вы останетесь в городе до утра?»

Виктория посмотрела на экран и почувствовала, как внутри медленно поднимается знакомое напряжение. Достаточно было одного вопроса. Никаких прямых приглашений. Никаких слов, которые можно было истолковать однозначно. И всё же оба понимали, что речь не только о расписании встреч.

«Именно так указано в календаре».

Максим ответил почти сразу.

«Я видел».

Пауза.

«Просто хотел убедиться, что это не ошибка».

Виктория откинулась на спинку кресла. За стеклянной перегородкой помощница разговаривала по телефону, в коридоре проходили сотрудники, на столе лежали документы, требующие подписи. В обычном рабочем пространстве эта короткая переписка казалась особенно опасной.

«Ошибки бывают случайными», — написала она.

Три точки появились рядом с именем Максима и исчезли. Потом возникли снова.

«А это?»

Виктория задержала пальцы над клавиатурой. Можно было не отвечать. Оставить смысл открытым. Позволить Максиму гадать до завтра. Осторожность требовала именно этого.

Она набрала:

«Нет».

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Понял».

И больше ничего.

Максим не спросил, означает ли это обещание. Не попытался уточнить, чего именно Виктория хочет. Не написал, что ждёт. Но после его короткого «Понял» весь оставшийся день приобрёл другое качество. Виктория работала с привычной точностью, провела два совещания, подписала документы, обсудила с Миланой из HR сложный перевод сотрудника между подразделениями и ответила на десятки писем. Ничего не выпадало из рук. Никаких рассеянных взглядов, ненужных улыбок или ошибок в формулировках. Только где-то глубоко, под ровной поверхностью рабочего дня, существовало знание: завтра вечером она окажется в другом городе, в гостинице, недалеко от офиса Максима.

И поездка не была ошибкой.

Утром Виктория проснулась до будильника. В спальне было темно, Сергей спал рядом, отвернувшись к окну. Она лежала неподвижно несколько минут, слушая его дыхание и пытаясь понять, что именно чувствует. Страх присутствовал, но не тот, которого она ожидала. Не страх быть пойманной. Не страх перед моральной чертой, которую собиралась переступить окончательно. Скорее тревога человека, который слишком долго жил по одному маршруту и теперь впервые сворачивает на незнакомую улицу, не зная, куда она ведёт.

Виктория встала осторожно, чтобы не разбудить мужа, и ушла в ванную. Собиралась дольше обычного. Несколько раз меняла блузку, затем рассердилась на себя и выбрала ту, которую надела бы в любую другую рабочую поездку: светлую, мягко облегающую фигуру, с неброскими перламутровыми пуговицами. К ней — тёмные брюки, жакет и удобные туфли на устойчивом каблуке. В чемодан положила платье для делового ужина, косметичку, ночную рубашку, бельё и сменную одежду на утро.

На последнем пункте она остановилась.

Бельё лежало поверх вещей, аккуратно сложенное, выбранное не случайно. Не вызывающее, не театральное, не предназначенное для того, чтобы превратить взрослую женщину в чужую фантазию. Но красивое. Тонкое. Такое, которое Виктория редко надевала в последние годы, потому что особых поводов не возникало, а Сергей, казалось, давно перестал различать детали.

Она смотрела на него несколько секунд, затем закрыла чемодан.

Сергей проснулся, когда Виктория уже собиралась выходить. Он появился в прихожей сонный, в домашней футболке и брюках, провёл ладонью по волосам и посмотрел на чемодан.

— Уже уезжаешь?

— Поезд через час.

— Могла разбудить меня раньше.

— Зачем?

Вопрос прозвучал мягко, но Сергей задержал взгляд чуть дольше, словно понял, насколько точным оказался ответ. Действительно: зачем? Чтобы он сонно выпил кофе рядом? Чтобы спросил о погоде? Чтобы поцеловал её в щёку и пожелал удачи на встречах, о которых забудет через полчаса?

— Просто попрощаться, — сказал он.

Виктория улыбнулась едва заметно.

— Я вернусь завтра.

Сергей подошёл ближе и обнял её. Ненадолго. Почти формально, но всё же теплее, чем обычно. Виктория почувствовала его ладонь на спине и неожиданно поймала себя на том, что ничего не чувствует в ответ. Ни вины. Ни тревоги. Ни желания прижаться ближе. Только ясное осознание: ещё недавно такой жест заставил бы её искать в поведении мужа признаки

прежней близости, убеждать себя, что не всё потеряно. Теперь она просто ждала, когда объятие закончится.

— Не работай до ночи, — сказал Сергей.

— Постараюсь.

— Напиши, как доедешь.

— Хорошо.

Он поцеловал её в висок и отступил.

Такси уже ждало у подъезда.

Поезд шёл чуть меньше трёх часов. Виктория села у окна, поставила чемодан на полку и открыла ноутбук. В вагоне было тихо: несколько пассажиров ещё дремали, кто-то пил кофе из бумажного стакана, мужчина через проход листал презентацию на планшете. За окном медленно тянулись окраины города, затем промышленные зоны, небольшие станции и заснеженные поля. Виктория отвечала на письма, просматривала отчёты и делала пометки к встречам. Работа успокаивала. В ней всё оставалось понятным: показатели либо достигнуты, либо нет; прогнозы либо подтверждаются, либо требуют пересмотра; люди либо выполняют обещания, либо объясняют, почему не справились.

Личная жизнь никогда не была столь честной.

Телефон завибрировал около девяти.

Максим: «Доброе утро. Вы уже в пути?»

Виктория посмотрела на сообщение, затем в окно.

«Да».

«Встретить вас на вокзале?»

Она могла ответить, что нет необходимости. В региональном офисе наверняка нашёлся бы водитель, гостиница располагалась недалеко, а встреча руководителя подразделения с приезжающим начальством выглядела бы обычной вежливостью. Но мысль о том, что Максим будет ждать на платформе, почему-то заставила сердце ударить быстрее.

«Если вам не придётся отменять дела».

«Я уже всё отменил».

«Это не очень профессионально».

«Я бы сказал, что встреча руководителя входит в мои обязанности».

Виктория улыбнулась.

«Тогда встретьте».

Он ответил почти сразу:

«Буду ждать».

Эти два слова сопровождали её весь оставшийся путь.

На вокзале было шумно и холодно. Люди спешили к выходу, тащили чемоданы, звонили родным, искали такси. Виктория спустилась с платформы и увидела Максима почти сразу. Он стоял чуть в стороне от потока пассажиров, в тёмном пальто и светлом шарфе, с руками в карманах. Волосы растрепал ветер, лицо выглядело серьёзнее обычного. Он заметил её, и выражение изменилось: напряжение исчезло, уступив место тихой улыбке, которую Максим не смог бы скрыть даже при желании.

Виктория почувствовала ответную реакцию слишком быстро.

Она шла к нему через толпу и думала о том, что всё происходящее выглядит совершенно обыденно. Руководитель регионального офиса встречает начальницу из головного подразделения. Берёт её чемодан. Спрашивает, хорошо ли она доехала. Открывает перед ней дверь машины. Ни один случайный наблюдатель не увидел бы ничего особенного.

Но Виктория замечала каждую деталь.

То, как взгляд Максима на секунду задержался на её лице. Как пальцы коснулись ручки чемодана одновременно с её пальцами. Как он сказал «доброе утро» чуть тише, чем требова-

лось. Как открыл дверь автомобиля и отступил, пропуская её вперёд, но остался достаточно близко, чтобы Виктория почувствовала знакомый запах его парфюма.

— Вы хорошо доехали? — спросил он, когда машина выехала с вокзальной площади.

— Спокойно.

— Успели поработать?

— Разумеется.

— Я почему-то не сомневался.

Максим сидел рядом на заднем сиденье. Между ними оставалось безопасное расстояние, но его присутствие ощущалось почти физически. Водитель смотрел на дорогу, за окном проплывали серые здания, рекламные вывески, небольшие кафе и остановки. Город выглядел чуть менее торопливым, чем тот, из которого приехала Виктория. Ничего романтического. Никаких красивых улиц, способных превратить командировку в приключение. Обычный деловой день в обычном региональном центре.

И всё же воздух в машине казался слишком плотным.

— Я подготовил график, — сказал Максим. — Сначала офис, потом встреча с командой. После обеда посмотрим показатели по новым клиентам. На вечер заказал столик в ресторане. Если вы не против.

— Деловой ужин?

Он повернул голову к ней.

— Вы предпочитаете называть его именно так?

Виктория посмотрела на водителя, затем снова на Максима.

— Пока да.

— Тогда деловой.

Он улыбнулся, но больше ничего не сказал.

Региональный офис располагался в новом бизнес-центре недалеко от реки. Просторный, светлый, чуть менее безликий, чем головное подразделение. На стенах висели фотографии города, возле окна стояли растения, в переговорной работала хорошая кофемашина. Команда Максима выглядела собранной и немного напряжённой, как всегда бывает, когда приезжает руководитель из центрального офиса. Виктория видела, что её ждали. Таблицы распечатаны, презентация подготовлена, люди заранее распределили роли и, вероятно, несколько раз обсудили, какие вопросы она задаст.

Она задавала другие.

Не для того, чтобы поймать сотрудников на ошибках. Просто привычно проверяла, понимают ли они собственные цифры и способны ли отвечать без заученных формулировок. В первые полчаса двое менеджеров заметно нервничали, затем разговор стал свободнее. Виктория быстро поняла, почему показатели росли. Максим не только умел вдохновлять людей, как однажды сказал ей в кабинете, но и действительно выстроил сильную систему. Он знал слабые места каждого направления, не перекладывал ответственность и не позволял команде прятаться за общими словами. При этом сотрудники не боялись его. Спорили. Уточняли. Возражали, если считали нужным.

Виктория наблюдала за ним профессионально.

По крайней мере, старалась.

Максим держался безупречно. Не допускал ни одного лишнего взгляда, ни одной интонации, которую можно было бы истолковать двусмысленно. Обращался к ней по имени и отчеству, внимательно слушал замечания, записывал поручения, вовремя переводил разговор к нужным вопросам. Никто из сотрудников не мог догадаться, что несколько дней назад он стоял с Викторией у панорамного окна в тёмной переговорной и целовал её так, словно весь остальной мир временно исчез.

Именно его сдержанность действовала сильнее любой откровенности.

Виктория ловила себя на том, что замечает движения рук, когда Максим листает документы. Линию плеч под рубашкой. То, как он закатывает рукава перед обсуждением сложных вопросов. Короткую складку между бровями, если цифры кажутся ему сомнительными. На работе Максим был другим: сосредоточенным, быстрым, уверенным. Не тем мужчиной, который вечером написал ей, что весь день вспоминает их поцелуи. И не тем, кто несколько лет молча наблюдал за ней издали, не позволяя себе ничего лишнего.

Возможно, именно сочетание этих двух версий Максима нравилось Виктории больше всего.

В обед они отправились в небольшое кафе рядом с бизнес-центром вместе с несколькими руководителями направлений. Разговор оставался рабочим, но стал менее формальным. Люди рассказывали о городе, спорили о новых маршрутах, жаловались на погоду. Максим сидел напротив Виктории и почти не смотрел на неё. Только один раз, когда остальные отвлеклись на телефонный звонок коллеги, их взгляды встретились.

Пауза длилась секунду.

Достаточно, чтобы Виктория вспомнила всё.

Она опустила глаза к чашке кофе и почувствовала, как внутри снова медленно разгорается ожидание.

После обеда работа продолжилась. Осмотр офиса, разговоры с сотрудниками, анализ клиентской базы, проверка прогнозов. Виктория не делала скидок ни Максиму, ни его команде. Напротив, задавала вопросы жёстче обычного, будто пыталась доказать самой себе, что личное не влияет на профессиональное. Максим выдерживал. Иногда улыбался, если замечание оказывалось особенно точным. Иногда спорил. Несколько раз Виктория ловила на себе его быстрый взгляд и понимала: он видит не только руководителя, проверяющего показатели. Видит женщину, которая приехала осознанно.

Около шести встречи закончились.

Сотрудники постепенно разошлись по рабочим местам. Кто-то собирался домой, кто-то дописывал отчёты. Максим проводил Викторию до небольшой переговорной, где она оставила вещи, и закрыл дверь.

Впервые за весь день они остались наедине.

Комната была светлой, почти слишком светлой после зимнего сумрака за окном. На столе стояли пустые чашки, лежали документы и блокнот Виктории. В стеклянной стене отражались офисные столы, за которыми ещё работали несколько человек. Никакой приватности. Никакой возможности приблизиться друг к другу без риска быть замеченными.

Максим остановился на расстоянии нескольких шагов.

— Вы устали? — спросил он.

— Немного.

— День был длинным.

— Для вашей команды тоже.

— Они переживут.

— Надеюсь.

Максим посмотрел на неё внимательно. В его лице появилось выражение, которого не было весь день: напряжение, едва удерживаемое под привычной уверенностью.

— Вы довольны проверкой?

— В целом да. Есть вопросы по двум направлениям, но показатели хорошие.

— Я имел в виду не только проверку.

Виктория знала, что этот момент наступит. Всё утро, весь день, каждый деловой разговор вёл к короткому вопросу, который оба откладывали до первой возможности остаться вдвоём.

Она закрыла блокнот.

— Максим.

— Я не тороплю, — сказал он тихо. — И не пытаюсь получить обещание. Просто хочу понимать, что не ошибся.

— В чём именно?

— В том, зачем вы остаетесь до утра.

Виктория подошла к столу и положила ладонь на папку с документами. За стеклом кто-то прошёл по коридору, потом остановился возле кофемашины. Здесь нельзя было говорить слишком откровенно. Но, возможно, именно поэтому разговор казался особенно напряжённым.

— У меня завтра поезд в половине девятого, — сказала она.

Максим слегка улыбнулся.

— Это я знаю.

— Значит, вы читали расписание.

— Несколько раз.

— Очень ответственно.

— Я сегодня вообще удивительно ответственный.

Виктория посмотрела на него.

— Вы хорошо держались.

— Мне казалось, я умру примерно к обеду.

Она не удержалась от улыбки.

— Не заметила.

— Значит, держался хорошо.

— Именно это я сказала.

Максим шагнул ближе, но остановился, сохраняя безопасное расстояние.

— Вика, — произнёс он тихо и почти сразу поправился: — Виктория.

Её имя прозвучало иначе без отчества. Слишком лично для офиса, слишком близко для стеклянной переговорной, где любой сотрудник мог увидеть их через стену.

— Что?

Он помолчал.

— Вечером я провожу вас до гостиницы. Дальше решите сами.

Виктория почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Вы всегда так осторожны?

— Только когда боюсь потерять то, чего ещё не успел получить.

Ответ оказался слишком честным. Максим не пытался выглядеть уверенным завоевателем. Не делал вид, будто заранее знает результат. В этом было что-то почти обезоруживающее. Виктория привыкла к мужчинам, которые скрывают уязвимость за комплиментами, напором или самоуверенностью. Максим оставлял решение ей, хотя ожидание давалось ему тяжело.

Она взяла папку.

— Тогда проводите.

Ресторан находился в старой части города, на втором этаже небольшого здания с высокими окнами. Внутри было тепло, негромко играла музыка, на столах горели маленькие лампы. Максим выбрал место в углу, достаточно уединённое для спокойного разговора, но не слишком интимное, чтобы деловой ужин выглядел неправдоподобно.

Первые полчаса они действительно обсуждали работу.

Максим рассказывал о планах команды, Виктория задавала вопросы, уточняла детали и делала пометки в телефоне. Разговор постепенно становился свободнее. Официант принёс вино, но Виктория ограничилась несколькими глотками. Ей хотелось сохранить ясность. Не оставлять себе даже возможности объяснить завтрашнее утро алкоголем, усталостью или атмосферой чужого города.

— Вы всегда так мало пьёте? — спросил Максим.

— Почти всегда.

— Даже когда собираетесь принимать неправильные решения?

Виктория подняла взгляд.

— А вы уверены, что решение неправильное?

— Я пытаюсь понять вашу точку зрения.

— Зачем?

Максим медленно покрутил бокал за ножку.

— Потому что моя точка зрения предельно необъективна.

— И в чём она заключается?

Он усмехнулся.

— В том, что вы могли приехать ещё неделю назад.

Виктория улыбнулась, хотя старалась сохранить серьёзность.

— Тогда у вас были бы проблемы с подготовкой.

— Я бы справился.

— Самоуверенность региональных руководителей иногда поражает.

— У меня хорошие показатели.

— Это не даёт права на всё.

— Я и не претендую на всё.

Сказано было спокойно, но между словами возникло напряжение, почти осязаемое. Максим смотрел на неё прямо, без привычной улыбки. Виктория почувствовала, как меняется воздух за столом. Достаточно было короткой паузы, чтобы разговор перестал быть светской игрой.

— На что вы претендуете? — спросила она.

Максим не ответил сразу.

— Сегодня? На честность.

— Это звучит опасно.

— Уже поздно делать вид, что всё безопасно.

Официант подошёл с блюдами, и разговор пришлось прервать. Несколько минут они обсуждали еду, вино, ресторан, город. Но напряжение не исчезло. Оно оставалось под каждым нейтральным словом, под каждым движением. Виктория замечала, как Максим иногда задерживает взгляд на её губах, как почти касается пальцами её руки, когда передаёт соль, и сразу отступает. Он не торопил. Не превращал вечер в заранее решённую сцену. И именно это заставляло Викторию думать о гостинице всё чаще.

После ужина они вышли на улицу.

Снег почти прекратился, но воздух оставался холодным. Тротуары блестели от влаги, фонари отражались в тёмном асфальте. Максим вызвал машину, хотя гостиница находилась всего в нескольких кварталах.

— Можно пройти пешком, — сказала Виктория.

— Вы не замёрзнете?

— Нет.

Он отменил заказ.

Они шли медленно. Город вокруг казался спокойным: редкие машины, закрывающиеся магазины, свет в окнах кафе, люди, торопящиеся домой. Никто не знал их. Никто не смотрел. Виктория чувствовала странную лёгкость от этой анонимности. В своём городе она слишком привыкла быть заметной: коллеги, партнёры, знакомые, сотрудники, случайные люди, способные узнать лицо. Здесь она могла идти рядом с Максимом без необходимости заранее продумывать объяснения.

Они не держались за руки.

Не касались друг друга.

Только шагали рядом, иногда слишком близко, и Виктория чувствовала тепло его плеча даже через пальто.

— Вы молчите, — сказал Максим.

— Думаю.

— Это тревожный знак?

— Зависит от того, чего вы ждёте.

Он остановился у перекрёстка, пока горел красный свет.

— Я не хочу ждать того, чего вы не собираетесь давать.

Виктория посмотрела на него.

Уличный фонарь освещал лицо Максима сбоку. Ветер слегка трепал волосы, шарф сдвинулся, открывая ворот рубашки. Он выглядел усталым после длинного дня, но напряжение делало взгляд особенно живым.

— Вы всегда настолько правильный? — спросила она.

— Нет.

— Неожиданно.

— Я пытаюсь быть правильным только с вами.

— Почему?

Максим усмехнулся без веселья.

— Потому что иначе вы уйдёте.

Свет сменился на зелёный, но Виктория не двинулась сразу. За спиной прошла молодая пара, кто-то торопливо обогнул их, машина нетерпеливо посигналила на повороте. Мир продолжал двигаться, не замечая их короткой остановки.

— Я уже приехала, — сказала Виктория.

Максим посмотрел на неё так, будто не был уверен, правильно ли услышал.

— Вика...

— И это не ошибка.

Он закрыл глаза на секунду. Почти незаметно. Потом выдохнул и кивнул.

— Хорошо.

Они продолжили идти.

Гостиница располагалась в современном здании возле небольшой площади. Стекло-бетонные двери, светлый холл, стойка регистрации, несколько кресел возле окна. Всё было безличным и спокойным. Виктория вдруг почувствовала, насколько окончательным становится каждый следующий шаг. До этого момента существовали варианты. Можно было закончить вечер у входа, поблагодарить Максима за сопровождение, подняться в номер одной и завтра уехать, сохранив память о ресторане, прогулке и ожидании. Даже поцелуи в переговорной можно было оставить отдельной вспышкой.

Теперь расстояние до лифта составляло несколько метров.

Виктория подошла к стойке, назвала фамилию и получила ключ-карту. Максим стоял чуть в стороне с её чемоданом. Администратор улыбнулась, сообщила время завтрака и объяснила, где находится ресторан. Всё происходило буднично. Никакой музыки. Никакой театральности. Только светлый холл и тихий шум кофемашины возле бара.

Виктория взяла карту.

Максим подошёл ближе и протянул ручку чемодана.

— Я провожу до лифта, — сказал он.

Она посмотрела на него.

— Только до лифта?

Он ответил не сразу.

— Это зависит от вас.

Они вошли в кабину. Двери закрылись мягко, почти бесшумно. Виктория нажала кнопку восьмого этажа. Лифт тронулся. Несколько секунд они стояли рядом в зеркальном пространстве, отражаясь сразу в нескольких поверхностях. Виктория видела себя: спокойное лицо, чуть растрепавшиеся от ветра волосы, пальто, расстёгнутое у горла. Максима — напряжённого, молчаливого, слишком внимательного к каждому её движению.

Лифт казался медленным.

На четвёртом этаже кабина остановилась. Двери открылись, вошли двое мужчин с конференционными бейджами, продолжая обсуждать что-то деловое. Виктория отступила чуть ближе к стене. Максим оказался рядом. Его рука лежала на ручке чемодана, почти касаясь её пальцев. Никакого прикосновения, но Виктория чувствовала тепло через несколько сантиметров воздуха.

Мужчины вышли на шестом.

Двери закрылись снова.

Тишина стала почти оглушающей.

Максим повернул голову к Виктории.

— Всё ещё можно остановиться, — сказал он.

Она посмотрела на отражение в зеркале.

— Вы хотите?

— Нет.

— Тогда перестаньте напоминать.

Двери открылись на восьмом этаже.

Коридор был пуст. Мягкий ковёр глушил шаги, на стенах висели безликие фотографии города, лампы давали тёплый рассеянный свет. Виктория шла первой, считывая номера дверей. Сердце билось быстрее, но движения оставались спокойными. Она не торопилась. Не потому, что сомневалась. Скорее хотела запомнить путь, каждую секунду ожидания, каждое ощущение.

Номер оказался в конце коридора.

Виктория приложила карту к замку. Зажёгся зелёный огонёк. Дверь открылась.

Она вошла внутрь, включила свет и отступила, пропуская Максима. Он поставил чемодан у стены и остановился.

Номер выглядел так, как выглядят почти все хорошие гостиничные номера: большая кровать, два кресла возле окна, небольшой стол, плотные шторы, лампы с тёплым светом, аккумуляторная ванная за матовой дверью. На тумбочке стояла бутылка воды, рядом лежал блокнот с логотипом гостиницы. Ничего личного. Ничего, что могло бы напомнить о доме, работе или привычной жизни.

Максим снял пальто, положил на спинку кресла и повернулся к Виктории.

Она всё ещё стояла у двери.

Несколько секунд никто не говорил.

После всех сообщений, взглядов, коротких реплик и долгого ожидания реальность оказалась почти пугающе простой. Достаточно было закрыть дверь. Достаточно было остаться. Достаточно было перестать быть людьми, которые всё время обсуждают возможность, и позволить возможности стать выбором.

— Виктория, — сказал Максим тихо. — Я хочу спросить ещё раз. Последний.

Она прислонилась спиной к двери.

— Спрашивайте.

— Вы уверены?

Его голос звучал ровно, но Виктория слышала напряжение. Максим стоял в нескольких шагах, не приближаясь. Не пытался коснуться её первым. Не превращал приглашение в обязательство. Оставлял путь к отступлению открытым даже теперь, когда они находились вдвоём в номере и оба понимали, зачем пришли.

Виктория смотрела на него и чувствовала, как внутри медленно исчезает остаток страха. — Ошибки бывают случайными, — сказала она. — Я приехала осознанно.

Максим выдохнул.

Всего одно движение. Почти незаметное. Но в нём было столько сдерживаемого желания, что Виктория почувствовала жар ещё до прикосновения.

Он подошёл медленно. Остановился совсем близко, не касаясь. Несколько секунд смотрел ей в глаза, будто всё ещё не верил, что имеет право находиться здесь. Виктория подняла руку и провела пальцами по его щеке. Щетина слегка царапнула кожу. Простое ощущение, неожиданно острое.

— Вы слишком долго думаете, — прошептала она.

Максим улыбнулся едва заметно.

— Я три года ждал. Несколько секунд уже ничего не изменят.

— Не уверена.

Он наклонился и поцеловал её.

Первое прикосновение оказалось мягким, почти осторожным. Не таким, как в переговорной, где напряжение прорвалось сразу и оба боялись, что времени не хватит. Здесь никто не мог войти случайно. За дверью не проходили коллеги. Не звучала приглушённая музыка корпоративного вечера. Не требовалось каждую секунду прислушиваться к шагам в коридоре. В номере существовали только они двое и тишина, в которой слышалось дыхание.

Виктория ответила не сразу.

Позволила себе почувствовать поцелуй медленно, без спешки. Руку Максима на талии. Тепло его ладони сквозь ткань блузки. Короткую паузу, когда он отстранился на сантиметр, будто спрашивал без слов, можно ли продолжать. Она сама притянула его ближе.

После этого осторожность изменила форму.

Максим целовал её глубже, настойчивее, но всё ещё внимательно, словно не хотел пропустить ни одного движения, ни одного ответа. Его ладони скользнули по спине, задержались у талии, затем поднялись к плечам. Виктория почувствовала, как расстёгивается пальто. Максим снял его медленно, не отрывая взгляда от её лица, и повесил рядом со своим. Этот почти бытовой жест почему-то подействовал сильнее, чем мог бы подействовать торопливый напор. Он не бросал её вещи на пол. Не превращал происходящее в сцену, которую нужно прожить быстрее, пока не вернулся здравый смысл.

Он будто знал: здравый смысл никуда не исчезнет.

Просто сегодня не будет главным.

Виктория осталась в блузке и брюках, и Максим смотрел на неё так, словно видел впервые. Не оценивая, не сравнивая, не пытаясь скрыть восторг. Ей стало почти неловко. В последние годы Сергей смотрел иначе: привычно, спокойно, как человек, давно знающий каждую деталь и больше не ожидающий открытий. Виктория привыкла к собственному телу. Знала его сильные стороны и изменения, которые неизбежно приходят с возрастом. Умела подобрать одежду, выбрать правильный свет, скрыть усталость. Но давно не ощущала себя женщиной, которую рассматривают с настоящим желанием.

— Что? — спросила она тихо.

Максим улыбнулся.

— Ничего.

— Вы слишком внимательно смотрите.

— Я ждал возможности.

— Теперь получили.

— Именно поэтому не хочу торопиться.

Виктория почувствовала, как внутри снова поднимается жар. Не от слов самих по себе. От интонации. От того, что Максим действительно не торопился. Его пальцы коснулись перламутровой пуговицы у воротника, остановились.

— Можно? — спросил он.

Она кивнула.

Максим расстегнул первую пуговицу. Потом вторую. Медленно, не сводя глаз с её лица. Виктория ощущала каждое движение почти слишком остро. Простая процедура, которую она проделывала сама сотни раз перед сном или утром, теперь превращалась в отдельное событие. Блузка постепенно раскрывалась, обнажая кожу. Максим коснулся губами её ключицы. Легко. Почти невесомо.

Виктория закрыла глаза.

Память попыталась вернуть образ Сергея. Их спальню. Утренний завтрак. Его руку поверх руки Элины. Но воспоминание не удержалось. Растворилось, не успев стать настоящей мыслью. Максим снова поцеловал её шею, чуть ниже, и Виктория впервые за всё время перестала анализировать происходящее.

Она просто чувствовала.

Тепло его рук. Мягкость губ. Тонкую ткань блузки, медленно соскальзывающую с плеч. Собственное дыхание, становящееся глубже. Тишину номера, в которой каждый короткий звук казался слишком откровенным. Свет лампы, отражающийся в окне. Чужой город за стеклом, равнодушный к её решениям.

Максим остановился, когда блузка оказалась расстёгнутой почти полностью.

— Вы красивая, — сказал он.

Виктория открыла глаза.

Комплимент был простым. Почти банальным. Она слышала подобное раньше, от Сергея, от мужчин на деловых мероприятиях, от людей, желающих понравиться или получить преимущество. Обычно слова проходили мимо. Виктория знала, как выглядит. Не нуждалась в подтверждении.

Но сейчас не смогла отмахнуться.

— Вы давно решили это сказать? — спросила она, пытаясь сохранить лёгкость.

— Нет. Давно решил, что вы красивая. Сказать боялся.

— Почему?

— Потому что вы умеете смотреть так, что человек сразу вспоминает обо всех своих ошибках.

Она тихо рассмеялась.

— И сейчас?

— Сейчас я готов рискнуть.

Максим снова поцеловал её. На этот раз Виктория сама обняла его за шею и прижалась ближе. Его руки скользнули по талии, по спине, задержались там, где ткань уже не скрывала кожу. Прикосновения оставались осторожными, но в этой осторожности чувствовалось напряжение, которое он едва удерживал. Именно это возбуждало сильнее всего: знание, что Максим способен быть настойчивее, но сознательно не торопится.

Виктория провела ладонями по его плечам, расстегнула верхние пуговицы рубашки. Пальцы дрогнули. Не от страха. От странной новизны. Она почти забыла, что может сама исследовать мужское тело не по привычке, а с любопытством. Чувствовать тепло кожи, напряжение мышц, движение дыхания. Максим замер, позволяя ей выбирать темп. Его взгляд стал темнее, но он не пытался ускорить её.

— Вы всё ещё пытаетесь быть правильным? — спросила Виктория.

— Из последних сил.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы завтра вы решили, будто я воспользовался тем, что у вас сложный период.

Фраза могла бы вернуть Сергея в комнату. Напомнить, откуда всё началось. Но этого не произошло. Виктория вдруг поняла, что не хочет обсуждать мужа. Не хочет объяснять Максиму, что видела в ресторане. Не хочет превращать ночь в месть или компенсацию. Сергей уже получил слишком много места в её жизни. Не стоило впускать его ещё и сюда.

— Сегодня нет сложного периода, — сказала она. — Сегодня есть только то, чего я хочу. Максим смотрел на неё несколько секунд.

— И чего вы хотите?

Виктория подняла глаза.

Когда-то вопрос показался бы ей слишком прямым. Почти неудобным. Она привыкла к тому, что желания угадываются, остаются полутонами, прячутся за общей близостью и многолетней привычкой. Произносить их вслух казалось чем-то излишним. Но теперь Виктория почувствовала, насколько важно ответить.

Не для Максима.

Для себя.

— Вас, — сказала она.

Он закрыл глаза на секунду, будто слово оказалось сильнее прикосновения.

Потом поцеловал её так, что Виктория перестала думать окончательно.

Они медленно отошли от двери. Максим двигался осторожно, словно боялся разрушить хрупкое равновесие между желанием и доверием. Виктория почувствовала край кровати за коленями и села, не отрываясь от его губ. Он опустился рядом, провёл ладонью по её волосам, по щеке, снова коснулся шеи. Каждое прикосновение оставалось внимательным, почти благодарным. Не требованием. Не присвоением.

Виктория не ожидала, что именно это окажется главным.

Она хотела почувствовать себя желанной. Хотела увидеть реакцию мужчины, который смотрел на неё три года. Хотела доказать себе, что тело не исчезло под деловыми костюмами, расписанием встреч и привычкой быть разумной. Но теперь происходило нечто большее. Максим не просто желал её. Он видел. Замечал каждую перемену в дыхании, каждую короткую дрожь, каждую секунду сомнения и каждое движение навстречу. Виктория не помнила, когда в последний раз кто-то был настолько внимателен к ней.

Возможно, никогда.

Она сама сняла блузку и положила на кресло рядом с кроватью. Движение получилось спокойным, почти будничным, но после него воздух изменился. Максим смотрел, не пытаясь скрывать восторг. Виктория почувствовала привычный импульс прикрыться, поправить ткань, отступить в безопасную позу. Ей было сорок четыре. Тело давно перестало быть безусловно юным, каким было в двадцать пять. В нём появились следы времени, небольшие изменения, заметные прежде всего ей самой. Она знала каждую линию, к которой относилась строже, чем следовало.

Максим коснулся её плеча.

— Не прячьтесь, — сказал он тихо.

Без отчества.

Без дистанции.

Виктория посмотрела на него.

— Я не прячусь.

— Иногда прячетесь.

— Вы слишком наблюдательны.

— Только с вами.

Его ладонь медленно скользнула по плечу вниз, и Виктория почувствовала, как исчезает неловкость. Не сразу. Не полностью. Но достаточно, чтобы она перестала думать о зеркалах, возрасте и том, как выглядит при определённом свете. Максим целовал её медленно, будто у них впереди было сколько угодно времени. И Виктория впервые позволила себе поверить, что не обязана торопиться, контролировать впечатление или заранее оценивать каждое движение.

Она коснулась его рубашки.

— Снимите.

Максим улыбнулся.

— Приказ?

— Рекомендация.

— Мне нравится ваша манера давать рекомендации.

Он расстегнул пуговицы, снял рубашку и отбросил на кресло. Виктория провела пальцами по его груди, по плечам, по рукам, будто проверяя реальность происходящего. Максим был тёплым, живым, немного напряжённым. Не идеальной картинкой, не фантазией, а мужчиной рядом с ней. Она почувствовала, как он задерживает дыхание под её прикосновением, и это знание придало уверенности.

Долгое время Виктория считала, что власть в отношениях означает контроль. Умение не показывать лишнего, не просить, не зависеть, не позволять другому человеку решать, достаточно ли ты хороша. Теперь она вдруг поняла, что существует и другая власть: возможность открыто хотеть, не стыдясь желания. Возможность самой приблизиться, самой выбрать, самой остановить или продолжить.

Она выбрала продолжить.

Максим притянул её ближе. Поцелуи становились горячее, но не теряли внимательности. Виктория почувствовала, как растворяется привычная собранность. Волосы рассыпались по плечам, дыхание сбивалось, движения становились менее осторожными. Она больше не думала о том, насколько правильно сидит, как выглядит со стороны и достаточно ли тихо отвечает. Номер постепенно сужался до тепла, прикосновений и ощущения, будто тело просыпается после долгого сна.

В какой-то момент Максим остановился.

— Вика, — произнёс он тихо. — Если нужно остановиться, скажите.

Она смотрела на него, всё ещё пытаясь вернуть дыхание.

— Вам хочется остановиться?

— Нет.

— Тогда почему вы снова спрашиваете?

— Потому что сейчас уже не хочу ошибиться ни в чём.

Виктория коснулась его лица.

— Я скажу, если захочу остановиться.

Максим кивнул.

Больше он не спрашивал.

Время потеряло форму. Позднее Виктория не смогла бы восстановить точную последовательность движений. Только отдельные ощущения: мягкость простыней, свет ночного города, пробивающийся сквозь незадёрнутые шторы, горячие ладони Максима, прохладный воздух на коже, собственный голос, звучащий непривычно тихо и открыто. Она не старалась быть сдержанной. Не пыталась превратить близость в красивую сцену, которую можно рассматривать со стороны. Просто позволяла происходящему быть настоящим.

Виктория ожидала, что в какой-то момент вернётся мысль о Сергее.

Она не вернулась.

Ни в начале, когда Максим медленно целовал её плечи и шею, будто хотел запомнить каждую линию. Ни позже, когда осторожность уступила место более глубокому, почти отча-

янному желанию. Ни тогда, когда Виктория закрыла глаза и впервые за много лет позволила себе полностью раствориться в ощущениях, не оценивая, не сравнивая и не контролируя.

Сергей остался за пределами номера.

Не вытесненный усилием. Не побеждённый другим мужчиной. Просто неважный.

Это оказалось самым сильным освобождением.

После они долго лежали молча.

Максим устроился рядом, не пытаясь сразу заговорить, и осторожно провёл ладонью по её плечу. Виктория смотрела в потолок и чувствовала спокойствие, которого не ожидала. Не эйфорию. Не восторг от запретного поступка. Не вину. Только удивительную лёгкость, словно внутри исчезла тяжесть, которую она носила столько лет, что перестала замечать.

За окном горели огни. Город жил своей жизнью. Где-то ехали машины, закрывались рестораны, люди возвращались домой. В гостиничном коридоре прошли чьи-то шаги, затем стихли. В номере было тепло.

— О чём вы думаете? — спросил Максим.

Виктория повернула голову.

— Вы всё ещё обращаетесь ко мне на «вы»?

Он улыбнулся.

— Профессиональная деформация.

— Странно слышать это сейчас.

— Я могу перейти на «ты».

— Можете.

Максим помолчал, будто слово требовало отдельного разрешения.

— О чём ты думаешь?

Виктория закрыла глаза на секунду.

Вопрос был простым, но ответ оказался сложнее, чем она ожидала. Она думала о том, что не чувствует вины. О том, что впервые за много лет не анализирует себя со стороны. О том, что рядом лежит мужчина младше неё, красивый, внимательный, давно желавший её, и это не кажется нелепым или случайным. О том, как легко Сергей исчез из её сознания, едва она позволила себе перестать быть его женой хотя бы на несколько часов.

— Ни о чём, — сказала Виктория.

Максим усмехнулся.

— Не верю.

— Обычно я думаю слишком много. Сейчас хочу отдохнуть.

— Тогда не буду мешать.

Он действительно замолчал.

Виктория повернулась на бок, лицом к нему. В мягком свете лампы Максим выглядел иначе, чем в офисе: волосы растрёпаны, взгляд спокойнее, на лице появилась почти мальчишеская улыбка, которую он пытался скрыть.

— Что? — спросила Виктория.

— Ничего.

— Вы улыбаетесь.

— Теперь уже ты.

— Не уходите от ответа.

Максим провёл пальцами по её руке.

— Я всё ещё не уверен, что это происходит на самом деле.

— Происходит.

— Я заметил.

— Тогда почему сомневаетесь?

Он посмотрел на неё серьёзнее.

— Потому что слишком долго считал тебя недоступной.

Виктория почувствовала короткую неловкость и одновременно тепло.

— И что изменилось?

— Ты разрешила приблизиться.

Ответ прозвучал не как победа. Не как хвастовство мужчины, получившего желаемое. В нём была благодарность, почти удивление. Виктория не знала, что с этим делать. Она привыкла к более простым отношениям: люди хотят друг от друга конкретных вещей, договариваются, получают или не получают, делают выводы. Максим существовал опаснее. Он слишком много чувствовал и не особенно умел это скрывать, хотя в офисе держался безупречно.

— Не превращайте одну ночь в событие вселенского масштаба, — сказала она мягко.

Максим чуть улыбнулся.

— Уже поздно.

— Максим.

— Хорошо. Не буду.

Он произнёс это легко, но Виктория услышала, что не поверил собственным словам.

Она должна была насторожиться.

Вместо этого приблизилась и поцеловала его сама.

Вторая близость оказалась другой. Не такой осторожной, как первая. Не наполненной вопросами и паузами. Виктория уже знала, что имеет право хотеть, а Максим перестал бояться, что одно лишнее движение заставит её отступить. Всё стало свободнее, смелее, почти веселее. Виктория неожиданно рассмеялась, когда он сказал что-то тихое у её виска, и Максим тоже улыбнулся. В этой лёгкости не было ничего от мести, унижения или попытки доказать собственную привлекательность. Только удовольствие от близости, от чужого тела рядом, от того, что ночь принадлежит им и не требует объяснений.

Позже Виктория лежала, положив голову ему на плечо, и слушала ровное дыхание. Максим уснул быстрее, чем она ожидала. Возможно, устал после длинного дня. Возможно, напряжение последних дней наконец отпустило. Его ладонь всё ещё лежала у неё на талии, словно даже во сне он боялся, что Виктория исчезнет.

Она осторожно высвободилась и встала.

На полу лежала одежда, на кресле — блузка и пальто, у стены стоял закрытый чемодан. Виктория нашла ночную рубашку, надела её и подошла к окну. Шторы оставались открытыми. С высоты восьмого этажа город выглядел тихим и почти чужим. Несколько машин двигались по мокрой улице, в окнах соседнего здания горел свет, на площади у гостиницы стояли такси.

Телефон лежал на тумбочке.

На экране было сообщение от Сергея.

«Как доехала? Всё нормально?»

Отправлено несколько часов назад.

Виктория смотрела на короткую строку и пыталась понять, что чувствует. Совсем недавно подобное сообщение могло бы заставить её улыбнуться. Небольшой знак внимания, подтверждение, что муж помнит о ней среди собственных дел. Теперь она видела только запоздалую вежливость. Возможно, Сергей написал между встречами. Возможно, перед ужином с Элиной. Возможно, уже лёжа рядом с ней в гостиничном номере или в собственной постели дома.

Виктория набрала:

«Доехала хорошо. Работаем. Завтра вернусь утром».

Отправила и положила телефон обратно.

Никакой дрожи.

Никакого страха.

Никакого желания проверить, когда Сергей прочитает сообщение.

Она повернулась к кровати. Максим спал, раскинувшись на одной половине, и выглядел совершенно спокойно. Виктория стояла у окна и впервые ясно поняла: сегодняшняя ночь не была ответом мужу. Не была актом мести. Не была попыткой уравнять счёт, хотя именно измена Сергея открыла дверь.

Она сделала это для себя.

Потому что хотела.

Осознанно.

Виктория вернулась в кровать. Максим проснулся от движения, открыл глаза и сразу притянул её ближе.

— Ты куда уходила? — спросил сонно.

— К окну.

— Зачем?

— Посмотреть на город.

— И как?

Виктория устроилась удобнее, чувствуя его тепло.

— Обычный город.

— Разочарован.

— Почему?

— Надеюсь, ты скажешь что-нибудь романтическое.

— Я не умею говорить романтические вещи.

— Научишься.

— Самоуверенно.

— Региональные руководители такие.

Она тихо рассмеялась.

Максим поцеловал её в висок и снова закрыл глаза. Через несколько минут дыхание стало ровным. Виктория лежала рядом, слушала тишину и чувствовала удивительное спокойствие.

Утром она проснулась раньше него.

За окном едва светало. В номере было тихо и прохладно, шторы так и остались открытыми, на стекле отражалась кровать и два человека, лежащие рядом. Максим спал, повернувшись к Виктории, ладонь оставалась на её бедре поверх одеяла. Лицо во сне выглядело моложе, мягче, почти беззащитно.

Виктория смотрела на него несколько секунд.

Вчерашняя ночь никуда не исчезла. Не превратилась в сон, ошибку или красивую фантазию. Тело помнило каждое прикосновение, каждая мышца отзывалась лёгкой усталостью, на коже оставались едва заметные следы. Но утро не принесло сожаления.

Только ясность.

Она осторожно выбралась из кровати, взяла халат и ушла в ванную. Горячая вода зашумела, зеркало запотело. Виктория стояла под душем и снова ждала привычного внутреннего суда. Голоса, который начнёт перечислять причины для стыда, напомнит о возрасте, браке, должности, возможных последствиях. Но голос не появился.

Виктория вытерлась полотенцем, посмотрела на отражение и увидела женщину, которая выглядела немного уставшей, но живой. Волосы растрепались, на губах оставалась едва заметная улыбка, взгляд стал мягче. Она не казалась себе ни преступницей, ни жертвой, ни героиней дешёвого романа о позднем безрассудстве.

Она просто перестала быть невидимой для самой себя.

Когда Виктория вышла из ванной, Максим уже проснулся. Сидел на кровати, взъерошенный, сонный, и смотрел на неё с выражением человека, который всё ещё не привык к реальности.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

— Я боялся, что ты уйдёшь, пока я сплю.

— Куда?

— Не знаю. В свою взрослую разумную жизнь.

Виктория подошла ближе и остановилась перед ним.

— Она никуда не исчезла.

— Жаль.

— Почему?

Максим взял её за руку.

— Потому что в ней для меня слишком мало места.

Слова прозвучали легко, почти как шутка, но Виктория почувствовала скрытую серьёзность. Она не хотела обсуждать будущее. Не сегодня утром. Не после первой ночи. Ещё слишком многое оставалось неопределённым: Сергей, развод, работа, границы, которые нужно будет установить, и надежды Максима, которые нельзя поддерживать бездумно.

Но отнимать у себя это утро тоже не хотела.

— У меня поезд в половине девятого, — сказала Виктория.

— Я помню.

— И встреча в одиннадцать.

— Я знаю.

— Значит, кофе и завтрак.

— Как скажешь.

Максим поднялся и притянул её ближе.

— Только сначала ещё одна минута.

Виктория улыбнулась.

— У вас проблемы с дисциплиной, Максим Орлов.

— Только в одной конкретной области.

Она вспомнила их переписку и тихо рассмеялась. Максим поцеловал её медленно, без спешки, без вчерашнего напряжения, и Виктория позволила минуте стать длиннее, чем собиралась.

Позже они позавтракали в ресторане гостиницы.

Вокруг сидели деловые люди, туристы, семьи с детьми. Кто-то торопливо допивал кофе, кто-то обсуждал планы на день, официанты приносили тарелки и убирали посуду. Виктория и Максим выглядели как двое коллег после рабочей поездки. Разговаривали о встречах, обсуждали показатели, несколько раз возвращались к вопросам, которые не успели закрыть вчера.

Никто не мог догадаться, что несколько часов назад они лежали рядом в номере этажом выше и Виктория впервые за много лет позволила себе забыть обо всём, кроме собственного желания.

Максим проводил её до вокзала.

На платформе было холодно, поезд уже стоял у перрона, пассажиры проходили внутрь. Виктория держала ручку чемодана, Максим стоял напротив. Между ними снова возникла осторожная дистанция. Здесь нельзя было обнять друг друга слишком явно. Нельзя поцеловать. Нельзя произнести слова, которые потребуют обещаний.

— Напишешь, когда доедешь? — спросил Максим.

Виктория посмотрела на него.

Точно такую же просьбу вчера произнёс Сергей.

Но сейчас она звучала иначе.

Не как вежливая галочка в семейном разговоре. Максим действительно будет ждать.

— Напишу.

— Хорошо.

Он хотел сказать что-то ещё, но остановился. Виктория увидела это по выражению лица.
— Что?

Максим улыбнулся.

— Ничего. Пытаюсь не превращать одну ночь в событие вселенского масштаба.

Она тоже улыбнулась.

— Правильно.

— Получается плохо.

— Придётся потренироваться.

— Я готов.

Объявили посадку.

Виктория взялась за чемодан, но Максим задержал её руку на секунду. Лёгкое прикосновение, почти незаметное для окружающих. Потом отпустил.

— До встречи, Виктория.

— До встречи, Максим.

Она вошла в вагон, нашла место у окна и сняла пальто. Поезд тронулся через несколько минут. Платформа медленно поплыла назад, Максим остался стоять возле здания вокзала, пока его фигура не исчезла за стеклом.

Виктория открыла ноутбук, но не включила.

За окном тянулись дома, затем промышленные окраины, пустые поля и редкие станции. Телефон лежал на столике. Через десять минут пришло сообщение.

Максим: «Я уже скучаю. Понимаю, что звучит глупо».

Виктория долго смотрела на экран.

Ей следовало ответить осторожно. Напомнить, что они увидятся на работе. Установить дистанцию. Не позволять мужчине слишком быстро превращать ночь в нечто большее. Всё это было разумно.

Она набрала:

«Звучит».

Пауза.

«Но мне приятно».

Максим ответил почти мгновенно.

«Тогда буду иногда звучать глупо».

Виктория улыбнулась и убрала телефон.

Через несколько часов она вернётся домой. Сергей, возможно, будет в офисе. Возможно, вечером расскажет о подготовке к поездке в Сочи. Возможно, снова предложит провести выходные вместе после возвращения. Виктория выслушает, задаст несколько вопросов и не станет устраивать сцену.

Но теперь всё изменилось.

Не потому, что она сравняла счёт.

Не потому, что получила доказательство собственной привлекательности.

Просто в гостиничном номере чужого города Виктория впервые за много лет позволила себе быть не руководителем, не хорошей женой и не взрослой разумной женщиной, обязанной всегда понимать последствия.

Она позволила себе быть желанной.

И обнаружила, что этого права больше никому не отдаст.

Глава 5. Правило второе: не повторять мужчин слишком часто

Виктория вернулась в город к одиннадцати и успела в офис раньше, чем обещала помощнице. Поезд пришёл без задержки, такси быстро выбралось с вокзальной площади, а небольшой чемодан она попросила оставить в машине до вечера, чтобы не объяснять никому очевидное: руководитель отдела продаж провела ночь в командировке и привезла с собой ровно столько вещей, сколько требуется взрослому человеку для одного рабочего дня. Ничего подозрительного в этом не было. Никаких оснований для разговоров. Но Виктория вдруг обнаружила, что воспринимает привычное пространство иначе, будто за ночь изменился не только её внутренний порядок, но и освещение в коридорах, звук шагов, выражения лиц людей, встречающихся у лифта.

Утро в гостинице осталось далеко, в другом городе, хотя тело помнило его с неприятной для делового дня ясностью. Оно отзывалось на случайные движения, на прикосновение ткани к коже, на короткое воспоминание о руке Максима, лежащей поверх одеяла, когда Виктория проснулась рядом с ним. Она не чувствовала усталости в обычном смысле. Скорее была слишком живой, слишком внимательной к собственному телу, которое прежде умело незаметно существовать внутри строгого костюма и не требовало отдельного места в сознании. Сегодня оно словно отказывалось снова становиться частью рабочей униформы.

Виктория вошла в холл, поздоровалась с охранником и остановилась возле лифта. В зеркальной стене отражалась женщина в сером пальто, тёмно-зелёной блузке и брюках, которые почти не помялись за время дороги. Волосы собраны аккуратно, макияж спокойный, лицо чуть уставшее, но не настолько, чтобы кто-то задал лишний вопрос. Только взгляд выдавал перемену. Виктория не могла точно определить, в чём она заключалась. Возможно, в лёгкой мягкости, которой раньше не было. Возможно, в том, что теперь она смотрела на собственное отражение не оценивая, не выискивая признаки недосыпа и возраста, а почти с любопытством.

Лифт приехал. Внутри уже стояли двое сотрудников маркетингового отдела и молодой мужчина из логистики, которого Виктория знала по имени, но редко встречала лично. Все трое поздоровались, чуть выпрямились, когда она вошла, и снова замолчали. Раньше Виктория воспринимала подобную реакцию как обычную рабочую дисциплину. Сегодня заметила, что мужчина из логистики бросил на неё быстрый взгляд, затем отвёл глаза и почти сразу посмотрел снова, уже осторожнее.

Она вышла на своём этаже и неожиданно улыбнулась.

Не ему. Не себе. Просто самой мысли о том, сколько лет провела среди мужчин, не замечая, что многие из них способны видеть в ней не только должность и подпись под итоговым решением.

Помощница встретила Victорию возле кабинета с кофе и несколькими листами, которые требовали внимания до обеда.

— Вы рано, Виктория Андреевна. Я думала, поезд придёт позже.

— Всё прошло быстрее, чем ожидалось.

Фраза прозвучала двусмысленно только для неё самой. Помощница ничего не заметила, открыла планшет и начала перечислять встречи: в двенадцать короткий созвон с регионами, в час обсуждение бюджета с финансовым отделом, в три юридическая встреча по новому договору с крупным клиентом, ближе к вечеру — совещание по итогам недели. Виктория слушала, просматривая документы, и чувствовала, как привычный ритм постепенно возвращает равновесие.

— Максим Андреевич прислал уточнённые показатели по региону, — сказала помощница. — И просил передать, что готов подключиться к созвону, если потребуется.

Виктория подняла глаза.

— Когда просил?

— Утром. Кажется, около десяти.

— Он прислал всё в почту?

— Да. Я уже добавила материалы к совещанию.

— Хорошо.

Она вошла в кабинет, закрыла дверь и положила телефон на стол. Экран оставался тёмным. Максим написал утром ещё дважды: сначала, когда она доехала, потом через полчаса, почти нейтрально, без намёков: «Удачного дня. Постараюсь не мешать работать». Виктория ответила коротко и действительно рассчитывала, что на этом переписка закончится хотя бы до вечера.

Но теперь поняла: Максим нашёл другой способ присутствовать рядом.

Уточнённые показатели были подготовлены аккуратно. Возможно, даже слишком аккуратно для нескольких часов, прошедших с момента её отъезда. К таблицам прилагались комментарии, краткий прогноз, перечень вопросов для обсуждения и отдельная записка по клиентам, которых следовало подключить в следующем месяце. Ничего лишнего. Никакой фамильярности. Только профессиональная работа руководителя подразделения, заинтересованного в том, чтобы центральный офис видел его усилия.

Виктория читала и чувствовала странное тепло.

Она слишком хорошо понимала механизм. Максим не мог написать ей ещё одно личное сообщение, не рискуя показаться навязчивым. Не мог спросить, думает ли она о ночи в гостинице так же часто, как он. Не мог приехать следом только ради нескольких минут рядом. Поэтому работал. Превращал желание в документы, прогнозы и новые поводы для разговора. Возможно, сам не замечал этого. Возможно, замечал слишком хорошо.

Телефон завибрировал.

Максим: «Доехала?»

Виктория посмотрела на часы. Одиннадцать двадцать семь.

«Да. Уже в офисе».

Ответ появился почти мгновенно.

«Я знал, что ты не позволишь себе отдохнуть».

«У меня встречи».

«Я тоже пытаюсь работать».

«Не получается?»

Три точки возникли на экране, исчезли и появились снова.

«Показатели растут. Но это единственное доказательство моей работоспособности».

Виктория улыбнулась.

«Тогда сосредоточьтесь на показателях, Максим Андреевич».

Он ответил после короткой паузы:

«Вот теперь я окончательно понял, что командировка закончилась».

Она могла не продолжать. Должна была не продолжать. Но пальцы сами набрали:

«А вы рассчитывали, что она будет длиться вечно?»

Максим: «Хотя бы ещё один день».

Виктория отложила телефон.

Ответить на это было нечего. Точнее, ответов существовало слишком много, и ни один не следовало отправлять в рабочее время. Она открыла почту, просмотрела несколько писем и заставила себя вернуться к цифрам. В двенадцать начался созвон с регионами. Максим подключился одним из первых.

На экране он выглядел собранно: светлая рубашка, тёмный пиджак, офисная стена за спиной, на которой висела фотография города. Никаких признаков недосыпа, кроме лёгкой тени под глазами, заметной только человеку, рассматривающему слишком внимательно. Виктория старалась не рассматривать. Обращалась к нему по имени и отчеству, задавала вопросы тем же тоном, каким говорила с остальными руководителями, несколько раз перебила, когда ответы становились слишком длинными, и один раз попросила уточнить цифры.

Максим держался безупречно.

Только в самом конце, когда остальные уже начали отключаться от звонка, их взгляды встретились через экран. Невозможная, почти абсурдная близость: несколько сотен километров, стекло монитора, рабочая программа, официальные подписи под именами. И всё же Виктория увидела, как меняется его выражение лица. Незаметно для остальных. Только короткая мягкость во взгляде, которой не должно было быть на совещании.

— Максим Андреевич, — сказала она, сохраняя спокойствие, — ваши материалы по новым клиентам я посмотрю сегодня. Если потребуются уточнения, свяжусь отдельно.

— Хорошо, Виктория Андреевна.

Он произнёс её имя медленнее обычного.

Виктория отключилась первой.

Несколько секунд она сидела неподвижно, глядя на чёрный экран. Внутри возникло ощущение, знакомое ещё по переписке: лёгкое удовольствие от тайны, существующей среди совершенно обычных рабочих действий. Но теперь к нему примешивалось беспокойство.

Максим вовлекался слишком быстро.

Это было видно не по словам. Он не требовал обещаний, не говорил о будущем, не пытался выяснить, когда они встретятся снова. Напротив, проявлял осторожность, почти деликатность. Именно поэтому перемена ощущалась особенно ясно. Максим искал возможность быть рядом даже тогда, когда рядом быть не мог. Создавал рабочие поводы для контакта. Подключался к созвону, хотя мог ограничиться отправленными материалами. Писал короткие сообщения, проверяя, не закрылась ли дверь после одной ночи. И каждый раз, получая ответ, становился чуть смелее.

Виктория понимала его.

Слишком хорошо понимала, чтобы позволить происходящему развиваться бесконтрольно.

Случайная близость обладает одним удобным свойством: её легко оставить отдельным эпизодом. Ночь в гостинице, короткая командировка, чужой город, где никто не знает твоего имени. Можно вернуться домой, снять одежду, принять душ и постепенно убедить себя, что событие существовало отдельно от обычной жизни. Не как новая линия, а как исключение. Короткое нарушение правил, которое именно поэтому не меняет систему целиком.

Но Максим не хотел оставаться исключением.

Возможно, и Виктория не хотела.

Эта мысль оказалась опаснее остальных.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на город. Внизу двигались машины, прохожие переходили улицу, на тротуарах лежал грязноватый снег. Обычный зимний день, лишённый романтики. В стекле отражался кабинет: стол, кресла, закрытая дверь, папки с документами, чашка остывшего кофе. Всё принадлежало той жизни, которую Виктория строила много лет. Жизни, где любое решение требовало ясного расчёта.

Она не собиралась отказываться от Максима.

Но и превращать первую связь в зависимость не собиралась.

Правило возникло почти само собой, как прежде возникали внутренние рабочие принципы: не отвечать на раздражающие письма сразу, не обещать того, что не можешь выполнить, не принимать серьёзные решения после полуночи.

Не повторять мужчин слишком часто.

Формулировка была почти циничной. Даже смешной. Виктория усмехнулась, увидев своё отражение в окне. Ещё неделю назад подобная мысль показалась бы ей совершенно чужой. Теперь звучала разумно. Если позволить Максиму стать единственным, вокруг кого вращается её новая свобода, всё слишком быстро превратится в другую форму зависимости. Вместо мужа, привыкшего считать её удобной частью собственной жизни, появится любовник, ждущий сообщений, встреч и объяснений. Вместо освобождения — новый график обязательств.

Виктория не хотела никому принадлежать.

По крайней мере, пока.

В час началась встреча с финансовым отделом. Она прошла спокойно и предсказуемо: обсуждение бюджета, осторожная борьба за дополнительные расходы, попытки доказать, что экономия на обучении сотрудников не повлияет на результаты. Виктория спорила жёстко, но без раздражения. Несколько раз заметила, что финансовый директор смотрит на неё с лёгким недоумением, словно не понимает, почему сегодня она отвечает мягче обычного, хотя отступать не собирается.

— У вас хорошее настроение, — сказал он в конце, собирая документы.

— Это мешает?

— Наоборот. Просто непривычно.

— Значит, не привыкайте.

Он засмеялся и вышел.

Виктория посмотрела на телефон.

Новое сообщение от Максима появилось пятнадцать минут назад.

«Через неделю планирую приехать в головной офис. Есть вопросы по новому направлению. Можно назначить встречу?»

Она прочитала и почувствовала, как внутреннее беспокойство становится яснее. Вопросы по направлению действительно существовали. Максим имел полное право приехать. Возможно, необходимость возникла бы и без гостиничной ночи. Но неделя казалась слишком коротким сроком. Он уже искал следующий повод.

Виктория набрала:

«Сначала пришлите перечень вопросов. Возможно, решим дистанционно».

Ответ пришёл не сразу.

«Хорошо».

Пауза.

«Это отказ?»

Она смотрела на экран несколько секунд.

«Это просьба прислать перечень вопросов».

Максим: «Понял».

Он не стал давить. Не написал ничего лишнего. Но Виктория почувствовала его разочарование даже через короткую строку. И почти сразу испытала желание смягчить ответ, добавить что-нибудь личное, напомнить, что не отталкивает его. Это желание раздражало. Именно так и начинаются обязательства: сначала ты отвечаешь из вежливости, потом из желания не причинить боль, затем незаметно учишься чужие ожидания в каждом собственном решении.

Виктория закрыла чат.

В три часа помощница напомнила о юридической встрече.

Договор с крупным клиентом готовили почти месяц. Проект обещал хорошие объёмы, но партнёры настойчиво пытались включить в документ несколько формулировок, превращающих обычное сотрудничество в бесконечную систему односторонних уступок. Виктория уже дважды возвращала договор на доработку и сегодня собиралась окончательно закрыть спор-

ные вопросы. Обычно на такие встречи приходила юрист Марина Глебова, спокойная женщина лет пятидесяти с привычкой выделять важные пункты жёлтым маркером и объяснять сложные вещи без ненужного драматизма. Но сегодня вместо неё в переговорной сидел Роман Берестов.

Виктория знала его давно.

Не близко. В крупном холдинге люди могут годами встречаться на совещаниях, обмениваться письмами, спорить о сроках и условиях, но так и не перейти в категорию знакомых, которых вспоминаешь вне офиса. Роман руководил одним из направлений юридического блока, появлялся там, где возникали сложные договоры, конфликтные партнёры или вопросы, требующие человека, способного не только прочитать документ, но и понять, зачем другая сторона настаивает на конкретной формулировке. Он был старше Максима, возможно, лет на шесть или семь, и выглядел именно так, как, по мнению Виктории, должен выглядеть хороший корпоративный юрист: тёмный костюм без лишней строгости, белая рубашка, спокойные движения, внимательный взгляд человека, которому люди слишком часто сообщают больше, чем собирались.

Роман не был красив в очевидном смысле. Не обладал яркой внешностью Максима, его лёгкостью и молодой уверенностью. Но в нём чувствовалось что-то более опасное: внутренняя собранность мужчины, привыкшего наблюдать молча и делать выводы раньше остальных. Тёмные волосы коротко подстрижены, у висков уже появилась едва заметная седина. Лицо резкое, чуть усталое, с тонкой линией рта и привычкой слегка прищуриваться, если собеседник начал говорить слишком много. Руки спокойные, длинные пальцы лежат на документе так, будто даже бумага обязана подчиняться установленному порядку.

Когда Виктория вошла, Роман поднялся.

— Виктория Андреевна.

— Роман Ильич. Не ожидала увидеть вас.

— Марина заболела. Решил, что будет проще подключиться самому, чем объяснять вам по телефону, почему партнёры снова пытаются превратить договор в произведение фантастического жанра.

— Наконец-то честная формулировка.

Он улыбнулся едва заметно.

— Я иногда позволяю себе роскошь честности. Когда уверен, что собеседник переживёт.

В переговорной уже сидели двое сотрудников юридического отдела и менеджер Виктории, отвечающий за клиента. На экране висел текст договора с пометками. Виктория заняла место напротив Романа, открыла ноутбук и начала задавать вопросы. Первые двадцать минут прошли исключительно профессионально. Обсуждали сроки, штрафные санкции, условия продления, ответственность сторон. Роман говорил коротко, точно и без привычной юридической манеры превращать простую мысль в длинную конструкцию из оговорок. Несколько раз он спорил с Викторией, но не ради самого спора. Один пункт действительно следовало оставить гибким, иначе клиент мог отказаться от сделки. Другой, напротив, требовал жёсткой формулировки.

Виктории нравилось работать с людьми, которые не боялись возражать аргументированно.

Она быстро поняла, почему Роман пришёл сам. Вопросы были сложнее, чем казались по переписке. Клиент не просто пытался получить удобные условия. Он выстраивал договор так, чтобы постепенно расширять объёмы без пропорционального пересмотра обязательств. Ничего незаконного. Только аккуратная попытка воспользоваться заинтересованностью холдинга.

— Этот пункт убираем полностью, — сказала Виктория. — Иначе через полгода будем продавать больше, получать столько же и объяснять совету директоров, почему сами подписали себе проблему.

- Клиент не согласится убрать, — спокойно ответил Роман.
- Тогда пусть объяснит, зачем он ему нужен.
- Он объяснит. Сошлётся на сезонность.
- Которой нет.
- Разумеется.
- Значит, убираем.

Роман провёл пальцем по краю документа.

— Можно оставить, но ограничить период действия. Три месяца. Затем обязательный пересмотр условий при превышении объёма.

Виктория посмотрела на него внимательнее.

- Вы хотите дать клиенту возможность сохранить лицо.
- Я хочу, чтобы он подписал договор и при этом не получил то, ради чего торговался.
- Юристы иногда пугают меня сильнее продавцов.
- Это комплимент?
- Пока не решила.

Роман слегка улыбнулся.

— Я подожду.

Совещание продолжилось.

Постепенно Виктория начала замечать, что разговор с Романом отличается от обычной рабочей дуэли. Не содержанием. Интонацией. Он слушал слишком внимательно, будто интересовался не только её аргументами, но и паузами между словами. Несколько раз задерживал взгляд на лице дольше, чем требовало обсуждение. Ничего откровенного. Ни одной реплики, которую можно было бы назвать флиртом в прямом смысле. Но между ними возникал тонкий слой второго разговора, существующего под официальным.

Виктория почувствовала это почти сразу.

И, к собственному удивлению, не захотела прерывать.

После Максима всё воспринималось иначе. Раньше взгляд мужчины мог остаться незамеченным или быть немедленно классифицирован как лишняя вольность, которую следует пресечь. Теперь Виктория позволила себе наблюдать. Роман Берестов не смотрел на неё так, как Максим. В нём не было восторга, ожидания или желания получить разрешение приблизиться. Скорее любопытство. Спокойное, взрослое, опасное. Он будто заметил перемену и теперь пытался понять, что именно произошло.

Виктория сидела напротив, сохраняя безупречную деловую позу, и чувствовала странный азарт.

Роман не знал ничего.

Не мог знать.

Но замечал больше, чем следовало.

Когда основные пункты были согласованы, сотрудники начали собирать документы. Менеджер Виктории вышел первым: ему требовалось созвониться с клиентом и уточнить время следующей встречи. Двое юристов задержались ненадолго, обсуждая формулировку одного приложения, затем тоже ушли. Виктория осталась в переговорной с Романом.

Он не торопился закрывать ноутбук.

— Вы сегодня удивительно терпеливы, — сказал он.

Виктория посмотрела на него.

— Обычно я произвожу другое впечатление?

— Обычно после третьей попытки клиента навязать невыгодное условие вы начинаете говорить так вежливо, что люди пугаются сильнее, чем от прямого отказа.

— А сегодня?

— Сегодня вы позволили мне закончить несколько предложений.

— Не переоценивайте значение события.

— Стараюсь. Но профессиональная привычка требует искать причины отклонений от нормы.

— Вы анализируете моё настроение?

— Только когда оно влияет на переговоры.

— Повлияло?

Роман откинулся на спинку кресла. Его взгляд скользнул по лицу Виктории, задержался на губах всего на мгновение и вернулся к глазам.

— Пока исключительно положительно.

Она почувствовала, как внутри возникает лёгкое напряжение. Не такое, как рядом с Максимом. Не горячее и нетерпеливое. Другое. Роман не пытался приблизиться. Не проверял границы прямым вопросом. Он строил разговор медленно, оставляя каждой фразе возможность остаться обычной светской репликой. При желании Виктория могла закончить всё одним сухим ответом.

Она не закончила.

— Значит, договор выиграл от моего хорошего настроения.

— Весь холдинг, вероятно, выиграл.

— Слишком широкое обобщение для юриста.

— Я иногда позволяю себе рискованные формулировки.

— Только когда уверены, что собеседник переживёт?

— Именно.

Виктория закрыла ноутбук.

— Тогда вы сегодня необыкновенно смелы, Роман Ильич.

Он улыбнулся чуть заметнее.

— Вы сегодня необыкновенно великодушны, Виктория Андреевна.

Несколько секунд они смотрели друг на друга молча.

За стеклянной стеной переговорной проходили люди. Кто-то остановился возле кофемашины, кто-то разговаривал по телефону, кто-то спешил к лифту. Обычный офисный день. Любой сотрудник мог посмотреть внутрь и увидеть двух руководителей, завершающих рабочее обсуждение. Ничего больше.

Но Виктория вдруг поймала себя на мысли: если бы стеклянная стена исчезла, если бы дверь закрылась плотнее, если бы переговорная оказалась пустой и тёмной, как несколько дней назад, разговор мог бы измениться.

Мысль возникла слишком легко.

Она не испытала стыда.

Только любопытство.

Роман первым отвёл взгляд и начал складывать документы в папку.

— Я пришлю обновлённую версию вечером, — сказал он. — Посмотрите завтра утром. Если клиент согласится, можно выходить на подписание.

— Хорошо.

— И ещё одно.

— Да?

Он поднялся, но не ушёл. Остановился у края стола, положив ладонь на папку.

— Вы были в командировке?

Вопрос прозвучал буднично. Но Виктория почувствовала, как внутри мгновенно включается привычная осторожность.

— Да.

— Успешно?

— Более чем.

Роман слегка прищурился.

— По показателям?

Она выдержала его взгляд.

— А что ещё обычно проверяют в региональных офисах?

— Вы правы. Ничего.

Ответ не был ответом. В голосе Романа мелькнуло что-то едва заметное: не знание, конечно, и даже не подозрение в прямом смысле. Скорее ощущение, что он увидел ещё одну деталь общей картины и отложил её для дальнейшего размышления.

Виктория поднялась.

— Вы слишком любопытны для корпоративного юриста.

— Напротив. Именно настолько, насколько требуется профессией.

— Мне казалось, ваша профессия учит не задавать вопросы, если ответ не нужен для дела.

— Иногда заранее невозможно понять, какие ответы понадобятся.

Она подошла к двери, но Роман не отступил сразу. Между ними оставалось достаточно расстояния, чтобы не возникло ничего недопустимого. И всё же Виктория чувствовала его присутствие почти физически: спокойствие, внимательность, едва заметный запах парфюма, слишком сдержанного, чтобы запоминаться случайно.

— Не ищите ответы там, где вас не просили, — сказала она.

Роман посмотрел на неё прямо.

— Это предупреждение?

— Рекомендация.

— Я ценю хорошие рекомендации.

— Не всегда заметно.

Он чуть наклонил голову.

— Учту.

Виктория вышла в коридор.

Только вернувшись в кабинет, она поняла, что улыбается.

Не так, как после сообщений Максима. Не мягко, не тепло. Скорее с удивлением человека, внезапно обнаружившего в знакомой комнате ещё одну дверь. Роман Берестов никогда прежде не занимал отдельного места в её мыслях. Да, он был умён. Да, иногда раздражал своей привычкой видеть слабые места в чужих аргументах. Да, выглядел хорошо и умел говорить спокойно именно тогда, когда остальные начинали повышать голос. Но Виктория воспринимала его исключительно как часть рабочей среды.

Теперь всё изменилось.

Не Роман.

Она сама.

Телефон завибрировал.

Максим: «Я прислал перечень вопросов по поездке. Честно постарался оставить только те, которые нельзя решить дистанционно».

Виктория открыла документ. В списке было шесть пунктов. Три действительно требовали личного обсуждения. Два можно было закрыть видеозвонком. Последний выглядел почти нарочито сложным, словно Максим пытался убедить не только её, но и самого себя, что поездка необходима.

Она написала:

«Пункты два и четыре решим дистанционно. По остальным назначьте встречу через две недели».

Ответ появился через минуту.

«Через две?»

Виктория почувствовала лёгкую улыбку.

«У вас возражения по срокам?»

«Пытаюсь сформулировать профессионально».

«Не торопитесь».

Максим: «Через неделю было бы эффективнее».

«Почему?»

Три точки появились почти сразу, затем исчезли. Максим явно перебирал варианты ответа.

«Потому что я буду думать о встрече все две недели и потеряю производительность».

Виктория закрыла глаза на секунду.

Слишком прямой. Слишком искренний. И именно поэтому опасный. Максим превращал желание в отдельный мир, в котором Виктория постепенно должна была занять всё больше места. Ей нравилось это. Нравилось сильнее, чем следовало. Но удовольствие не отменяло необходимости сохранять границы.

«Тогда используйте ожидание как дополнительную мотивацию».

Максим: «Жестоко».

«Эффективно».

«Ты всегда такая?»

Виктория задержалась с ответом.

«Не всегда».

Максим: «Я заметил».

Она отложила телефон.

В кабинете стало тихо. За окном уже начинало темнеть, хотя рабочий день ещё не закончился. На столе лежали документы, в календаре оставалось совещание, почта продолжала заполняться новыми письмами. Но мысли возвращались то к Максиму, который уже считал дни до следующей встречи, то к Роману, задавшему всего несколько вопросов и каким-то образом оставившему после себя ощущение незаконченного разговора.

Виктория понимала, что ступает на территорию, где привычные правила больше не работают.

Она не собиралась превращать офис в место для бездумных приключений. Не собиралась рисковать карьерой, давать коллегам поводы для разговоров или позволять мужчинам считать её внезапную свободу приглашением для каждого. Но теперь видела то, что раньше оставалось за пределами внимания: взгляды, интонации, возможность выбора. Само осознание этой возможности действовало почти опьяняюще.

До конца дня она провела ещё одно совещание, подписала документы и ответила на письмо Романа. Обновлённую версию договора он действительно прислал вечером, сопроводив коротким сообщением: «Спорные пункты исправлены. Рискованные формулировки оставил только там, где собеседник способен их пережить».

Виктория перечитала фразу дважды.

Ответила:

«Надеюсь, вы говорите о клиенте».

Роман написал через несколько минут:

«Разумеется. О ком же ещё?»

Она смотрела на экран и почти слышала его спокойный голос. Вопрос был сформулирован так, что правильный ответ отсутствовал. Любая попытка продолжить разговор превращала нейтральную переписку в игру. Любое молчание тоже оставляло пространство для следующего шага.

Виктория выбрала молчание.

Но не потому, что хотела закончить.

Просто вечер ещё не наступил окончательно, а она уже поняла важную вещь: Роман умеет ждать не хуже Максима. Только иначе. Максим ждал открыто, почти честно, превращая ожидание в сообщения, рабочие поводы и лёгкую уязвимость. Роман не показывал ничего. Он оставлял одну реплику и позволял ей действовать самостоятельно.

Машину заказали на семь. Виктория собрала вещи, выключила ноутбук и вышла из кабинета. В холле было почти пусто. Несколько сотрудников задержались у лифтов, кто-то уже надел пальто, кто-то торопливо дописывал сообщение в телефоне. Виктория прошла к выходу и увидела Романа возле стойки администратора. Он разговаривал с кем-то из коллег, держа папку под мышкой. Заметил её сразу, но не прервал разговор. Только кивнул.

Виктория ответила тем же.

Когда она уже подошла к двери, Роман догнал её.

— Виктория Андреевна.

Она остановилась.

— Да?

— Вы забыли это в переговорной.

Он протянул тонкую ручку с металлическим корпусом. Виктория узнала её сразу: подарок от партнёров, которым она пользовалась почти каждый день. Видимо, оставила рядом с ноутбуком.

— Спасибо.

Она взяла ручку. Пальцы на мгновение коснулись пальцев Романа.

Прикосновение было случайным. Коротким. Ничего не значащим.

Но Виктория почувствовала его слишком отчётливо.

Роман тоже не убрал руку мгновенно. Всего одна доля секунды, настолько малая, что её невозможно было предъявить как доказательство даже самой себе. Потом отступил.

— Хорошего вечера, — сказал он.

— И вам.

— Постарайтесь отдохнуть после командировки.

Виктория посмотрела на него внимательнее.

— Вы опять анализируете моё настроение?

— Только внешний вид. Вы сегодня немного устали.

— Это обычное последствие работы.

Роман слегка улыбнулся.

— Разумеется.

Он ушёл первым, оставив её возле стеклянных дверей.

Виктория вышла на улицу и села в машину. Водитель спросил адрес, хотя знал его, она ответила и откинулась на спинку сиденья. Город медленно двигался за окном: фонари, вывески, мокрый снег, люди на остановках. Телефон лежал в сумке, но Виктория не доставала его несколько минут.

В голове складывалось новое правило.

Не повторять мужчин слишком часто.

Не давать одной связи превратиться в новую зависимость. Не позволять Максиму стать единственным источником ощущения, которое Виктория наконец вернула себе. Не торопиться. Не обещать. Не путать желание с обязательством.

Правило казалось разумным.

Почти безупречным.

Телефон завибрировал.

Максим: «Ты уже едешь домой?»

Виктория достала телефон и посмотрела на сообщение. Внутри возникло тепло, знакомое и почти нежное.

«Да».

«Устала?»

Она вспомнила слова Романа, сказанные у выхода.

«Немного».

«Отдохни. Не буду мешать».

Пауза.

«Но я скучаю».

Виктория смотрела на экран, чувствуя, как сопротивление постепенно смягчается. Максим не требовал встречи. Не просил обещаний. Просто говорил правду. И эта правда действовала сильнее, чем любые уловки.

Она написала:

«Я тоже вспоминала».

Ответ пришёл сразу.

«Только вспоминала?»

Виктория улыбнулась.

«Не наклейте, Максим Андреевич».

Он ответил смайлом, затем словами:

«Вот теперь день стал лучше».

Она убрала телефон в сумку, но через несколько секунд снова достала. На экране осталось непрочитанное письмо от Романа с исправленным договором. Виктория открыла его, пролистала текст и задержалась на последней строке сообщения: «Если потребуется дополнительное обсуждение, я доступен в любое удобное для вас время».

Обычная деловая формулировка.

Совершенно обычная.

Виктория закрыла письмо и посмотрела в окно.

Правило второе возникло вовремя.

Проблема заключалась только в одном.

Она уже начала думать, как именно собирается его нарушить.

Глава 6. Юрист не задаёт лишних вопросов

Совещание закончилось позже, чем рассчитывала Виктория.

Оно начиналось как обычное обсуждение договора: длинный стол, несколько ноутбуков, экран с очередной версией документа и люди, которым давно хотелось домой, но которые всё ещё сохраняли деловой вид. За окнами уже стемнело. В стекле отражалась переговорная: бледный свет потолочных ламп, чашки с остывшим кофе, стопки распечаток, усталые лица. Клиент подключился дистанционно и больше часа пытался вернуть в текст формулировки, от которых юридический отдел отказывался ещё на прошлой неделе. Виктория слушала терпеливо, хотя в обычный день закончила бы разговор раньше. Роман Берестов сидел напротив и почти не вмешивался, пока собеседник не начал повторять один и тот же аргумент в третий раз.

— Давайте не будем создавать видимость сложного вопроса там, где существует простое желание получить одностороннее преимущество, — сказал он спокойно.

В комнате стало тихо.

Роман не повышал голос. Не улыбался. Не пытался смягчить формулировку. Он просто смотрел в камеру так, будто заранее знал: собеседник возмутится, сделает паузу, затем начнёт объяснять, что его неправильно поняли. Именно это и произошло.

Виктория наблюдала за Романом внимательнее, чем требовала встреча.

После их предыдущего разговора она несколько раз возвращалась мысленно к коротким репликам у выхода из офиса. Ничего особенного. Любой человек со стороны услышал бы в них обычную вежливость, приправленную профессиональной иронией. Но Виктория уже умела различать второй слой. Максим сделал её чувствительнее к взглядам, паузам и интонациям. Теперь она слишком хорошо понимала, когда мужчина разговаривает только о работе, а когда работа становится удобным предлогом не заканчивать разговор.

Роман редко смотрел прямо. В отличие от Максима, который почти не умел скрывать собственное желание, Берестов контролировал каждое движение. Он держал ручку между пальцами, иногда делал пометки на распечатке, задавал точные вопросы и не позволял разговору уйти в сторону. Если бы Виктория не знала, чего искать, она ничего не заметила бы.

Но знала.

Когда она возражала клиенту, Роман слушал её с едва заметной улыбкой. Когда собеседник затягивал объяснение, он один раз поднял глаза и встретился с Викторией взглядом. Всего на секунду. Этого хватило, чтобы она поняла: Роман тоже устал от разговора, тоже видит абсурдность ситуации и тоже думает не только о договоре.

Мысль могла быть ошибочной.

Виктория не собиралась проверять её первой.

Она уже сделала достаточно первых шагов за последние дни.

К девяти вечера основные пункты наконец согласовали. Клиент отключился с обещанием прислать окончательное подтверждение утром. Сотрудники начали закрывать ноутбуки, собирать бумаги и торопливо надевать пиджаки. Усталость мгновенно проявилась на лицах, как только исчезла необходимость сохранять внимательность. Кто-то пожаловался на пробки, кто-то открыл приложение такси, кто-то вспомнил, что дома ждёт ужин.

Виктория тоже собиралась уехать.

Она закрыла ноутбук, положила документы в папку и проверила телефон. От Сергея пришло короткое сообщение: «Задержусь. Не жди». Никаких объяснений. Вероятно, они больше не требовались даже в его представлении. Из Сочи он ещё не уехал, но, судя по всему, уже жил в режиме командировки: встречи, рестораны, поздние возвращения или отсутствие возвращений вовсе.

Максим тоже написал. Несколько часов назад.

«Как день?»

Чуть позже:

«Не отвлекаю. Просто думаю о тебе».

Виктория прочитала и почувствовала знакомое тепло. Мягкое, почти опасное своей приятностью. Максим не требовал ответа немедленно, но ждал. Она знала это. Представляла, как он проверяет телефон между рабочими разговорами, пытается не писать слишком часто и всё равно возвращается к короткому чату, где каждое её слово приобретает слишком большое значение.

Виктория набрала:

«День затянулся. Только закончила совещание».

Максим ответил почти сразу:

«Ты устала?»

Она посмотрела на Романа.

Он стоял у окна и разговаривал с одним из юристов. Пиджак был расстёгнут, галстук чуть ослаблен. Роман слушал собеседника, кивая время от времени, но, словно почувствовав взгляд, повернул голову. Их глаза встретились.

Виктория отвела взгляд к телефону.

«Немного», — написала она Максиму.

Ответ появился через несколько секунд:

«Езжай домой. Отдохни».

Она улыбнулась едва заметно.

Максим всегда пытался заботиться. Даже на расстоянии. Даже не имея права требовать ничего. В этом было что-то трогательное и одновременно опасное. Нежность быстро создаёт иллюзию обязательств. А Виктория всё ещё не была готова принимать решения, превращающие отдельные ночи в новую жизнь.

— Виктория Андреевна.

Она подняла глаза.

Роман остановился возле стола. Остальные сотрудники уже вышли. В переговорной остались только они двое и молодой юрист, который собирал распечатки в папку. Через несколько секунд он тоже попрощался и закрыл за собой дверь.

Стало тихо.

— Да? — спросила Виктория.

— Вы собираетесь ужинать?

Вопрос прозвучал спокойно. Почти буднично.

— Поздновато.

— Именно поэтому и спрашиваю. Мы просидели здесь несколько часов, а кофе в автомате сложно считать полноценным рационом.

— Вы переживаете за сотрудников соседних подразделений?

— Иногда. В редкие минуты профессиональной слабости.

Виктория закрыла папку.

— И что вы предлагаете?

— Внизу есть ресторан. Кухня работает ещё около часа. Бар, вероятно, дольше.

— Деловой ужин?

Роман слегка улыбнулся.

— Если вам так будет спокойнее.

Ответ раздражал.

Не сам по себе. Интонацией. Роман не пытался притворяться, будто приглашение связано исключительно с договором. Не создавал удобной легенды заранее. Не освобождал Викторию от необходимости понимать смысл происходящего. Просто оставлял решение ей.

— Мне и так спокойно, — сказала она.

— Тем лучше.

Он надел пиджак и взял папку.

— Значит, вы отказываетесь?

Виктория могла отказаться. Легко. Без объяснений. Вызвать машину, поехать домой, ответить Максиму ещё на одно сообщение и провести вечер в квартире, где Сергей, скорее всего, не появится до глубокой ночи. Это было разумно. После гостиницы с Максимом прошло слишком мало времени. Правило второе сформулировалось не случайно: не повторять мужчин слишком часто. Не позволять первой связи стать единственным источником эмоций. Не путать освобождение с новой зависимостью.

Но правило не требовало ехать домой.

Напротив.

— Выпить можно, — сказала Виктория. — Есть я уже не хочу.

— Хорошо.

Роман не улыбнулся шире. Не показал удовлетворения. Только открыл дверь и пропустил её вперёд.

Ресторан находился на первом этаже бизнес-центра, но имел отдельный вход с улицы и работал дольше офисных помещений. Днём там обедали сотрудники ближайших компаний, вечером появлялись пары, небольшие группы и люди, привыкшие продолжать переговоры после того, как формальная часть закончилась. Интерьер был спокойным: тёмное дерево, мягкий свет, небольшие столики, барная стойка с подсвеченными полками. Не слишком роскошно. Не слишком просто. Место, где никто не обращает внимания на мужчину и женщину в деловой одежде, пришедших выпить после позднего совещания.

Роман выбрал два места у края барной стойки.

— Вино? — спросил он.

— Белое. Сухое.

— Предсказуемо.

Виктория посмотрела на него.

— Вы ожидали другого?

— Нет. Просто проверяю гипотезы.

— Какие именно?

— Пока не скажу.

Бармен поставил перед ними бокалы и небольшую тарелку с орехами. Роман заказал виски, но сделал первый глоток только после того, как Виктория подняла вино. Некоторое время они молчали.

Молчание не было неловким.

С Максимом паузы быстро наполнялись ожиданием. Он не умел оставаться нейтральным рядом с ней, даже если старался. В каждом взгляде чувствовалась надежда на следующий шаг, почти юношеская, хотя Максим давно не был мальчиком. Роман существовал иначе. Он мог сидеть рядом, смотреть на отражения бутылок в стеклянных полках и ничего не говорить, не превращая тишину в просьбу.

Это заставляло Викторию думать о нём больше.

— Вы редко соглашаетесь на такие приглашения? — спросил Роман.

— На какие?

— Не вполне деловые.

— Вы всё-таки признаёте, что договор можно было не обсуждать в баре?

— Договор уже обсуждён.

— Тогда зачем мы здесь?

Он повернулся к ней.

— Вы хотите услышать прямой ответ?

Виктория сделала глоток вина. Холодное, почти нейтральное, оно не помогло вернуть дистанцию.

— Иначе не спросила бы.

Роман провёл пальцем по краю бокала, затем слегка усмехнулся.

— Мне интересно с вами разговаривать.

— Слабая причина задерживаться в офисном ресторане после девяти вечера.

— Не единственная.

Он не отвёл взгляд.

Виктория почувствовала, как внутри медленно поднимается напряжение. Оно отличалось от того, что возникало рядом с Максимом. Не вспыхивало. Не толкало вперёд. Скорее стягивалось вокруг неё постепенно, как тонкая нить, которую почти невозможно заметить до тех пор, пока не попытаешься отступить.

— Вы всегда настолько прямолинейны? — спросила она.

— Нет.

— Почему сегодня решили изменить привычкам?

— Потому что вы всё равно понимаете, о чём идёт речь. Делать вид, будто я случайно оказался рядом, было бы невежливо.

— Невежливо?

— Вы слишком умны для плохих легенд.

Фраза могла показаться комплиментом, но Роман произнёс её без лести. Как факт, который не требует благодарности. Виктория почувствовала одновременно раздражение и удовольствие.

— А хорошие легенды у вас есть?

— Разумеется.

— Например?

Роман сделал глоток виски.

— Мы обсуждаем последствия сложного совещания. Вы устали. Я предложил выпить. Через полчаса разъедемся по домам. Ничего не произошло.

— Звучит убедительно.

— Именно поэтому легенда хорошая.

— И что в ней неправда?

Он посмотрел на неё спокойно.

— Я не особенно хочу, чтобы через полчаса ничего не произошло.

Виктория не ответила.

Музыка звучала тихо. За соседним столиком разговаривали двое мужчин, официантка убирала посуду, возле входа прощалась пара. Всё вокруг оставалось совершенно обычным. Никто не смотрел в их сторону. Никто не мог догадаться, что несколько слов изменили тон разговора окончательно.

Роман не торопился продолжать.

Оставил фразу между ними и снова повернулся к бокалу.

Виктория почувствовала лёгкую злость. Возможно, потому что он понимал: молчание заставит её сделать следующий шаг самой. Не физический. Пока только словесный. Но именно такие шаги часто оказываются важнее.

— Вы уверены в себе, — сказала она.

— Иногда.

— Сейчас?

— Нет.

Ответ удивил.

Роман улыбнулся едва заметно, увидев это по её лицу.

— Вы ожидали другого?

— Возможно.

— Самоуверенность полезна в переговорах. В остальных ситуациях мешает замечать очевидное.

— И что очевидно сейчас?

Он повернулся к ней чуть ближе.

— Что вы можете встать и уйти в любой момент.

— Это вас беспокоит?

— Да.

Опять прямота.

Без игры в равнодушие. Без попытки представить происходящее заранее решённым. Роман видел возможность отказа и не прятал, что она имеет значение. Но в отличие от Максима не спрашивал разрешения на каждом шаге. Просто констатировал: дверь открыта, выбор принадлежит Виктории, и оба это понимают.

— Вы задаёте слишком много вопросов для человека, который считает лишние вопросы профессиональной ошибкой, — сказала она.

— Я не считаю вопросы ошибкой. Только те, ответы на которые не готов услышать.

— А вы готовы?

— Проверим.

Виктория медленно поставила бокал на стойку.

— Что именно вы хотите узнать?

Роман некоторое время смотрел на неё, не отвечая. Потом произнёс:

— Почему вы изменились.

Она почувствовала внутреннее напряжение.

— Вы снова анализируете моё настроение?

— Не только настроение.

— А что ещё?

— То, как вы смотрите на людей. Как отвечаете. Как замолкаете перед некоторыми репликами. Как будто раньше вокруг вас существовал невидимый периметр, а теперь вы решили проверить, насколько он действительно необходим.

Виктория почувствовала раздражение. Слишком точное наблюдение. Слишком близко к правде. Роман ничего не знал о ресторане, Сергее, Элине и гостиничном номере в соседнем городе. Но замечал последствия.

— Вы наблюдали за мной раньше? — спросила она.

— Мы работаем в одной компании несколько лет.

— Это не ответ.

— Да.

Коротко.

Без оправданий.

Виктория провела пальцами по ножке бокала.

— И что вы видели?

Роман усмехнулся.

— Женщину, к которой не стоит подходить без серьёзной причины.

— А сейчас причина появилась?

— Нет.

— Тогда почему подошли?

Он наклонился чуть ближе. Голос стал тише.

— Потому что вы впервые выглядите так, будто серьёзная причина не обязательна.

Слова задели сильнее, чем следовало.

Виктория смотрела на него, чувствуя странную смесь уязвимости и возбуждения. Роман видел слишком много. Не факты, а состояние. Ту самую внутреннюю переменную, которую она сама ещё не успела до конца осмыслить. И не осуждал. Не пытался использовать как слабость. Просто признавал.

— Возможно, вам показалось, — сказала она.

— Возможно.

— И вы решили проверить.

— Да.

— Рискованно.

— Я редко избегаю риска, если он правильно оценён.

Виктория усмехнулась.

— Юрист.

— Руководитель отдела продаж.

Они смотрели друг на друга и оба понимали: разговор давно перестал быть случайным.

Бар постепенно пустел. Официантка убирала последние тарелки, бармен протирал стойку, возле двери сотрудник ресторана выключил часть света. Время приближалось к закрытию. Виктория посмотрела на часы и удивилась: прошло больше часа.

— Похоже, нас скоро попросят уйти, — сказала она.

— Вероятно.

Роман не выглядел разочарованным.

— Вы вызвали машину? — спросил он.

— Пока нет.

— Я тоже.

Пауза.

Виктория почувствовала, как привычная осторожность напоминает о себе. Сейчас существовала естественная возможность закончить вечер: вызвать такси, попрощаться у входа, вернуться домой. Всё, что произошло, останется разговором. Опасным, слишком личным, но всё ещё разговором. Никаких обязательств. Никаких последствий. Никакой необходимости сравнивать Романа и Максима, хотя эта мысль уже возникла и раздражала самым фактом своего существования.

Правило второе требовало не повторять мужчин слишком часто.

Оно не требовало выбирать нового так быстро.

Но Виктория уже знала, что не хочет уезжать.

Не из-за Сергея.

Даже не из-за желания доказать себе свободу.

Ей хотелось конкретного мужчину, сидящего рядом. Его спокойствия. Его прямоты. Его умения смотреть так, будто любое лишнее движение станет частью переговоров, где обе стороны заранее понимают цену ошибки.

К ним подошёл администратор.

— Простите, мы закрываем основной зал, — сказала девушка. — Если вам нужно ещё немного времени, можно перейти в гостевую комнату. Она свободна. Там есть диван и небольшой столик. Бармен принесёт напитки.

Роман посмотрел на Викторию.

Не ответил за неё.

Не сделал вид, будто предложение случайно решает неудобную проблему.

Просто ждал.

Виктория почувствовала, как сердце бьётся чуть быстрее.

— Ещё один бокал, — сказала она. — И воду.

Администратор кивнула.

Гостевая комната находилась за небольшой дверью в дальней части ресторана. Обычно там проводили частные переговоры или ужины, требующие уединения: мягкий диван вдоль стены, два кресла, низкий стол, торшер с тёплым светом, плотная дверь, приглушающая звуки. На стене висела абстрактная картина, в углу стояла небольшая ваза с сухими ветвями. Ничего романтического. Скорее спокойная, нейтральная комната для людей, предпочитающих разговаривать без свидетелей.

Бармен принёс вино, виски и воду, затем пожелал хорошего вечера и закрыл дверь.

Стало тихо.

Виктория села на край дивана. Роман выбрал кресло напротив, словно намеренно оставляя расстояние. Несколько секунд они молчали.

— Вы слишком далеко, — сказала она.

Слова прозвучали спокойнее, чем она ожидала.

Роман посмотрел на неё внимательно.

— Это приглашение?

— Наблюдение.

— Вы любите точные формулировки.

— Когда они необходимы.

Он поднялся и пересел на диван, оставив между ними небольшое расстояние. Не слишком большое. Но достаточное, чтобы Виктория снова могла решить сама, что делать дальше.

Роман взял бокал, сделал глоток и поставил его на стол.

— Я всё ещё не уверен, что вы хотите продолжать этот вечер именно так, как мне кажется, — сказал он.

— Вы всё-таки задаёте лишние вопросы.

— Последний.

— Сомневаюсь.

— Я тоже.

Виктория повернулась к нему.

— Тогда не спрашивайте.

Несколько секунд Роман не двигался.

Потом поднял руку и коснулся её лица.

Очень легко.

Подушечками пальцев провёл вдоль щеки, задержался у виска, убрал выбившуюся прядь волос. Простое прикосновение. Почти невинное. Но именно его медленность заставила Викторию задержать дыхание.

Максим целовал её так, словно долго сдерживаемое желание наконец получило выход. С ним всё быстро становилось горячим, живым, почти радостным. Роман не торопился. Каждое движение казалось осознанным. Он не пытался сразу приблизиться, не искал удобный путь к развязке. Будто изучал реакцию Виктории, позволяя ей чувствовать собственное ожидание всё яснее.

— Вы уверены, что хотите молчать? — спросил он тихо.

— Сейчас — да.

Роман улыбнулся едва заметно.

— Хорошо.

Он наклонился и поцеловал её.

Медленно.

Без спешки.

Первый поцелуй был почти вопросом, хотя Роман обещал больше не спрашивать. Виктория ответила не сразу. Позволила секунде растянуться, почувствовала его дыхание, тепло ладони у щеки, лёгкий запах виски и сдержанного парфюма. Затем сама приблизилась.

Только после этого Роман коснулся её увереннее.

Его вторая рука легла на талию, не притягивая резко, а скорее обозначая присутствие. Виктория почувствовала, как ткань блузки слегка натянулась под пальцами. Поцелуй стал глубже, но оставался спокойным. Никакой торопливости. Никакой попытки доказать что-то силой желания. Именно это действовало особенно сильно. Роман будто знал: чем медленнее двигается, тем меньше у Виктории остаётся возможности спрятаться за рациональностью.

Она положила ладонь ему на грудь.

Под тканью рубашки чувствовалось ровное, но ускоренное сердцебиение. Открытие оказалось неожиданным. Внешне Роман сохранял почти безупречное спокойствие, но тело выдавало его. Виктория провела пальцами выше, к воротнику, и почувствовала, как дыхание становится глубже.

— Значит, вы всё-таки нервничаете, — сказала она тихо.

— Вы ожидали обратного?

— Вы производите впечатление человека, который заранее подготовил три варианта развития событий.

— Подготовил.

— И какой сейчас?

Роман посмотрел ей в глаза.

— Тот, на который я надеялся и который считал наименее вероятным.

Ответ заставил Викторию улыбнуться.

— Недооценили риски?

— Вас.

Он снова поцеловал её, и на этот раз паузы стали короче. Его ладонь скользнула по спине, остановилась между лопаток, потом медленно опустилась к талии. Виктория почувствовала, как исчезает остаток деловой дистанции. Не сразу. Постепенно. С каждым движением, с каждым коротким вдохом, с каждым прикосновением, которое можно было остановить, но не хотелось.

Она сама расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки.

Роман замер на мгновение.

— Это тоже наблюдение? — спросил он.

— Нет.

— Рекомендация?

— Возможно.

— Я ценю хорошие рекомендации.

Виктория тихо рассмеялась.

Смех быстро растворился в следующем поцелуе.

За дверью иногда слышались шаги. Бармен убирал стойку, официанты заканчивали смену, где-то звякнула посуда. Эти звуки напоминали: они всё ещё находятся в ресторане, не в гостиничном номере и не в пространстве, созданном исключительно для них. Кто-то мог постучать. Кто-то — вспомнить о гостях. Комната была закрыта, но не принадлежала им полностью.

Риск усиливал ощущения.

Однако в отличие от первой сцены с Максимом в переговорной Виктория не чувствовала паники. Там каждый звук заставлял сердце останавливаться. Здесь напряжение было глубже и спокойнее. Она знала, что делает. Не реагировала на чужую измену. Не пыталась проверить, способна ли ещё нравиться. Не искала доказательства собственной привлекательности.

Роман нравился ей сам по себе.

Его голос. Руки. Взгляд. Контроль, который начинал давать трещины медленно, почти неохотно. То, как он не пытался ускорить события, даже когда Виктория отвечала всё откровеннее. То, как каждый раз оставлял ей пространство для выбора, но не превращал осторожность в нерешительность.

Он поцеловал её шею.

Виктория закрыла глаза и откинула голову к спинке дивана. Его губы коснулись кожи чуть ниже уха, затем медленно спустились к линии воротника. Простые прикосновения ощущались почти мучительно остро. Она провела рукой по его волосам и почувствовала, как Роман на секунду перестаёт дышать ровно.

— Вы всё ещё пытаетесь контролировать ситуацию? — спросила она.

Он поднял голову.

— Уже не уверен, что получается.

— Это плохо?

— Не решил.

— Слишком осторожный ответ.

Роман посмотрел на неё внимательнее.

— Тогда честный: нет.

Его ладонь скользнула по её талии, задержалась на бедре поверх ткани юбки. Медленно. Так, словно он хотел дать Виктории почувствовать не только прикосновение, но и ожидание следующего движения. Она не отвела взгляд.

— Вы смотрите так, будто ведёте переговоры, — сказала Виктория.

— Привычка.

— И что хотите получить?

Роман улыбнулся почти незаметно.

— Сейчас — правду.

— Какую?

— Что вы пришли сюда не потому, что вам скучно. Не потому, что хотите кому-то отомстить. И не потому, что решили проверить ещё одну гипотезу.

Вопрос оказался опаснее прикосновений.

Виктория почувствовала, как внутри поднимается сопротивление. Роман снова видел слишком много. Не факты. Но причины, которые она сама ещё не разложила по местам. Первая близость с Максимом действительно начиналась как ответ на боль, даже если быстро стала чем-то иным. Гостиничная ночь освободила её от необходимости думать о Сергее. Но свобода всё ещё требовала проверки. Возможно, именно поэтому Виктория согласилась остаться с Романом. Чтобы убедиться: дело не в одном мужчине. Не в случайном восторге Максима. Не в мести.

Роман ждал.

Виктория коснулась его лица.

— Я здесь, потому что хочу вас.

Он смотрел несколько секунд, будто проверяя не слова, а интонацию.

Потом кивнул.

— Этого достаточно.

После этого что-то изменилось.

Не резко. Но окончательно.

Роман притянул её ближе, и прежняя размеренность уступила место более открытой страсти. Он всё ещё не торопился, но сдержанность больше не выглядела непроницаемой. Виктория чувствовала, как трудно ему сохранять контроль, и именно это заставляло отвечать смелее. Она расстегнула ещё одну пуговицу его рубашки, провела ладонями по плечам, ощутила

тепло кожи. Роман поцеловал её снова, глубже, настойчивее, и Виктория позволила себе раствориться в ощущениях, не пытаясь оценивать происходящее со стороны.

В комнате стало слишком тепло.

Она сняла жакет и положила рядом на диван. Роман помог осторожно, будто даже в этот момент не хотел превращать близость в торопливую сцену. Его пальцы коснулись запястья, затем медленно прошли выше вдоль руки. Виктория почувствовала дрожь и не стала скрывать.

Роман заметил.

Конечно, заметил.

— Холодно? — спросил он тихо.

— Нет.

— Хорошо.

Его голос стал ниже.

Виктория улыбнулась.

— Вы опять проверяете гипотезы?

— Уже нет.

— Почему?

— Получил достаточно данных.

— Самоуверенно.

— Вы первая начали.

Она не успела ответить. Роман снова поцеловал её, и слова перестали иметь значение.

Позднее Виктория не смогла бы точно восстановить, сколько времени прошло. Музыка в зале уже выключили. За дверью стало совсем тихо. Гостиная комната существовала отдельно от ресторана, офиса и города. Только мягкий свет торшера, закрытая дверь, диван и два человека, которые слишком долго разговаривали, прежде чем позволили себе перестать объяснять.

Виктория не думала о Сергее.

Не вспоминала его сообщение. Не представляла, где он находится и с кем проводит вечер. Не сравнивала мужчин, хотя сравнение возникало почти неизбежно: лёгкая открытость Максима, спокойная опасность Романа, разные ритмы, разные взгляды, разное ощущение себя рядом с каждым.

Но Сергей исчез.

Это было важнее всего.

Роман целовал её медленно, словно стремился запомнить реакцию на каждое прикосновение. Виктория чувствовала, как постепенно теряет привычную собранность. Волосы рассыпались по плечам, дыхание стало неровным, пальцы сильнее сжали ткань его рубашки. Она не хотела быть правильной. Не хотела думать о том, как выглядит, насколько разумно происходящее и что будет утром. Впервые близость не имела отношения к восстановлению уверенности. Уверенность уже вернулась. Теперь оставалось желание.

Простое.

Взрослое.

Честное.

В какой-то момент Роман остановился и посмотрел на неё внимательно.

— Всё хорошо? — спросил он.

Виктория кивнула.

— Да.

— Если захотите остановиться...

— Не захочу.

Он улыбнулся едва заметно.

— Вы уверены?

— Роман.

— Хорошо. Больше никаких вопросов.

— Наконец-то.

Он рассмеялся тихо, почти беззвучно, и в этом коротком смехе исчезла последняя дистанция.

Дальше всё происходило медленно и неизбежно. Без торопливости, без резких движений, без желания поскорее добраться до финала. Роман будто сознательно растягивал каждую секунду, и Виктория позволяла ему это. Пространство вокруг стало мягким и тёплым. Она ощущала диван под ладонью, его руки, дыхание у виска, собственное сердце, бьющееся слишком быстро для женщины, которая привыкла сохранять спокойствие даже в самых неприятных обстоятельствах.

Ей нравилось не контролировать.

Не полностью.

Не навсегда.

Хотя бы несколько минут.

Позволить другому человеку быть внимательным, не превращая внимание в угрозу. Позволить собственному телу отвечать без предварительного согласования с разумом. Позволить себе не быть начальницей, женой, взрослой женщиной с аккуратно выстроенной жизнью. Просто хотеть и получать удовольствие от того, что желание взаимно.

Когда напряжение наконец отпустило, Виктория долго сидела молча, прислонившись к спинке дивана. Роман находился рядом. Его рубашка была расстёгнута у воротника, волосы чуть растрепались, выражение лица стало мягче, чем прежде. Он не пытался немедленно превратить произошедшее в разговор. Не спрашивал, о чём она думает. Не требовал обещаний.

Это тоже отличало его от Максима.

Максим после гостиничной ночи смотрел так, словно хотел запомнить каждую секунду и сразу понять, будет ли следующая встреча. Роман принимал паузу спокойно. Возможно, потому что не ожидал ничего. Возможно, потому что умел ждать. Или потому, что заранее понимал: слишком ранний вопрос разрушит всё.

Виктория поправила волосы и начала застёгивать блузку.

Пальцы слушались не сразу.

Роман молча взял с низкого столика стакан воды и протянул ей. Она сделала несколько глотков.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он тоже привёл одежду в порядок, медленно, без суеты. Виктория наблюдала за ним и чувствовала неожиданное спокойствие. Никакой паники. Никакого желания немедленно уйти. Только лёгкая усталость и ещё не исчезнувшее тепло.

— Вы ничего не спросите? — сказала она.

Роман поднял глаза.

— А нужно?

— Не знаю.

— Тогда не буду.

— Обычно мужчины хотят понять, что именно произошло.

Он усмехнулся.

— Я присутствовал.

— Вы понимаете, о чём я.

— Понимаю.

Роман застегнул манжету и посмотрел на неё внимательнее.

— Но вы не обязаны давать объяснения только потому, что мы оказались здесь.

Фраза задела неожиданно сильно.

Виктория привыкла, что близость создаёт обязательства хотя бы в воображении. После любой ночи обязательно возникают вопросы: что дальше, когда увидимся, что это значит, кто кому должен написать первым. Даже Максим, стараясь не давить, всё равно ждал ответа. Не потому, что был плохим или навязчивым. Просто для него происходящее уже стало частью будущего.

Роман не просил будущего.

— Вы всегда настолько удобны? — спросила Виктория.

Он улыбнулся.

— Это оскорбление?

— Пока не решила.

— Я не удобный. Просто не задаю лишних вопросов.

— И всё-таки один задам я.

— Слушаю.

Виктория посмотрела прямо.

— Вы знали, что вечер закончится так?

Роман помолчал.

— Надеюсь.

— Когда предложили выпить?

— Раньше.

— Насколько раньше?

Он слегка наклонил голову.

— Вы действительно хотите точный ответ?

— Да.

— На совещании, когда вы спорили с клиентом и одновременно делали вид, будто не замечаете, что я смотрю на вас.

Виктория почувствовала лёгкую улыбку.

— Я замечала.

— Знаю.

— Самоуверенно.

— Наблюдательно.

— И давно вы наблюдаете?

Роман посмотрел на неё спокойно.

— Достаточно.

Ответ оставлял больше вопросов, чем объяснений, но Виктория не стала продолжать. Не хотела выяснять, сколько времени он воспринимал её иначе, чем обычную коллегу. Сегодня это не имело значения. Возможно, завтра станет важным. Но не сейчас.

Она надела жакет и встала.

Роман тоже поднялся.

Комната снова выглядела почти нейтрально. Бокалы на столике, выключенная музыка за дверью, мягкий свет торшера. Только едва заметный беспорядок на диване напоминал о том, что произошло.

— Машина? — спросил Роман.

Виктория достала телефон.

На экране было несколько уведомлений.

Сообщение от Сергея: «Переночую не дома. Рано утром встреча, неудобно ехать через весь город».

Ни объяснений.

Ни извинений.

Виктория прочитала спокойно и закрыла чат.

Ниже было сообщение от Максима.

«Ты уже дома?»

Отправлено сорок минут назад.

Потом ещё одно:

«Не хочу мешать. Просто напиши, когда доберёшься».

Виктория почувствовала короткий укол. Не вины перед Сергеем. Его сообщение не вызвало почти ничего. Но Максим ждал. В другом городе, на расстоянии нескольких часов, он беспокоился, вернулась ли она домой после тяжёлого дня. А Виктория сидела в закрытой гостевой комнате ресторана рядом с другим мужчиной и только что нарушила правило, которое сама придумала меньше суток назад.

Не повторять мужчин слишком часто.

Она действительно не повторила.

Формально.

От собственной иронии стало почти смешно.

— Всё в порядке? — спросил Роман.

Виктория подняла глаза.

— Да.

— Уверены?

— Вы обещали не задавать лишних вопросов.

— Это был последний.

— Вы уже говорили.

— Иногда я нарушаю обещания.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Осторожнее, Роман Ильич. Для юриста опасное признание.

Он улыбнулся.

— Только вне рабочего времени.

Виктория вызвала машину. Приложение показало ожидание семь минут.

Они вышли из гостевой комнаты. Основной зал уже опустел. Стулья подняты на часть столов, свет приглушён, бармен складывал бокалы. Администратор пожелала им хорошего вечера так спокойно, словно не замечала ничего необычного. Возможно, действительно не замечала. Возможно, привыкла к людям, которые задерживаются в гостевых комнатах дольше, чем требует деловой разговор.

На улице было холодно.

Роман остановился рядом с Викторией под козырьком ресторана. Машины проезжали мимо, свет фар отражался в мокром асфальте. Город выглядел почти пустым.

— Вас проводить? — спросил он.

— Не нужно.

— Хорошо.

Он не спорил.

Несколько секунд они молчали.

— Значит, завтра утром я получу исправленный договор? — сказала Виктория.

Роман слегка улыбнулся.

— Получите.

— Без рискованных формулировок?

— Только с теми, которые вы способны пережить.

— Вы повторяетесь.

— Мне понравилась формулировка.

Подъехала машина.

Виктория открыла дверь, но задержалась.

— Доброй ночи, Роман.

— Доброй ночи, Виктория.

Без отчества.

Она села в автомобиль и закрыла дверь.

Машина тронулась. Роман остался стоять у входа, руки в карманах пальто, спокойный, собранный, почти такой же, каким был несколько часов назад в переговорной. Только Виктория теперь знала, насколько обманчиво это спокойствие.

Телефон лежал в руке.

Она открыла чат с Максимом.

«Еду домой. Всё хорошо».

Ответ появился почти сразу.

«Отлично. Я уже начал переживать».

Виктория смотрела на строку и чувствовала странное раздвоение. Максим вызывал тепло. Нежность, которой она не ожидала. Желание снова увидеть его улыбку, услышать голос, почувствовать почти мальчишескую радость от одного её сообщения. Роман оставил совсем другое ощущение: спокойное напряжение, будто разговор ещё не закончен и каждый следующий шаг потребует отдельного решения.

Она написала Максиму:

«Не стоило».

Он ответил:

«Не умею иначе».

Виктория закрыла чат.

Потом открыла сообщение Сергея.

«Переночую не дома».

Она прочитала ещё раз и не ответила.

Дом встретил тишиной. Виктория сняла пальто, поставила сумку на кресло и прошла в спальню. На второй половине кровати лежала аккуратно сложенная пижама Сергея. На тумбочке — книга, которую он начал читать несколько месяцев назад и так и не закончил. Всё оставалось на своих местах, словно муж мог вернуться в любую минуту и продолжить привычную жизнь с той страницы, где остановился.

Виктория подошла к зеркалу.

Лицо выглядело спокойным. Волосы удалось поправить в машине, помада почти стёрлась. На шее не осталось заметных следов. Только взгляд был другим: чуть более тёмным, внимательным, живым.

Она сняла серьги, положила на комод и долго смотрела на собственное отражение.

Первая измена была ответом.

Не только ответом, конечно. Ночь с Максимом быстро перестала быть мстью. Но дверь открылась именно потому, что Сергей первым показал: их брак давно существует по правилам, которые Виктория не выбирала. Ресторан, Элина, рука мужа поверх чужих пальцев — всё это вытолкнуло её из привычного мира.

Сегодня Сергей не имел значения.

Ни одного мгновения рядом с Романом Виктория не думала о муже. Не пыталась уравнять счёт. Не представляла его реакцию, если он узнает. Не искала оправданий.

Она захотела мужчину.

Конкретного.

И позволила себе получить желаемое.

Эта мысль должна была напугать.

Вместо этого принесла странное спокойствие.

Виктория переоделась, умылась и легла в постель. Спать пока не хотелось. Тело хранило мягкую усталость, сознание возвращалось к отдельным моментам вечера: голос Романа, спокойный взгляд, прикосновение к щеке, его фраза о том, что она не обязана давать объяснения.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Романа.

«Договор пришлю к десяти».

Только это.

Никаких признаний.

Никаких намёков.

Никаких попыток превратить вечер в обещание.

Виктория прочитала и улыбнулась.

Написала:

«Хорошо».

Через минуту пришёл ответ:

«И Виктория».

Она ждала продолжения.

«Спасибо за честность».

Виктория смотрела на экран дольше, чем собиралась.

Потом набрала:

«Не задавайте вопросов, ответы на которые не готовы услышать».

Роман ответил почти сразу:

«Сегодня я был готов».

Она положила телефон экраном вниз.

В спальне стало тихо.

Сергей ночевал неизвестно где.

Максим думал о ней в соседнем городе.

Роман, вероятно, ещё стоял у входа в ресторан или уже ехал домой, сохраняя то самое спокойствие, которое раздражало и возбуждало одновременно.

Виктория закрыла глаза.

Правило второе оказалось полезным.

Не повторять мужчин слишком часто.

Она улыбнулась в темноте.

Пока ей прекрасно удавалось его соблюдать.

Глава 7. Неправильный букет

Букет привезли в половине одиннадцатого.

Виктория как раз заканчивала разговор с руководителем одного из региональных подразделений, когда в приёмной возникло небольшое движение, не соответствующее обычному рабочему ритму. Помощница вышла из-за стола, кто-то тихо рассмеялся, курьер несколько раз переспросил фамилию, словно не верил, что огромная охапка белых и пудрово-розовых цветов действительно предназначена женщине, чей кабинет находился за стеклянной дверью с матовой полосой и строгой табличкой. Виктория услышала только отдельные слова, продолжая слушать объяснения в телефонной трубке, но уже поняла: что-то случилось.

Она закончила разговор без спешки.

— До конца дня жду обновлённый прогноз, — сказала Виктория. — И пожалуйста, без формулировок о неблагоприятной рыночной ситуации. Если проблема в работе конкретных менеджеров, так и напишите.

Она положила телефон и посмотрела на дверь.

Помощница появилась через несколько секунд. На лице сохранялось профессиональное выражение, но глаза выдавали любопытство.

— Виктория Андреевна, вам доставили цветы.

— От кого?

— Курьер не знает. Карточки нет.

— Совсем?

— Только ваше имя на упаковке.

Помощница чуть отступила, и Виктория увидела букет.

Он был слишком большим.

Не просто красивым, не просто дорогим, не просто заметным. В нём было что-то демонстративное, почти вызывающее: крупные пионовидные розы, ранункулы, ветви эвкалипта, ещё какие-то цветы, названий которых Виктория не знала. Белые, кремовые, нежно-розовые оттенки складывались в композицию, выглядевшую одновременно изысканно и неприлично роскошно для будничного утра. Букет занимал половину пространства перед дверью и сразу делал бессмысленными любые попытки отнести его к категории случайного знака внимания.

— Поставьте сюда, — сказала Виктория.

Помощница внесла цветы, осторожно устроила вазу на небольшом столике возле окна и отошла на шаг.

— Очень красиво.

— Да.

— Может быть, карточка потерялась?

— Возможно.

Виктория смотрела на букет и чувствовала, как внутри возникает первое настоящее беспокойство за последние несколько дней.

Не страх.

Пока ещё нет.

Но резкое, неприятное ощущение, будто в идеально выстроенной системе появился предмет, которого там быть не должно. Слишком большой. Слишком заметный. Слишком материальный. Сообщения можно удалить. Взгляды объяснить случайностью. Воспоминания существуют только внутри неё. Даже следы на коже исчезают или скрываются под одеждой. Но цветы стояли в кабинете, занимали пространство, пахли сладко и свежо, притягивали внимание каждого, кто проходил мимо стеклянной стены.

Виктория подошла ближе.

Карточки действительно не было.

Она осторожно раздвинула упаковку, проверила ленту, осмотрела края букета. Ничего. Только маленькая наклейка флористической мастерской на внутренней стороне бумаги. Название незнакомое. Возможно, букет заказали онлайн. Возможно, отправитель специально не оставил подпись.

Первым она подумала о Романе.

Не потому, что это соответствовало его манере. Напротив. Именно поэтому мысль показалась странной. Роман не выглядел человеком, который отправляет огромные букеты без подписи утром после близости. Вчера вечером он ограничился коротким сообщением о договоре, затем написал одну фразу, достаточно личную, чтобы Виктория долго смотрела на экран, но недостаточно прямую, чтобы нарушить установленную дистанцию. Он умел оставлять пространство. Умел ничего не требовать. Цветы выглядели почти противоположностью его осторожности.

И всё же больше некому.

Максим находился в другом городе. Он мог заказать доставку, конечно. Но Виктория сомневалась. Максим был открытее, эмоциональнее, иногда слишком прямолинеен, однако понимал риск. Он старался не писать лишнего в рабочее время, держался безупречно на совещаниях и даже приезд в головной офис пытался обосновать перечнем вопросов. Огромный букет в кабинет женщины, которую он не имел права компрометировать, казался слишком грубой ошибкой.

Сергей?

Виктория почти сразу отвергла эту мысль.

Муж иногда присылал цветы. На день рождения, годовщину, восьмое марта, иногда после особенно долгой поездки. Но всегда оставлял короткую записку или хотя бы сообщение. Не потому, что был романтиком. Просто привык действовать понятно. Букет без подписи не соответствовал его манере. Кроме того, сегодня не было никакого повода. Сергей собирался уехать в Сочи через день и, вероятно, был занят подготовкой к поездке, частью которой Виктория не являлась.

Она посмотрела на телефон.

Новых сообщений не было.

— Куда поставить вазу окончательно? — спросила помощница.

Виктория подняла глаза.

— Пусть остаётся здесь.

— Хорошо.

Помощница уже собиралась выйти, но задержалась на секунду.

— Если курьер вернётся с карточкой, я сразу принесу.

— Спасибо.

Дверь закрылась.

Виктория осталась одна.

Букет стоял возле окна и выглядел почти живым. Неуместно нежным среди тёмной мебели, документов, экрана ноутбука и ровных линий кабинета. Запах постепенно заполнял пространство. Сладкий, свежий, слишком заметный. Виктория вдруг вспомнила чужой аромат на рубашке Сергея утром после ресторана и усмехнулась. Какая-то странная симметрия. Тогда запах был почти неуловимым следом другой женщины в её доме. Теперь цветы превращались в след чужого мужчины в её кабинете.

Она взяла телефон и открыла чат с Романом.

Несколько секунд смотрела на экран, не зная, как сформулировать вопрос. Прямое «Это вы прислали цветы?» звучало слишком неловко. Если букет не от него, Виктория сама выда-

вала бы ожидание. Если от него — позволяла понять, что жест подействовал сильнее, чем следовало.

Она написала:

«Договор получила. Спасибо».

Ответ пришёл через несколько минут.

«Посмотрели?»

«Пока только открыла».

«Буду ждать комментариев».

Ничего больше.

Виктория провела пальцем по краю телефона.

Если цветы отправил Роман, он мог намеренно не упоминать их, ожидая её реакции. Это соответствовало его манере больше, чем сам букет: оставить предмет в пространстве и позволить Виктории решать, как с ним обращаться. Но подобная игра раздражала. После вчерашнего вечера он обещал не задавать лишних вопросов. Отправить букет без подписи означало задать самый заметный вопрос из возможных.

Она набрала:

«У вас сегодня необычно хорошее настроение?»

Пауза.

«У меня редко бывает плохое настроение после удачно завершённых переговоров».

«Только после переговоров?»

Ответ не приходил дольше обычного.

Виктория почувствовала, как внутри нарастает раздражение на саму себя. Она провоцировала. Искала подтверждение. Подталкивала Романа к разговору, который можно было не начинать. Букет заставил её действовать слишком быстро.

Наконец на экране появились три точки.

«Вы хотите спросить о чём-то конкретном?»

Виктория смотрела на фразу и почти слышала его голос: спокойный, чуть насмешливый, внимательный.

Она написала прямо:

«Цветы».

Роман ответил через несколько секунд.

«Какие цветы?»

Виктория нахмурилась.

«В моём кабинете».

Пауза.

«Тогда мне сложно ответить. Я их не видел».

Раздражение сменилось неожиданным облегчением и сразу же новым беспокойством.

«Вы не присылали?»

На этот раз ответ появился быстро.

«Нет».

И ещё через секунду:

«Но теперь мне любопытно».

Виктория отложила телефон.

Значит, не Роман.

Мысль почему-то задела сильнее, чем она ожидала. Не разочаровала. Скорее нарушила простую логику. Если не Роман, то кто? Максим? Сергей? Случайный поклонник, о котором Виктория не думала? Кто-то из партнёров, решивший поблагодарить за удачную сделку? Но в таком случае подпись почти наверняка была бы. Люди редко отправляют дорогие букеты без имени, если хотят выразить официальную благодарность.

Телефон снова завибрировал.

Роман:

«Большие?»

Виктория посмотрела на цветы.

«Неприлично».

Ответ:

«Значит, отправитель пытается произвести впечатление».

«Или создать проблему».

«Это тоже способ произвести впечатление».

Виктория почувствовала лёгкую улыбку.

«У вас всё превращается в формулировки?»

«Профессиональная деформация».

Пауза.

«У вас есть подозреваемый?»

Она закрыла чат, не отвечая.

Роман не должен был знать о Максиме. Никто не должен. Особенно человек, который слишком хорошо замечает паузы, взгляды и отклонения от нормы. Виктория вдруг поняла, что вчерашняя уверенность была преждевременной. Ей казалось, что правила просты: не повторять мужчин слишком часто, не создавать обязательств, не оставлять следов, сохранять работу отдельно от личного. Но след появился сам. Букет стоял в кабинете и буквально пах чужим присутствием.

В дверь постучали.

— Войдите.

Помощница заглянула внутрь.

— Виктория Андреевна, у вас через десять минут встреча с маркетингом.

— Помню.

— И ещё... простите, девочки спрашивают, можно ли сфотографировать букет. Для корпоративного канала.

Виктория посмотрела на неё.

— Нет.

— Конечно.

Помощница уже хотела уйти, но Виктория добавила:

— И лучше не обсуждать его слишком активно.

Девушка слегка покраснела.

— Разумеется.

Дверь закрылась.

Виктория знала, что просьба бесполезна. Возможно, даже усиливает интерес. Цветы заметили ещё в момент доставки. К половине дня о них будет знать половина этажа, к вечеру — почти весь офис. Не потому, что люди особенно любят сплетни. Просто в однообразной рабочей жизни любой предмет, выпадающий из привычного порядка, становится событием. Особенно если этот предмет оказывается огромным букетом в кабинете руководителя отдела продаж, женщины, которую большинство сотрудников привыкло считать почти недоступной для личных историй.

На встрече с маркетингом Виктория держалась спокойно.

Обсуждали новую кампанию, сроки, бюджет и несколько слишком смелых идей, которые молодой руководитель направления пытался защитить с энтузиазмом человека, недавно получившего достаточно полномочий и ещё не привыкшего к необходимости отвечать за результат. Виктория слушала, задавала вопросы, возвращала разговор к цифрам. Но несколько раз

замечала, как сотрудники бросают взгляды на цветы. Букет стоял за её спиной, видимый через открытую дверь кабинета и стеклянную стену.

Никто не спрашивал прямо.

Это раздражало ещё больше.

После встречи помощница принесла кофе и поставила рядом с ноутбуком. На лице сохранялось невозмутимое выражение, но Виктория почти видела невысказанный вопрос.

— Что-то ещё? — спросила она.

— Нет. Только письмо от финансового отдела и документы на подпись.

— Хорошо.

Помощница ушла.

Телефон завибрировал.

Максим.

«Как утро?»

Виктория смотрела на сообщение несколько секунд.

Если цветы от него, он сейчас ждёт реакции. Возможно, намеренно начинает с нейтрального вопроса, не решаясь спросить прямо. Если не от него, разговор ничего не прояснит. Но Виктория не собиралась оставаться в неведении.

«Необычно».

Ответ пришёл быстро.

«Что случилось?»

Она посмотрела на букет.

«В кабинет доставили цветы».

Пауза.

Три точки появились, исчезли, снова возникли.

«Красивые?»

Виктория почувствовала странное напряжение.

«Очень».

Максим долго не отвечал.

Потом написал:

«Значит, день начался хорошо».

Формулировка была слишком аккуратной. Виктория не поняла, скрывается ли за ней удовлетворение человека, чей подарок дошёл, или настороженность мужчины, внезапно узнавшего о сопернике.

«Без подписи», — добавила она.

Теперь пауза стала ещё длиннее.

«Понятно».

Виктория нахмурилась.

«Что именно?»

Максим:

«Ничего».

Пауза.

«Я просто подумал, что кто-то умеет создавать проблемы красивее, чем я».

Вот оно.

Ревность проявилась слишком быстро.

Не грубо. Не обвинением. Не вопросом, на который Виктория обязана отвечать. Но смысл был очевиден: цветы не от него. И Максим мгновенно понял, что существует кто-то ещё. Или, по крайней мере, допустил такую возможность.

Виктория почувствовала раздражение.

Не на Максима. Он не сделал ничего плохого. Просто отреагировал. Слишком честно для человека, который недавно обещал не требовать лишнего. Но именно эта честность снова заставила её увидеть опасность: он уже эмоционально вовлечён. Уже воспринимает её внимание как пространство, в котором может появиться соперник. Уже считает чужой букет не как случайный жест, а как угрозу.

Она написала:

«Вы не создаёте проблем».

Максим ответил сразу:

«Пока».

«Не драматизируйте».

«Стараюсь».

Пауза.

«Можно задать один вопрос?»

Виктория закрыла глаза на секунду.

Он всегда просил разрешения.

И почти всегда задавал вопрос, который не хотелось слышать.

«Один».

Ответ:

«Мне нужно переживать?»

Она смотрела на экран дольше, чем собиралась.

Вопрос был одновременно слишком личным и слишком неопределённым. Переживать о чём? О том, что цветы прислал другой мужчина? О том, что Виктория уже успела переступить черту с Романом? О том, что ночь в гостинице не означала исключительности? О том, что она не готова принадлежать никому и не собирается обещать больше, чем может дать?

Максим не знал о Романе.

Но каким-то образом приблизился к правде.

Виктория набрала:

«Нет».

Ответ появился почти сразу.

«Хорошо».

Потом ещё одно сообщение:

«Тогда не буду».

Она знала, что это неправда.

Максим будет переживать. Не потому, что хочет усложнить ей жизнь. Просто иначе не умеет. Именно так он написал однажды. Не умеет не думать, не ждать, не заботиться, не превращать отдельную ночь в событие вселенского масштаба. Виктории нравилась его открытость, пока она оставалась лёгкой и красивой. Теперь впервые увидела цену.

Букет стоял возле окна.

Слишком большой.

Слишком заметный.

Слишком неправильный.

До конца дня цветы превратились в самостоятельное офисное явление. Люди заходили к Виктории по делам и невольно смотрели в их сторону. Кто-то улыбался. Кто-то делал вид, что не замечает. Милана из HR появилась около трёх с папкой документов, посмотрела на букет, затем на Викторию и медленно подняла брови.

— Ничего себе.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— Именно поэтому и не начинай.

Милана подошла ближе, вдохнула запах и осторожно коснулась пальцами одного из лепестков.

— Очень дорогой.

— Ты эксперт?

— Я женщина, которая много лет работает с людьми. Этого достаточно.

— И какой вывод?

— Отправитель либо очень старается понравиться, либо очень сильно виноват.

Виктория почувствовала короткое раздражение. Слишком точная формулировка. Если предположить, что букет от Сергея, второй вариант выглядел вполне вероятным. Но именно поэтому она сомневалась. Муж предпочитал компенсировать вину иначе: предложить поездку, купить подарок, проявить внимание за завтраком. Цветы без подписи создавали неопределённость, а Сергей неопределённость не любил, если не контролировал её сам.

— Может быть, это благодарность от партнёров, — сказала Виктория.

Милана посмотрела на неё с выражением человека, который слышит заведомо слабую версию, но из вежливости не разрушает сразу.

— Без карточки?

— Карточку могли потерять.

— Конечно.

— У тебя есть документы?

— Есть.

Она положила папку на стол, но не ушла.

— Что?

Милана улыбнулась.

— Ничего. Просто рада, что в твоей жизни иногда происходят вещи, не связанные с ежеквартальными показателями.

— Ты слишком много думаешь о моей жизни.

— Это профессиональная деформация HR.

Виктория усмехнулась.

— Вы все сегодня прикрываетесь профессиональными деформациями.

— Кто ещё?

Вопрос прозвучал легко, почти случайно.

Виктория сразу поняла ошибку.

Милана тоже заметила паузу, хотя ничего не сказала. Только улыбнулась чуть внимательнее.

— Юристы, — спокойно ответила Виктория. — На встречах.

— Конечно.

Милана открыла папку и перевела разговор к документам.

Виктория слушала, задавала вопросы и одновременно чувствовала, как новая жизнь впервые становится видимой для окружающих не через факты, а через маленькие несоответствия. Букет. Улыбка. Задержка перед ответом. Реплика, сказанная чуть легче обычного. Ничего серьёзного. Но люди замечают не только то, что им показывают. Иногда они складывают картину из деталей, которые сами по себе ничего не значат.

Около пяти пришло сообщение от Романа.

«Удалось выяснить, кто отправитель?»

Виктория ответила:

«Нет».

«Любопытно».

«Вам особенно».

«Я предупреждал, что это профессиональная слабость».

Она посмотрела на букет, затем написала:

«Вы не ревнуете?»

Пальцы замерли над экраном сразу после отправки.

Слишком прямой вопрос.

Слишком откровенный.

Несколько секунд Виктория почти пожалела, что написала. Но удалять было поздно.

Роман ответил не сразу.

«У меня есть основания?»

Она почувствовала, как внутри снова возникает то самое медленное напряжение, которое сопровождало вчерашний вечер. Роман не давал простых ответов. Возвращал вопрос, но не уклонялся. Оставлял решение ей.

Виктория написала:

«Это я спрашиваю».

Пауза.

«Тогда честно: немного».

Она смотрела на экран и неожиданно улыбнулась.

«Не ожидала».

Ответ:

«Я тоже».

И ещё через несколько секунд:

«Но не считаю, что имею право задавать вопросы».

Виктория почувствовала короткое тепло.

Роман опять отличался от Максима. Максим спрашивал осторожно, но не мог не спрашивать. Роман признавал собственную реакцию и одновременно отступал. Не требовал объяснений. Не строил ожиданий. Не пытался определить границы раньше, чем Виктория сама решит, где они находятся.

Она написала:

«Правильная позиция».

Роман:

«Иногда мне удаётся быть разумным».

«Иногда?»

«Не переоценивайте».

Виктория закрыла чат.

Букет всё ещё оставался загадкой.

К шести часам офис начал пустеть. Сотрудники собирали вещи, выключали мониторы, обсуждали планы на вечер. Помощница заглянула в кабинет и спросила, заказывать ли машину.

— Через двадцать минут, — ответила Виктория.

— Хорошо.

— И найдите, пожалуйста, контакты мастерской, которая доставила цветы.

— Уже нашла. Курьерская служба передала только номер заказа. Имя отправителя они не раскрывают без его согласия.

— Понятно.

Помощница задержалась у двери.

— Может быть, забрать букет домой?

Виктория посмотрела на цветы.

Она собиралась оставить их в офисе. Это казалось самым разумным решением. Не приносить чужой след в квартиру. Не объяснять Сергею. Не превращать рабочую загадку в семейную проблему.

— Нет, — сказала она. — Пусть останется здесь.

— Хорошо.

Помощница ушла.

Виктория закрыла ноутбук, собрала документы и уже собиралась надеть пальто, когда телефон зазвонил.

Сергей.

Она несколько секунд смотрела на экран, затем ответила.

— Да?

— Ты ещё в офисе?

— Собираюсь выходить.

— Хорошо. Я рядом. Заеду за тобой.

Виктория замерла.

— Не нужно. Я уже заказала машину.

— Отмени. Я буду через пять минут.

— Почему ты рядом?

— Встреча закончилась раньше. Решил, что можем поужинать вместе.

Он говорил легко, почти весело. Возможно, действительно хотел проявить внимание перед поездкой. Возможно, ощущал её отдаление и пытался вернуть привычную близость. Возможно, чувствовал вину. Какая разница.

Проблема заключалась в цветах.

Огромный букет стоял у окна, видимый сразу от двери.

— Хорошо, — сказала Виктория. — Жду.

Она положила телефон и несколько секунд сидела неподвижно.

Сердце билось быстрее.

Это раздражало. В ситуации не было настоящей опасности. Цветы могли прислать партнёры. Коллеги. Клиенты. Кто угодно. Виктория не обязана отчитываться перед мужем о каждом букете. Тем более Сергей сам вёл жизнь, полную закрытых дверей, поздних возвращений и поездок, смысл которых она теперь знала слишком хорошо.

Но впервые внешний след появится перед ним.

Не скрытый запах. Не сообщение в телефоне. Не лёгкое изменение взгляда. Предмет.

Виктория встала, подошла к букету и несколько секунд смотрела на него. Можно попросить помощницу переставить цветы в переговорную. Сказать, что они мешают. Убрать в приёмную. Передать кому-то из сотрудников. Любое действие выглядело бы разумно.

И одновременно подозрительно.

Она оставила букет на месте.

Сергей появился через семь минут.

Виктория услышала его голос в приёмной, затем короткий смех помощницы. Муж вошёл без стука, как делал всегда, когда приезжал в офис за ней. На нём было тёмное пальто, под ним костюм, в руке — телефон. Он выглядел собранным, уверенным, почти расслабленным. Виктория поймала себя на том, что рассматривает его со стороны, как незнакомого мужчину: хороший рост, аккуратная стрижка, дорогие часы, привычка занимать пространство без видимых усилий.

Сергей улыбнулся.

— Готова?

— Почти.

Он сделал шаг внутрь и увидел букет.

Пауза длилась меньше секунды.

Но Виктория заметила.

Взгляд Сергея задержался на цветах, затем медленно переместился к ней.

— Красиво, — сказал он.

— Да.

— От кого?

Вопрос прозвучал спокойно.

Слишком спокойно.

Виктория надела пальто.

— Не знаю.

— В каком смысле?

— Без подписи.

Сергей подошёл ближе к букету, посмотрел на цветы, словно мог найти ответ между лепестками.

— И карточки нет?

— Нет.

— Странно.

— Немного.

Он повернулся к Виктории.

— У тебя появился тайный поклонник?

Тон оставался лёгким. Почти шутивым. Но она знала мужа достаточно долго, чтобы слышать скрытый слой. Сергей не ревновал открыто. Никогда. В молодости мог раздражаться, если кто-то слишком настойчиво флиртовал с Викторией на вечеринках, но быстро превращал раздражение в иронию. Позднее, когда их брак стал спокойнее, перестал реагировать вовсе. Он был уверен в ней. Возможно, не потому, что особенно доверял. Просто считал: Виктория не способна на поступок, нарушающий её собственные правила.

Теперь перед ним стоял огромный букет без подписи.

— Возможно, — сказала Виктория.

Слово вырвалось слишком легко.

Сергей приподнял брови.

Она увидела ошибку и не стала исправлять. Наоборот, улыбнулась едва заметно.

— Шучу. Скорее всего, кто-то из партнёров. Карточку потеряли при доставке.

— Какие щедрые партнёры.

— У нас хороший контракт.

— Я начинаю завидовать твоей работе.

Виктория взяла сумку.

— Напрасно. Ты бы не выдержал наших совещаний.

— Возможно.

Сергей всё ещё смотрел на цветы.

— Заберёшь домой?

— Нет. Пусть стоят здесь.

— Почему?

— Здесь их увидит больше людей. Если это благодарность, отправитель получит моральное удовлетворение.

Ответ возник мгновенно.

Лёгкий.

Почти шутивый.

Сергей рассмеялся.

— Логично.

И всё.

Он не спросил больше ничего. Не попытался проверить телефон. Не потребовал выяснить имя отправителя. Не превратил букет в повод для разговора. Только ещё раз посмотрел на цветы, затем открыл перед Викторией дверь.

— Идём?

— Идём.

Она вышла из кабинета.

В приёмной помощница попрощалась, бросив быстрый взгляд на Сергея и букет. Виктория заметила этот взгляд, но не придавала значения. В лифте муж взял её за руку. Жест оказался неожиданным. Сергей редко делал это в последние годы, особенно в публичных местах. Возможно, цветы всё-таки задели его сильнее, чем он показывал. Возможно, просто хотел напомнить о своём присутствии. Себе или ей.

Виктория не убрала руку.

Они вышли из здания и сели в машину. Сергей устроился рядом на заднем сиденье, назвал ресторан водителю и повернулся к жене.

— Надеюсь, ты не против итальянской кухни.

— Нет.

— Столик уже заказал.

— Подготовился.

— Иногда умею.

Он улыбнулся и коснулся её пальцев.

Виктория смотрела в окно.

Город двигался мимо: свет фар, витрины, люди на переходах, мокрый асфальт. Внутри постепенно исчезало напряжение. Всё прошло легко. Слишком легко. Она не запнулась. Не стала придумывать сложную легенду. Не спрятала цветы, не выдала тревогу, не попыталась увести разговор в сторону. Просто сказала несколько слов, и Сергей принял их.

Именно это напугало.

Виктория привыкла считать себя честным человеком. Не идеальным, конечно. Она умела вести переговоры, оставлять часть информации при себе, формулировать ответы так, чтобы собеседник услышал именно то, что необходимо. Работа требовала гибкости. Но дома Виктория почти никогда не лгала. Не потому, что обладала особенно строгими принципами. Просто не видела нужды. Их с Сергеем жизнь была достаточно прозрачной: командировки, встречи, расходы, планы, усталость. Иногда недосказанность. Иногда молчание. Но не ложь.

Теперь она солгала легко.

Даже не солгала в прямом смысле. Не назвала отправителя, потому что действительно не знала его имени. Предположила партнёров. Пошутила о поклоннике. Оставила факты нетронутыми и просто выстроила вокруг них удобную картину.

Сергей поверил.

Виктория почувствовала холодок вдоль позвоночника.

Если ложь даётся так легко, что произойдёт дальше?

В ресторане муж был внимательнее обычного.

Он рассказывал о предстоящей поездке, спрашивал о её работе, несколько раз откладывал телефон экраном вниз, хотя раньше отвечал почти на каждое сообщение. Возможно, букет разбудил в нём давно забытое чувство собственности. Не любовь. Виктория не была уверена, что любовь вообще способна проснуться от цветочной композиции. Но внимание — да. Сергей впервые за долгое время увидел жену не только как надёжную часть дома, но и как женщину, способную вызвать чужой интерес.

Это было почти смешно.

— Ты выглядишь иначе, — сказал он после того, как официант принёс вино.

— В каком смысле?

— Не знаю.

Сергей изучал её лицо так, будто искал правильную формулировку.

— Как будто у тебя хорошее настроение.

— Это подозрительно?

— Непривычно.

— Ты предпочитаешь, когда я усталая и раздражённая?

— Нет. Просто пытаюсь понять причину.

Виктория взяла бокал.

— Может быть, удачный контракт.

— И щедрые партнёры.

— Возможно.

Сергей улыбнулся, но взгляд остался внимательным.

— Ты не скажешь, если кто-то начнёт за тобой ухаживать?

Вопрос прозвучал шутливо.

Но только на поверхности.

Виктория почувствовала, как внутри возникает почти азарт. Опасное ощущение. Она могла бы ответить успокаивающе. Рассмеяться. Напомнить, что замужем много лет и не собирается обсуждать фантазии сотрудников. Вернуть Сергею привычную уверенность.

Вместо этого спросила:

— А тебе было бы интересно?

Он немного удивился.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что ты моя жена.

Фраза прозвучала просто.

Слишком просто.

Виктория посмотрела на него и вдруг увидела всю конструкцию целиком. Сергей мог проводить вечера с Элиной, планировать поездку в Сочи, ночевать неизвестно где, писать короткие сообщения и рассчитывать, что Виктория не задаст вопросов. Но мысль о неизвестном мужчине, приславшем жене цветы, уже заставляла его внимательнее смотреть, откладывать телефон и спрашивать, сообщит ли она о чужом интересе.

— Именно поэтому? — сказала Виктория.

— А какая ещё нужна причина?

Она сделала глоток вина.

— Никакая.

Сергей несколько секунд смотрел на неё, затем перевёл разговор к поездке.

Ужин продолжился спокойно.

Но Виктория уже понимала: букет стал первым предметом, нарушившим равновесие. Не доказательством. Не уликой. Просто напоминанием о возможности. Сергей впервые увидел дверь, которой раньше не замечал. Пока не знал, что она открыта. Даже не подозревал, что Виктория уже несколько раз прошла через неё. Но теперь сама мысль о двери существовала.

Домой они вернулись около десяти.

Сергей выглядел расслабленным, почти довольным. Возможно, считал вечер удачным. Он обнял Викторию в прихожей, поцеловал чуть дольше обычного и спросил, не хочет ли она выпить ещё вина в гостиной. Она отказалась, сославшись на ранний подъём.

— Завтра у меня плотный день.

— Как всегда.

— Именно.

Он отпустил её и ушёл на кухню.

Виктория прошла в спальню, закрыла дверь ванной и посмотрела на телефон.
Три новых сообщения.

Максим:

«Ты уже дома?»

Следом:

«Прости. Понимаю, что спрашиваю слишком часто».

И ещё одно:

«Просто цветы выбили из равновесия сильнее, чем я ожидал».

Виктория читала, чувствуя одновременно тепло и усталость.

Максим был честен. Настолько, что иногда становилось трудно. Он не хотел контролировать, но уже не мог оставаться равнодушным. Букет существовал для него как доказательство того, что Виктория принадлежит не только пространству между ними. Возможно, никому не принадлежит. Именно это тревожило.

Она написала:

«Я дома. И нет, тебе не нужно переживать».

Ответ появился сразу:

«Хорошо».

Потом:

«Я постараюсь».

Виктория понимала, что стараний не хватит.

Она закрыла чат и увидела сообщение от Романа.

«Выяснили?»

«Нет».

«Тогда загадка сохраняется».

«Вам это нравится?»

Пауза.

«Мне нравится, что вы отвечаете».

Виктория почувствовала лёгкую улыбку.

Роман никогда не писал лишнего. Одна фраза вместо пяти. Один намёк вместо прямого вопроса. Никакой ревности, которую нужно успокаивать. Никаких попыток выяснить, где она находится и что делает. Но именно поэтому его короткие сообщения действовали сильнее.

Она набрала:

«Цветы заметил муж».

Ответ пришёл не сразу.

«Проблемы?»

«Нет».

«Вы хорошо импровизируете?»

Виктория посмотрела на собственное отражение в зеркале ванной.

Лицо спокойное.

Волосы аккуратные.

Ни одного признака тревоги.

Она написала:

«Оказалось, да».

Роман ответил:

«Это полезный навык».

Фраза должна была прозвучать нейтрально.

Но Виктория почувствовала холодок.

Полезный навык.

Лгать мужу легко. Отвечать Максиму мягко, но не обещать. Переписываться с Романом так, чтобы любое сообщение оставалось допустимым при случайном прочтении. Улыбаться коллегам. Оставлять цветы в офисе. Возвращаться домой без видимых следов.

Система начинала складываться сама.

Не как план.

Как привычка.

Виктория закрыла телефон и поставила его экраном вниз возле раковины.

Из спальни донёсся голос Сергея:

— Вика, ты скоро?

— Да.

Она ответила мгновенно.

Слишком легко.

Виктория умылась холодной водой, вытерла лицо полотенцем и снова посмотрела в зеркало.

Букет оставался в кабинете. Завтра цветы всё ещё будут стоять у окна, постепенно распускаясь и наполняя воздух сладким запахом. Коллеги продолжают обсуждать неизвестного отправителя. Максим будет пытаться не ревновать. Роман — наблюдать и задавать ровно столько вопросов, сколько считает допустимым. Сергей улетит в Сочи, уверенный, что вечерний ужин и короткое проявление внимания вернули прежнее равновесие.

Виктория могла продолжать.

Она знала это точно.

Проблема заключалась в другом.

Ей начинало казаться, что продолжать будет слишком просто.

Глава 8. Семинар по личной эффективности

Антон Мирский появился в холдинге в понедельник утром и почти сразу вызвал у Виктории раздражение.

Не потому, что опоздал. Напротив, он приехал раньше назначенного времени, успел познакомиться с девушками на ресепшене, выпить кофе и каким-то образом выяснить имена половины людей, которых должен был увидеть впервые. Не потому, что выглядел неуместно. Выглядел Антон как раз слишком уместно: светлая рубашка с закатанными рукавами, тёмные брюки, дорогие, но не демонстративные часы, аккуратно уложенные волосы, спортивная фигура человека, который умеет поддерживать форму без превращения тренировок в религию. Не потому, что был самоуверен. Самоуверенных мужчин Виктория встречала ежедневно и давно научилась отличать настоящую силу от привычки занимать пространство громким голосом.

Антон раздражал тем, что знал о собственном обаянии и пользовался им без малейшего смущения.

Ему было около тридцати. Возможно, тридцать один или тридцать два. Достаточно взрослый, чтобы не производить впечатление мальчика, случайно получившего доступ к деловой аудитории, и достаточно молодой, чтобы позволять себе ту лёгкость, которую большинство руководителей теряют вместе с первыми серьёзными обязательствами. Он говорил свободно, двигался уверенно, улыбался людям так, словно каждый разговор представлял для него отдельную игру. Даже его профессия казалась продолжением характера: приглашённый тренер по переговорам и личной эффективности, человек, который приезжает в компании на два дня, расшатывает привычный порядок и уезжает раньше, чем окружающие успевают понять, насколько сильно их раздражает его довольное выражение лица.

Виктория узнала о семинаре ещё две недели назад.

Инициатива исходила не от неё. Руководство холдинга решило провести серию обучающих мероприятий после удачного квартала, чтобы закрепить рост показателей и одновременно создать видимость заботы о развитии сотрудников. Виктория относилась к корпоративным тренингам с осторожным скепсисом. Иногда среди приглашённых специалистов встречались действительно полезные люди, способные увидеть слабые места команды и предложить конкретные инструменты. Чаще приезжали бодрые мужчины и женщины с презентациями, составленными из очевидных мыслей, англоязычных терминов и фотографий людей, радостно карабкающихся на гору.

Антон, судя по отзывам, относился к первой категории.

По крайней мере, генеральный директор рекомендовал его лично и несколько раз повторил, что Мирский умеет работать с сильными командами, а не только с новичками. Виктория не спорила. Если сотрудники проведут два дня не на бессмысленных совещаниях, а на действительно полезных занятиях, вреда не будет. Тем более она планировала присутствовать только на первой части: открыть мероприятие, послушать вводный блок и вернуться к собственным делам.

План изменился в первые десять минут.

Учебный зал находился на шестом этаже, в пространстве, которое обычно использовали для презентаций и внутренних конференций. Светлые стены, экран, несколько рядов столов, флипчарты, вода в стеклянных бутылках, блокноты с логотипом компании. Люди собирались постепенно, разговаривали, выбирали места, шутили о необходимости изображать энтузиазм в начале рабочей недели. Виктория вошла за несколько минут до начала, поздоровалась с руководителями направлений и села сбоку, недалеко от выхода, чтобы уйти после вступительной части без лишнего движения.

Антон уже стоял у экрана.

Он заметил её сразу.

Не потому, что кто-то представил. Виктория привыкла к тому, что её узнают. Должность, манера держаться, реакция окружающих — всё выдавало руководителя даже тем, кто не видел фотографии заранее. Но взгляд Антона задержался на ней чуть дольше, чем требовалось для обычной оценки аудитории. Он не улыбнулся, не кивнул отдельно, не сделал ничего заметного. Просто посмотрел внимательно, словно мгновенно отметил деталь, которая может пригодиться позднее.

Виктория почувствовала это и почти сразу отвернулась.

За последние дни она стала слишком чувствительна к подобным вещам.

Букет всё ещё стоял в кабинете. Цветы распустились сильнее, запах стал мягче, но не исчез. Отправитель так и не объявился. Сергей улетел в Сочи утром и прислал фотографию из гостиницы: вид на набережную, чашка кофе на столе, короткое «Доехал нормально». В кадр не попало ничего лишнего. Ни женская сумка, ни край чужой одежды, ни отражение в стекле. Возможно, Элина находилась в другом номере. Возможно, прилетела позднее. Возможно, Сергей решил провести поездку осторожнее, почувствовав перемену в жене после букета.

Виктория ответила: «Хорошо».

Максим писал чаще обычного, но старался держаться. Сообщал о работе, присылал вопросы по предстоящей встрече, иногда позволял себе короткое «Скучаю». Роман, напротив, почти исчез. Договор подписали, формальных поводов для разговора не осталось. Только вчера вечером он написал: «Удалось пережить цветы?» Виктория ответила: «Пока да». Роман прислал: «Хорошо. Я рассчитывал на вашу устойчивость». После этого разговор закончился.

Теперь в зале стоял новый мужчина и смотрел на неё так, будто уже заметил всё, чего не должен был замечать.

Антон начал без длинного вступления.

— Я не буду рассказывать вам, что продажи зависят от уверенности, дисциплины и умения слушать клиента, — сказал он, стоя у экрана. — Вы и без меня знаете это. Более того, большинство из вас могли бы прочитать такой семинар сами. Возможно, даже лучше. Поэтому предлагаю сразу договориться: сегодня мы будем обсуждать не то, что люди говорят вслух, а то, что они пытаются скрыть.

В зале кто-то тихо рассмеялся.

Антон улыбнулся.

— Уже страшно?

— Пока нет, — ответил один из руководителей.

— Значит, я плохо начал.

Он говорил легко, без навязчивого стремления понравиться. Не превращал занятие в шоу, хотя умел держать внимание. Не бросался мотивационными фразами. Задавал вопросы, заставлял людей спорить, разбирал реальные ситуации, быстро замечал слабые места в ответах. Виктория слушала дольше, чем собиралась. Через двадцать минут поняла, что не уйдёт после вводного блока. Не только потому, что Антон действительно был хорош. Ей хотелось посмотреть, насколько долго он будет делать вид, будто не замечает её.

Недолго.

— Давайте начнём с простой вещи, — сказал Антон после короткого перерыва. — Большинство людей проигрывают переговоры ещё до того, как открывают рот. Не потому, что плохо подготовились. Потому что заранее выбрали роль. Просящего. Защищающегося. Умного. Жёсткого. Незаменимого. Хорошего сотрудника. Хорошего руководителя. Хорошего человека. И затем держатся за эту роль даже тогда, когда она мешает получить желаемое.

Он прошёл вдоль первого ряда, остановился возле флипчарта и взял маркер.

— Кто готов возразить?

Несколько человек улыбнулись, но никто не заговорил сразу.

Антон посмотрел на Викторию.

— Виктория Андреевна?

Она чуть подняла брови.

— Вы уже решили, что я возражу?

— Рассчитываю.

— Почему?

— Потому что вы слушаете так, будто мысленно исправляете формулировки.

В зале кто-то тихо засмеялся. Виктория почувствовала лёгкое раздражение и одновременно азарт.

— Хороший руководитель действительно использует роли, — сказала она. — Не только в переговорах. В любой сложной ситуации. Это не всегда слабость. Иногда способ удержать структуру, пока остальные теряют голову.

Антон кивнул.

— Согласен. Но что происходит, когда роль становится удобнее реальности?

— Зависит от роли.

— Хорошо. Возьмём вашу.

В зале стало чуть тише.

Антон не улыбался. Только смотрел внимательно.

— Мою?

— Вы вошли в зал и сразу заняли место сбоку. Ближе к выходу. Не в первом ряду, хотя все понимают, что вы один из самых влиятельных людей здесь. Вы не пытаетесь доминировать пространством, потому что оно и без того принадлежит вам. Не перебиваете. Не показываете скепсис слишком явно. Но уже решили, что останетесь дольше, чем планировали.

Несколько человек повернулись к Виктории.

Она почувствовала, как внутри медленно нарастает раздражение. Антон позволял себе слишком многое. Не переходил границу формально, но приближался к ней с улыбкой человека, который знает, насколько близко может подойти.

— И что именно вы хотите доказать? — спросила Виктория.

— Пока ничего. Только показываю, как много человек сообщает до начала разговора.

— Вы ошиблись в одном.

— В чём?

— Я ещё не решила, сколько останусь.

Антон улыбнулся.

— Тогда у меня есть дополнительная мотивация сделать семинар интереснее.

Люди рассмеялись. Напряжение растворилось в обычной рабочей атмосфере. Но Виктория уже поняла: он провоцирует намеренно. Не ради красивой сцены перед аудиторией. Ради неё. Проверяет, насколько легко вывести из привычной роли женщину, привыкшую контролировать пространство лучше большинства людей в этом зале.

Она осталась.

Практикум продолжался почти три часа. Антон разбирал переговорные сценарии, вызывал участников к доске, заставлял менять роли и защищать позиции, которые им не нравились. В нём не было пустой бодрости корпоративного тренера. Он действительно видел людей быстро. Не всегда точно, но достаточно близко к правде, чтобы заставить аудиторию нервничать и одновременно вовлекаться.

Викторию он включал в разговор несколько раз.

Каждый раз чуть больше, чем требовалось.

— Виктория Андреевна, вы бы согласились на это условие?

— Нет.

— Почему?

— Потому что собеседник уже показал готовность уступить.

— Где?

— В момент, когда начал объяснять причины своей жёсткости. Человек, не готовый двигаться, не тратит время на оправдания.

Антон улыбнулся.

— Хорошо. А если собеседник намеренно создаёт впечатление готовности уступить?

— Значит, нужно понять, зачем.

— И как?

— Не торопиться получать то, что вам слишком быстро предложили.

Он смотрел на неё несколько секунд.

— Полезный принцип.

Виктория почувствовала скрытый смысл и не отвела взгляд.

— Иногда.

— Вы сами всегда ему следуете?

В зале несколько человек улыбнулись, восприняв вопрос как часть профессиональной игры.

Виктория ответила спокойно:

— Я не обязана раскрывать методику целиком.

— Разумно.

Антон отступил.

Но между ними уже возникло то самое пространство второго разговора, знакомое по Роману. Только здесь всё происходило быстрее и легче. Антон не анализировал медленно. Не ждал разрешения на каждый следующий шаг. Он играл открыто, хотя формально не говорил ничего лишнего. Его интерес ощущался в интонации, в том, как он выбирал именно Викторию для спорных вопросов, в коротких взглядах после каждой удачной реплики.

И Виктории нравилось.

Это открытие не удивило её так сильно, как должно было.

После Максима она уже знала, что может быть желанной. После Романа поняла, что способна хотеть конкретного мужчину не из боли, не из желания доказать что-то себе или мужу. Теперь Антон показывал ещё одну сторону: ей нравилось выбирать самой. Не ждать, пока мужчина приблизится осторожно. Не реагировать на чужое восхищение. Не принимать предложение. Смотреть на человека и решать, интересен ли он ей. Позволить ему понять это не сразу, а постепенно, через разговор, сопротивление и лёгкую борьбу за инициативу.

Чувство оказалось почти опьяняющим.

После обеда занятие продолжилось в формате практических упражнений. Людей разделили на группы, выдали сценарии и попросили провести короткие переговоры. Виктория собиралась уйти, но Антон остановил её у двери.

— Вы уже решили, что увидели достаточно?

Она повернулась.

— У меня работа.

— У всех здесь работа.

— Именно поэтому странно тратить целый день на упражнения, которые можно разоб-
брать за час.

Антон улыбнулся.

— Вы боитесь проиграть?

Виктория посмотрела на него внимательнее.

— Кому?

— Пока не знаю. Можно выяснить.

В обычной ситуации она пресекла бы разговор. Не из-за грубости. Антон не был груб. Но подобная манера быстро утомляет, если мужчина ошибочно считает, что любая женщина обязана участвовать в игре только потому, что он умеет улыбаться и правильно выбирать интонацию.

Однако Виктория уже участвовала.

И сама это понимала.

— Пять минут, — сказала она.

Антон указал на свободный стол.

— Договорились.

Сценарий оказался простым: конфликт между крупным клиентом и поставщиком, обе стороны хотят сохранить сотрудничество, но не готовы уступить в вопросе цены и сроков. Антон сел напротив, положил ладони на стол и улыбнулся так, словно спор начался задолго до упражнения.

— Вы поставщик, — сказал он. — Я клиент.

— Почему не наоборот?

— Потому что вы привыкли диктовать условия. Интереснее посмотреть, как будете защищаться.

— Вы опять заранее выбрали мне роль.

— Проверяю, насколько легко вы её примете.

Виктория взяла лист с условиями и быстро просмотрела.

— Начинайте.

Антон начал.

Он говорил спокойно, уверенно, намеренно давил, создавал ощущение, будто у поставщика почти нет выбора. Виктория отвечала коротко, не позволяла сбить себя с позиции, задавала вопросы, возвращала разговор к деталям. В какой-то момент Антон сменил тактику, стал мягче, предложил компромисс, слишком удобный на первый взгляд.

Виктория сразу увидела ловушку.

— Нет, — сказала она.

— Почему?

— Потому что вы хотите получить не уступку, а признание слабости.

Антон улыбнулся.

— Возможно.

— Тогда ищите другой способ.

— А если мне нравится этот?

— Ваши предпочтения не влияют на условия сделки.

— Иногда влияют.

— Не в этом случае.

Он наклонился чуть ближе.

— Вы уверены?

Виктория почувствовала, как пространство вокруг стола меняется. Остальные участники продолжали свои упражнения, в зале стоял негромкий шум голосов, кто-то смеялся, кто-то спорил. Никто не обращал внимания на их короткую дуэль. Но Антон смотрел уже не как тренер. Взгляд стал более прямым, почти вызывающим.

— Абсолютно, — сказала Виктория.

— Мне кажется, вы просто не любите уступать первой.

— Вы опять ошибаетесь.

— Докажите.

Она улыбнулась едва заметно.

— В переговорах доказательства предоставляет сторона, выдвигающая утверждение.

— Красиво уходите.

— Я не ухожу.

Антон смотрел на неё несколько секунд.

— Это я заметил.

Пять минут давно закончились.

Виктория всё-таки ушла на встречу, но в течение оставшегося дня несколько раз вспоминала разговор. Не потому, что Антон сказал что-то особенно умное. Он позволил себе слишком прямую игру, почти мальчишескую в сравнении с Романом. И всё же в этой лёгкости существовало собственное удовольствие. Антон не требовал глубины. Не пытался понять её до конца. Не хотел получить обещание. Он просто чувствовал настроение и отвечал на него тем же.

Виктория понимала опасность.

Максим уже эмоционально вовлёкся. Роман существовал как спокойная взрослая тайна, требующая осторожности. Сергей улетел с другой женщиной, хотя продолжал присылать сообщения, будто всё оставалось прежним. Букет без подписи стоял в кабинете и напоминал: любой след рано или поздно становится видимым.

В подобной ситуации разумный человек должен был остановиться.

Виктория всегда считала себя разумным человеком.

Но теперь разумность перестала казаться единственной добродетелью.

К семи вечера офис почти опустел. Семинар закончился около шести, участники разошлись, обсуждая упражнения и споря о том, насколько полезным оказался день. Виктория задержалась на совещании, затем вернулась в кабинет и обнаружила несколько документов на подпись. Букет стоял у окна, уже немного изменившийся: некоторые цветы раскрылись почти полностью, лепестки выглядели мягче, запах стал теплее.

Телефон завибрировал.

Сергей прислал фотографию заката над морем.

«Здесь красиво. Надо будет приехать вместе».

Виктория посмотрела на экран, затем написала:

«Да, красиво».

Больше ничего.

Максим тоже написал:

«Как день?»

Она ответила:

«Долго».

«Устала?»

Виктория улыбнулась.

Он всегда спрашивал об усталости, словно пытался заботиться на расстоянии и не знал другого способа.

«Немного».

Ответ:

«Отдыхай. Не буду отвлекать».

Пауза.

«Хотя очень хочется».

Она посмотрела на сообщение и почувствовала знакомое тепло.

«Терпение полезно для региональных руководителей».

Максим:

«Не каждый день».

Виктория закрыла чат.

Письмо от Романа лежало в почте: короткое уточнение по договору, никаких личных реплик. Она прочитала, ответила и уже собиралась выключить ноутбук, когда в дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился Антон.

Он уже снял пиджак, рукава рубашки оставались закатанными, в руках была небольшая стопка раздаточных материалов. Выглядел чуть уставшим после длинного дня, но довольным.

— Не помешаю?

— Зависит от цели.

— Хочу забрать несколько материалов. Девушки сказали, часть оставили в соседнем учебном зале.

— И вы решили сообщить об этом мне?

Антон улыбнулся.

— Решил проверить, действительно ли вы ещё здесь.

— Проверили.

— Успешно.

Виктория откинулась на спинку кресла.

— У вас есть вопросы по семинару?

— Есть.

— Слушаю.

— Вы всегда уходите от ответа, когда вопрос касается лично вас?

Она посмотрела внимательнее.

— Вы пришли обсуждать психологические особенности руководителя отдела продаж?

— Нет.

— Тогда формулируйте точнее.

Антон вошёл, прикрыл дверь, но не закрыл полностью. Остановился у стола, не пытаясь сесть без приглашения.

— Вы остались на упражнение, хотя собирались уйти, — сказал он. — Спорили дольше остальных. Несколько раз намеренно давали мне возможность продолжать. И теперь делаете вид, будто не понимаете, о чём я спрашиваю.

Прямота снова раздражала.

И снова возбуждала.

— Возможно, мне просто понравился формат, — сказала Виктория.

— Возможно.

— Вы не верите?

— Я верю, что вам понравилось спорить со мной.

— Это разные вещи.

— Не всегда.

Он смотрел спокойно, но без осторожности Романа. Не пытался скрыть интерес за сложными формулировками. Не ждал, пока Виктория сама обозначит возможность. Проверял границу прямо, почти нахально, но оставался на расстоянии. Если она попросит уйти, он уйдёт. Виктория была уверена. В Антоне чувствовалась самоуверенность, но не навязчивость.

— У вас слишком высокая самооценка, — сказала она.

— Это профессиональный инструмент.

— Скорее профессиональная проблема.

— Иногда одно и то же.

Виктория встала.

— Учебный зал через коридор. Материалы, вероятно, там.

— Покажете?

Она могла вызвать помощницу. Могла просто указать направление. Могла сказать, что ей пора домой.

Вместо этого Виктория взяла телефон и вышла из кабинета.

— Идёмте.

Коридор почти опустел. Свет горел только в нескольких кабинетах, где сотрудники задерживались над срочными задачами. У лифта разговаривали двое мужчин, затем двери закрылись, увозя их вниз. Виктория шла впереди и слышала шаги Антона за спиной. Не торопливые. Спокойные. Он ничего не говорил.

Учебный зал находился на другом конце этажа.

После семинара там остался лёгкий беспорядок: сдвинутые стулья, открытые бутылки воды, маркеры возле флипчарта, несколько стопок материалов на столе. Экран выключен, дневной свет давно исчез, за окнами сиял город. В помещении горели только боковые лампы, создавая мягкий полумрак.

— Вот материалы, — сказала Виктория.

Антон подошёл к столу, посмотрел на стопку листов и усмехнулся.

— Действительно здесь.

— Вы удивлены?

— Немного.

— Почему?

Он повернулся к ней.

— Надеюсь, что придётся искать дольше.

Виктория почувствовала, как внутри возникает знакомое напряжение. Не глубокое, как рядом с Романом. Не мягкое и почти нежное, как с Максимом. Быстрое. Живое. Почти весёлое в своей опасности.

— Вы слишком явно пытаетесь флиртовать, — сказала она.

— Я думал, вы цените прямоту.

— В разумных пределах.

— Где они?

Антон сделал шаг ближе.

Не слишком близко.

Оставил пространство.

Но Виктория почувствовала его присутствие сразу: запах парфюма, тепло, уверенность, тот самый вызов, которым был наполнен весь день.

— Вы действительно хотите, чтобы я ответила? — спросила она.

— Да.

— Тогда начнём с простого. Не задавайте вопросы, если не уверены, что готовы услышать ответ.

Антон улыбнулся.

— Я готов.

Фраза почти повторяла слова Романа.

Но звучала иначе.

У Романа готовность была взрослой, осторожной, связанной с пониманием последствий. У Антона — азартной. Он словно стоял перед закрытой дверью и хотел проверить, откроется ли она от одного прикосновения.

Виктория посмотрела на него внимательно.

— Вы уверены в себе до неприличия.

— Пока вы не попросили остановиться.

— А если попрошу?

— Остановлюсь.

Ответ прозвучал сразу.

Без улыбки.

Именно это решило всё.

Виктория подошла ближе сама.

Антон замер, но только на секунду. Она увидела короткую вспышку удивления: вероятно, он ожидал продолжения словесной игры, ещё нескольких реплик, медленного приближения. Виктория не дала ему времени.

— Вы слишком много говорите, — сказала она тихо.

— Это работа.

— Сейчас вы не работаете.

Она коснулась пальцами его рубашки у воротника.

Антон вдохнул глубже.

— Это замечание или рекомендация?

— Проверка.

— Чего?

Виктория подняла взгляд.

— Насколько быстро вы умеете замолчать.

Она поцеловала его первой.

Антон ответил мгновенно.

Не осторожно, как Максим в первые секунды у двери гостиничного номера. Не медленно, как Роман в гостевой комнате ресторана. Его поцелуй был быстрым, уверенным, почти смеющимся. В нём чувствовалось удовольствие от самой игры, от неожиданного поворота, от того, что Виктория не просто позволила приблизиться, а сама выбрала момент.

Её спина коснулась края стола.

Стопка материалов сдвинулась, несколько листов упали на пол. Антон положил ладонь рядом, не прижимая её, но оказываясь достаточно близко, чтобы Виктория почувствовала тепло его тела. Второй рукой коснулся талии. Движение оказалось уверенным и одновременно осторожным: он действительно ждал реакции, хотя не спрашивал вслух.

Виктория не отступила.

Напротив, взяла его за воротник и притянула ближе.

Поцелуй стал глубже.

Тело отозвалось слишком быстро. Возможно, потому что весь день был наполнен скрытым спором. Возможно, потому что после Максима и Романа Виктория уже перестала удивляться собственному желанию. Возможно, потому что ей нравилась сама мысль: она может выбирать. Не ждать, пока жизнь решит за неё. Не соглашаться из благодарности за внимание. Не отвечать на чужое предательство. Смотреть на мужчину, понимать, что хочет его, и позволять себе сделать первый шаг.

Антон коснулся губами её щеки, затем шеи.

— Вы всегда так проводите проверку? — прошептал он.

— Только если тренер слишком самоуверен.

— И как результат?

Виктория закрыла глаза на секунду, чувствуя его дыхание у кожи.

— Пока рано делать выводы.

Антон тихо рассмеялся.

— Значит, продолжим.

Его ладонь скользнула по талии чуть выше, задержалась на спине. Виктория чувствовала, как дыхание сбивается. Стол за спиной, полумрак учебного зала, город за окном, рассыпавшиеся листы на полу — всё складывалось в сцену, слишком рискованную для рабочего вечера.

Любой человек мог пройти по коридору. Дверь не была заперта. Свет горел. Они находились в офисе, где днём десятки людей сидели за столами и обсуждали эффективность переговоров.

Именно это усиливало напряжение.

Антон снова поцеловал её. Теперь медленнее, словно понял, что спешка не обязательна. Виктория провела ладонью по его плечу, почувствовала мышцы под тонкой тканью рубашки. Он был моложе Романа, легче, подвижнее, почти слишком уверен в собственной привлекательности. Но Виктории нравилось ощущать, как эта уверенность даёт трещину под её руками.

— Виктория, — сказал он тихо.

Без отчества.

— Что?

— Я всё утро пытался понять, насколько ошибаюсь.

— И?

Антон посмотрел прямо.

— Похоже, недооценивал ситуацию.

Она улыбнулась.

— Вы ещё ничего не поняли.

— Тогда объясните.

— Вы опять слишком много говорите.

Виктория сама закрыла расстояние.

На этот раз его ладони стали смелее. Одна легла на бедро поверх ткани брюк, медленно, без резкости. Другая скользнула по спине. Антон не торопился переходить границу, но Виктория чувствовала, насколько сильно он хочет продолжить. Это ощущение действовало почти так же, как в первые минуты с Максимом у панорамного окна: знание, что мужчина сдерживается только потому, что она ещё не дала ясного разрешения идти дальше.

И ей нравилось удерживать этот момент.

Не из жестокости.

Из наслаждения выбором.

Она могла остановить.

Могла продолжить.

Могла уйти, оставив Антона с рассыпавшимися материалами, помятой рубашкой и пониманием, что следующий шаг зависит только от неё.

Виктория почувствовала, как по телу проходит дрожь.

Антон заметил.

— Холодно? — спросил он тихо.

— Нет.

— Хорошо.

Он поцеловал её шею, чуть ниже, и Виктория едва не закрыла глаза окончательно, позволяя ощущению вытеснить осторожность. Ладони сильнее сжали его плечи. Стол слегка скрипнул под её движением. На пол упал ещё один лист.

В коридоре раздались шаги.

Сначала далёкие.

Потом ближе.

Виктория замерла.

Антон тоже остановился мгновенно.

Они смотрели друг на друга, не двигаясь. Его ладонь всё ещё лежала на её талии, её пальцы держали воротник рубашки. Дыхание обоих звучало слишком громко в тихом зале.

Шаги приближались.

Кто-то говорил по телефону. Мужской голос. Не охранник, судя по интонации. Возможно, сотрудник, задержавшийся на работе. Возможно, человек, который направлялся именно в учебный зал за забытыми вещами.

Антон медленно отступил.

Виктория сразу почувствовала отсутствие его тепла. Поправила блузку, провела ладонью по волосам, оглянулась на стол. Рассыпавшиеся листы выглядели почти обвинением.

Антон наклонился и быстро собрал материалы.

Шаги остановились возле двери.

Ручка дрогнула.

Виктория почувствовала, как сердце ударило сильнее.

Дверь приоткрылась.

На пороге появился молодой сотрудник из аналитического отдела. В одной руке он держал телефон, другой продолжал искать что-то в кармане. Увидев Викторию, он замер.

— Ой. Виктория Андреевна. Простите.

Она посмотрела на него спокойно.

— Да?

— Я блокнот оставил. После семинара.

— Посмотрите на заднем столе.

— Спасибо.

Сотрудник вошёл, всё ещё разговаривая по телефону вполголоса. Антон стоял у стола с аккуратно собранной стопкой материалов и выглядел совершенно естественно: приглашённый тренер завершает рабочий день, руководитель отдела продаж помогает найти нужные документы. Ничего больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.